ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 ИЮНЬ 1981

ВЫСОКИЕ НАГРАД

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2812)

6 ИЮНЯ 1981

Международное сотрудничество в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях — наглядный пример братской дружбы и тесного взаимодействия стран социализма. Завершением полетов по программе «Интеркосмос» стала девятая международная экспедиция в составе командира корабля Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР Л. И. Попова и космонавта-исследователя гражданина Социалистической Республики Румынии Думитру Прунариу, проявивших высокое мастерство и отвагу.

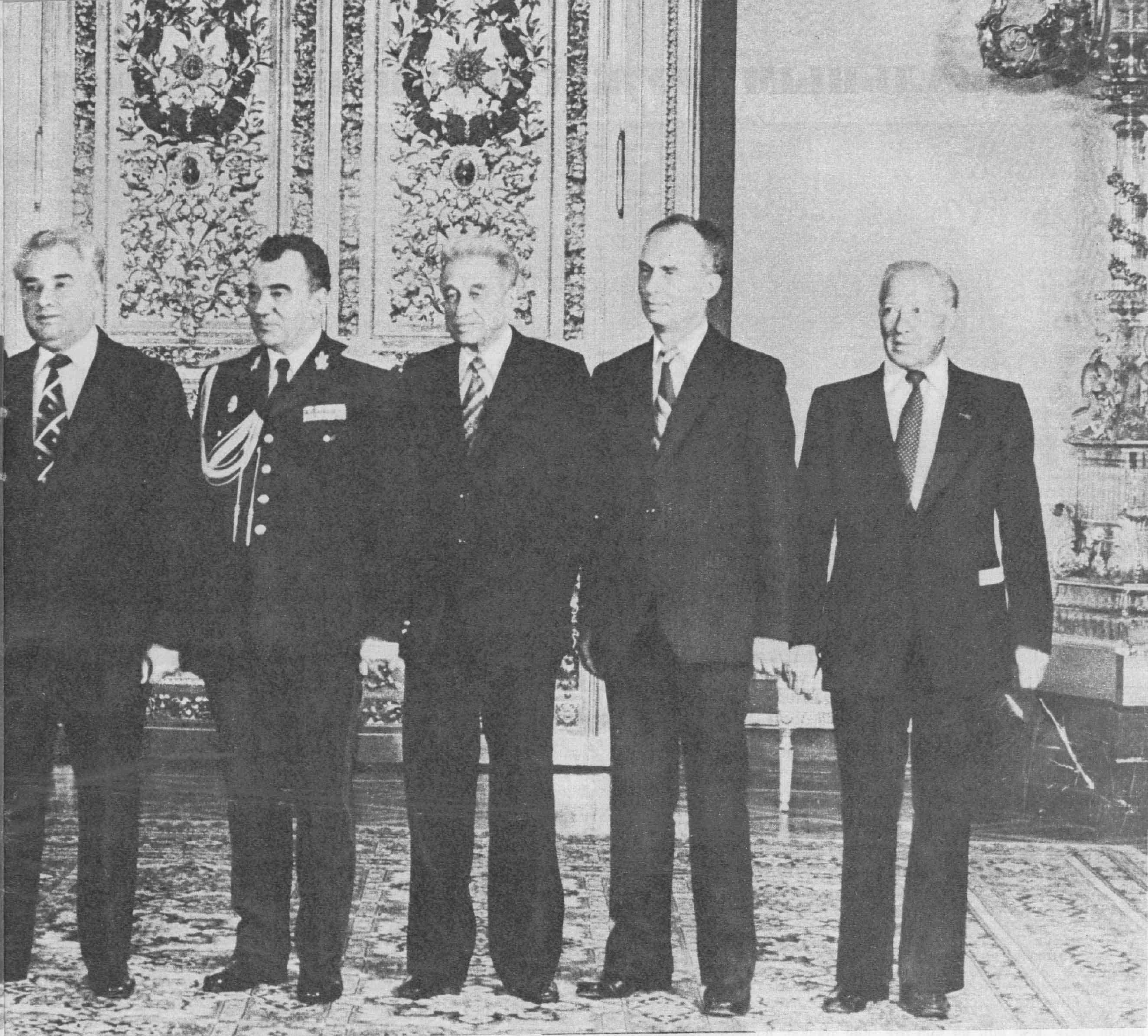
2 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил в Кремле отважным покорителям космоса высокие награды Советского Союза.

Товарищ Л. И. Брежнев выступил при вручении наград. Он, в частности, сказал:

— Я рад возможности непосредственно приветствовать советско-румынский космический экипаж.

Каждый очередной полет космонавтов социалистических стран — это еще один шаг вперед и науки, и техники, и человеческой мысли. По существу каждый полет уникален. Он имеет свое назначение, свою цель. А все вместе они составили единую продуманную программу, осуществление которой будет хорошим фундаментом в дальнейшем познании космоса...

Товарищи! За успешное осуществление космического полета на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-6» — «Союз» и проявленные при этом мужество и ге-

Ы КОСМОНАВТАМ

роизм Леонид Иванович Попов награждается орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда». Космонавту-исследователю гражданину Социалистической Республики Румынии Думитру Прунариу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Обращаясь к товарищу Л. И. Брежневу, Л. И. Попов, в частности, сказал:

— Этот полет завершен в год, когда весь советский народ претворяет в жизнь решения XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза, в год 60-летия Румынской коммунистической партии, в год, когда все прогрессивное человечество отмечает 20-летие полета человека в космос — первого человека планеты Земля Юрия Алексеевича Гагарина.

Выступивший затем Д. Прунариу выразил горячую благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, лично Леониду Ильичу Брежневу за оказанную ему высокую честь — присвоение высокого звания Героя Советского Союза.

— Космический полет,— сказал он,— а также исследования, в которых я принял участие, служат ярким выражением традиционной солидарности и плодотворного сотрудничества между Румынской коммунистической партией и Коммунистической партией Советского Союза, между Румынией и СССР в созидании социалистического и коммунистического общества.

Выступления были встречены аплодисментами.

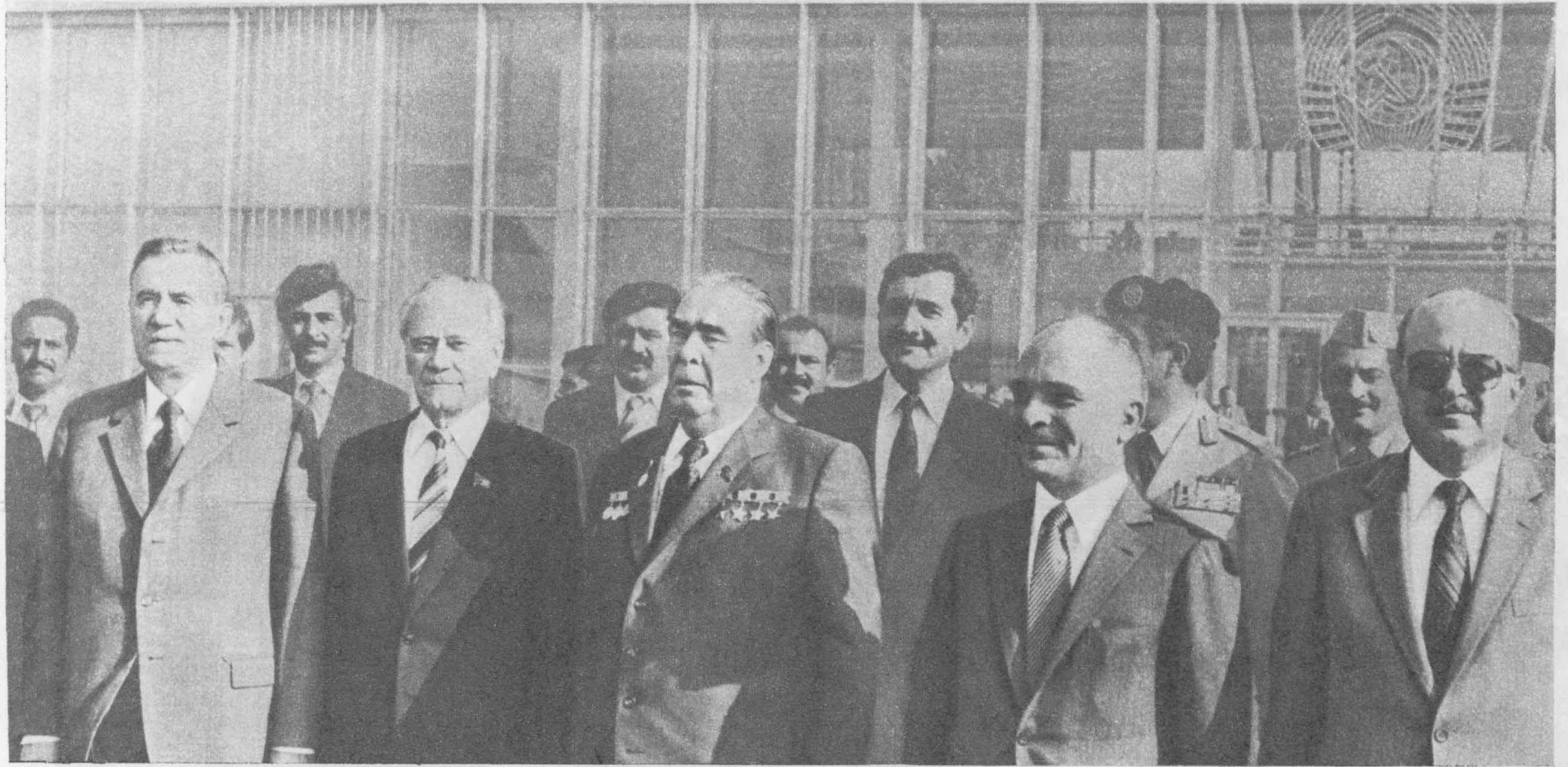
Л. И. Попов и Д. Прунариу вручили Леониду Ильичу Брежневу памятные подарки, находившиеся на борту космического корабля во время совместного полета международного экипажа.

Героев космоса сердечно поздравили присутствовавшие при награждении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, генерал-майор авиации А. А. Леонов, посол СРР в СССР Т. Дудаш, другие официальные лица.

На снимке: во время вручения наград.

Фото С. Гурария

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

ВЕЛИКАЯ СИЛА СОЗИДАНИЯ

30 мая в Улан-Баторе закончился XVIII съезд Монгольской народно-революционной партии.

С докладом «Отчет Центрального Комитета партии XVIII съезду и задачи на ближайшие годы» выступил Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал.

Наглядным свидетельством международного авторитета партии монгольских коммунистов

БЕСЕДА В ЦК КПСС

27 мая состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с делегацией Ливан-

26—27 мая в Кремле состоялись советско-иорданские переговоры, которые вели:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков;

с иорданской стороны — король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал, премьер-министр и министр обороны Модар Бадран, начальник королевской канцелярии Ахмед Керим аль-Лаузи, начальник секретариата короля принц Раад Бен Зейд, министр по делам оккупированных территорий Хасан Анис Ибрагим, министр иностранных дел Марван аль-Касем, председатель национального совета планирования М. Ханна Ода.

В ходе переговоров, проходивших в деловой и доброжелательной атмосфере, состоялся обстоятельный обмен мнениями о положении на Ближнем Востоке и путях установления в этом районе справедливого и прочного мира. Были также обсуждены другие актуальные международные проблемы и вопросы развития советско-иорданских отношений.

С удовлетворением было отмечено, что дружественные отношения между Советским Союзом и Иорданией развиваются ко взаимной выгоде обеих стран и наглядно свидетельствуют о возможности и полезности сотрудничества государств с различным общественным строем.

27 мая король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал отбыл из Москвы в Киев.

На Внуковском аэродроме Хусейна Бен Талала провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

29 мая король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал отбыл на родину.

На снимке: проводы на аэродроме в Москве. Фото Э. Песова (ТАСС)

явилось присутствие на ее XVIII съезде зарубежных делегаций более чем из 60 стран, представляющих различные отряды коммунистического, рабочего, национально-освободительного движений.

Тепло и сердечно принимали коммунисты, трудящиеся Монголии делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, выступившим на съезде с речью.

Съезд целиком и полностью одобрил внутреннюю и внешнюю политику и практическую деятельность ЦК партии. Принято постановление о некоторых изменениях и дополнениях в уставе МНРП. Единогласно утверждены «Основные направления развития народного хозяйства и культуры МНР на 1981—1985 годы».

Делегаты форума приняли также воззвание «Свободу мужественным борцам за дело мира, демократии и прогресса».

Съезд избрал руководящие органы партии. Генеральным секретарем Центрального Комитета МНРП единогласно избран Ю. Цеденбал.

Съезд монгольских коммунистов обобщил богатый опыт партии и народа, накопленный за минувший период, выдвинул новые задачи строительства социализма на монгольской земле, совершенствования социалистических общественных отношений.

На снимке: во время открытия съезда. Телефото В. Черединцева (ТАСС)

ской компартии в составе Генерального секретаря ЦК ЛКП Ж. Хауи, члена Политбюро, секретаря ЦК ЛКП Н. Абдель Самада и члена Политбюро ЦК ЛКП С. Мазраани.

Представители КПСС ознакомили делегацию ЛКП с деятельностью Коммунистической партии Советского Союза по реализации решений ее XXVI съезда в области внутренней и внешней политики.

Делегация ЛКП рассказала о положении в Ливане и деятельности партии. Вместе с другими национально-патриотическими силами страны она противостоит антиливанским проискам империализма и его пособников, особенно усилившимся в последнее время.

Беседа прошла в теплой, товарищеской обстановке.

На снимке: во время встречи. Фото В. Егорова (ТАСС)

РИТОРИКА И ПОЛИТИКА

Владимир НИКОЛАЕВ

Давно уже миновал так называемый «медовый месяц» нового американского президента, стали историей те сто дней, которые в США традиционно считают периодом «благожелательного отношения к новой администрации». По истечении этого срока американская и мировая общественность была вправе ожидать, что политика Белого дома обретет определенные очертания как во внутренней, так и во внешней сферах. Что касается, например, последней, то журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» констатирует: «Внешняя политика президента Рейгана проявляет тревожные признаки того, что она застряла в замешательстве и противоречиях... Администрация все еще избегает определения своей мировой стратегии». Этот американский еженедельник не одинок, когда выражает подобное беспокойство. Так, газета «Вашингтон пост» пишет: «Если у администрации нет аппарата для разработки политики, у нее в общем-то нет и политики, если не считать негативной стороны». Газета так поясняет свою мысль: «Ясно, против чего выступает новая администрация, но до сих пор неизвестно, за что она».

В этой ситуации американские средства информации характеризуют линию государственного департамента США в деле контроля над вооружениями (животрепещущий вопрос современности!) таким, на наш взгляд, весьма красноречивым образом: «настойчивая нерешительность». По их же мнению, в это определение составными частями входят: негативный, а не конструктивный подход к важнейшим проблемам, жесткий тон и воинственная риторика. По выражению газеты «Крисчен сайенс монитор», любовь к высокопарным фразам стала стилем нынешней администрации. Что ж! Говорят, человек — это его стиль.

Пусть риторика — еще не политика. Но как можно отнестись к такому зловещему утверждению: «Есть вещи поважнее, чем мир»?! Это откровение принадлежит Хейгу, нынешнему государственному секретарю США. Им он поделился со своими соотечественниками еще до прихода в государственный департамент, но, и заняв там нынешний пост, Хейг этой своей позиции, как видно, не изменил. Такое опасное умонастроение не может не иметь связи с политикой руководимого им департамента, с внешней политикой новой американской администрации.

Но что же может быть важнее мира? С точки зрения сторонников такого взгляда, это безудержная гонка вооружений с целью противостоять так называемой «советской угрозе». Пусть миф об этой «угрозе» давным-давно обветшал и был многократно разоблачен, все равно им продолжают размахивать как пугалом. Недаром обозреватель Р. Стил пишет: «Внешняя политика администрации проста и прямолинейна. Имя ей—антисоветизм. Через эту линзу рассматривается любая проблема во внешнем мире». Пример тому — громогласное объявление Вашингтона о борьбе с «международным терроризмом», за которым якобы стоит все тот же Советский Союз. Но, увы, «реальных свидетельств на этот счет не существует»,—вздыхает даже такая газета, как «Нью-Йорк таймс».

А тем временем, опираясь на уже давно упрочившиеся сомнительные традиции и разработанные грязные методы, американские власти сами проводят, где могут, политику террора. Последний пример — разбойный налет на рейсовый самолет Аэрофлота в вашингтонском международном аэропорту. И снова привычная уже картина: опасная риторика накладывает свой отпечаток на политику, хотя авторы последней делают вид, что они ни при чем. «Эта акция не имеет никакой связи с нашей внешней политикой», — поспешил заявить исполняющий обязанности пресс-секретаря Белого дома Лэрри Спикс, попытавшись свалить вину за весь скандал на таможенную службу США.

А в мире неспокойно. Снова накалилась атмосфера на Ближнем Востоке. Много и других международных проблем требуют своего разрешения. В первую очередь необходимо продолжить советско-американский диалог об ограничении стратегических вооружений. Но как подойти ко всему этому, имея в виду интенсивность антисоветской милитаристской риторики за океаном?

Известно, какой широкий отклик нашли во всем мире внешнеполитические инициативы XXVI съезда КПСС. Они недаром названы Программой мира восьмидесятых годов. Их отличает гибкий реалистический подход к решению спорных международных проблем, в них нет места негативной риторике, а есть конструктивные предложения, которые не исключают дальнейшего обсуждения. В своих недавних речах в Киеве и Тбилиси Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев снова обратился к Западу с призывом к диалогу во имя мира и безопасности народов.

«...Есть и такие государственные деятели в буржуазном мире, которые, судя по всему, привыкли мыслить только категориями силы и диктата, — говорил Л. И. Брежнев 9 мая в Киеве.— Они фактически считают достижение военного превосходства над Советским Союзом своим главным политическим кредо. Решение международных проблем путем переговоров и взаимовыгодных соглашений у них, видимо, где-то на десятом месте, если они об этом вообще думают всерьез».

Конструктивно, а не спекулятивно, политически обоснованно, а не риторически раздраженно необходимо всерьез подойти к решению важнейших международных проблем путем переговоров. Таково веление времени.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Жестокость хунты в Сальвадоре не знает границ.

Находящаяся у власти в Сальвадоре хунта развязала настоящую войну против народа. Массовыми убийствами, жесточайшим террором и репрессиями реакционная военщина пытается задушить борьбу патриотов за свободу и подлинную независимость своей страны, за счастье и процветание народа. По сообщениям печати, за первые три месяца этого года в Сальвадоре убито почти шесть с половиной тысяч человек. 20 процентов жертв — молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет. Сальвадорцы с горечью говорят: «Сейчас быть молодым в нашей стране опасно — в каждом юноше, каждой девушке каратели видят революционера». Согласно данным организации «Юридическая помощь», действующей при епископате в Сан-Сальвадоре, в 1980 году в стране было убито и замучено свыше 8 тысяч человек.

Спасаясь от террора и репрессий, более 250 тысяч сальвадорцев покинули страну. Многие из них нашли приют в Никарагуа, так как народ этой страны хранит горькую память о кровавом режиме Сомосы, уничтожившем 30 тысяч человек из двух миллионов жителей. В Никарагуа в меру сил и материальных возможностей беженцев из Сальвадора окружают заботой и вниманием.

...На днях я побывал в одном из лагерей сальвадорских беженцев, расположенном примерно в 100 километрах от Манагуа. Здесь в нескольких бараках и палатках живет около 350 человек. Никарагуанское правительство и министерство социального обеспечения пытаются облегчить их жизнь. Построена кухня, имеется медпункт с аптекой и выделено помещение под школу.

Мне удалось поговорить со многими беженцами. Их имена записаны у меня в блокноте. Но в силу понятных соображений я не могу назвать их подлинные имена и точно указать место действия. Мои собеседники опасаются за жизнь своих родственников, оставшихся в Сальвадоре. Пока нельзя рассказать и о том, какими путями беженцы прибыли в Никарагуа. Но за подлинность рассказов моих собеседников я ручаюсь. Они записаны почти дословно.

Кармен К. 46 лет. Крестьянка. Мать пятерых детей.

— В тот момент, когда солдаты и национальные гвардейцы окружили нашу деревню, я лежала с воспалением легких, а мой муж работал на огороде. Вдруг в хижину прибежал сын и сказал, что отца забрали. В ту же минуту в дом ворвались солдаты. Их было десять. Они пинками подняли меня с постели, вытащили на улицу. Всех жителей деревни согнали на площадь. Нам завязали глаза. Так мы простояли несколько часов. Потом нас всех погнали к оврагу. Солдаты заставили мужчин раздеться догола, а потом их всех расстреляли на наших глазах, в том числе и моего мужа. В этот день погибло 25 человек.

...Кармен не может унять волнения при этих воспоминаниях. Ее душат слезы. Сопровождающий меня представитель министерства социального обеспечения просит принести воды. Пока Кармен пытается успокоиться, я наблюдаю за жизнью лагеря. Он раскинулся на большой поляне, наверное, здесь раньше был выпас. Среди деревьев, окружающих поляну, раскиданы десятки палаток защитного цвета. Они предоставлены ООН. К деревьям привязаны гамаки. Неподалеку от кухни два десятка женщин стирают белье. В лагере очень много детей и стариков.

Но вот Кармен кое-как удается унять волнение и продолжить рассказ.

— Не помню, как дошла до дома. У самых дверей меня схватили трое солдат. Они повалили меня на землю и стали избивать прикладами. Я начала кричать. Солдаты меня отпустили. Дом я застала полностью разграбленным, из него утащили все. Три дня каратели не позволяли похоронить трупы расстрелянных. За это время они совсем разложились. Наконец, разрешили вырыть могилу. Один из жителей нашей деревни, принимавший участие в захоронении, заразился трупным ядом и умер. Я боялась за жизнь детей! Мы сумели бежать и с большим трудом добрались до Никарагуа. Жизнь в лагере нелегкая, но зато здесь спокойно, дети мои вне опасности.

Марина Р. 44 года. Мать 11 детей. Крестьянка. Жительница той же деревни, что и Кармен К.

— Солдаты изнасиловали и убили мою дочь. Ей отрезали груди. Не пощадили и моего сына. Они долго пытали его. Труп сына обнару-

ОНИ БЕЖАЛ

жили в колодце. У него были связаны руки и ноги. На теле и на лице были видны следы ударов мачете. Может быть, каратели бросили моего сына в колодец, когда он был еще жив.

ХУАН Р. 68 лет. Крестьянин.

— У меня был свой клочок земли и корова, но прокормить семью я не мог, поэтому пошел в батраки к помещику. Когда началась партизанская борьба, я сказал своим старшим сыновьям: «Революция — правильное дело, я за революцию. Может быть, она поможет нам освободиться от нищеты».

Восемь моих сыновей ушли в горы к партизанам.

Однажды в пять часов утра в нашу деревню нагрянули солдаты и гвардейцы. Они стали убивать всех подряд, не щадя ни стариков, ни детей, ни женщин. Они насиловали девушек. Солдаты убили троих моих сыновей, оставшихся со мной в деревне. Трупы двоих из них так и не удалось разыскать. Тело третьего сына я нашел на кукурузном поле на четвертый день. У моего мальчика были отрублены голова и руки. Его пытали — выдавлены глаза, вырваны ногти.

Друзья предупредили, что солдаты разыскивают меня и грозятся убить. Я бежал из деревни и полтора месяца скрывался в разных местах. Затем я дал знать о себе семье, мы встретились в условленном месте, куда каждый пришел поодиночке, и с восьмого августа мы здесь, в Никарагуа. Я никогда не думал, что попаду в эту страну. Я боялся, что здесь будет плохо, ведь мы прибыли сюда совсем без денег. Все мои сбережения украли каратели. Но нас кормят, дают одежду, оказывают медицинскую помощь. Здесь спокойно, но я постоянно думаю о своих сыновьях. Они поклялись, что или погибнут, или освободят нашу родину. Мои дети борются за победу революции. Я верю, что скоро настанет день освобождения.

ХОСЕ П. 51 год. Батрак из департамента Сан-Висенте. Бежал в Никарагуа с женой и тремя детьми.

— Мой сын Хуан был разъездным торговцем одеждой. Ему было двадцать пять лет. Однажды он ехал на машине с тремя товарищами. Полицейский патруль без предупреждения обстрелял их. Мой сын и все его товарищи погибли. Другой мой сын, Хосе, был тяжело ранен. Солдаты увидели его, когда он шел по лесу, и открыли огонь. Когда каратели видят крестьянина в горах, они сразу же стреляют.

ХУАН АНТОНИО ДИАС СЕЛАЙА (с согласия рассказчика привожу его подлинное имя и фамилию). Врач-педиатр.

— Жизнь в Сальвадоре стала невозможной. Людей хватают прямо на улице по подозрению или доносу. Все живут в постоянном страхе. В столице с десяти часов вечера до пяти утра установлен комендантский час. Один мой знакомый был в гостях, за полчаса до начала комендантского часа он пошел домой, и его сбила машина. Кое-как он дополз до подворотни ближайшего дома. Но здесь его обнаружил патруль. Его сразу же застрелили. Каждый день сообщается об убийствах людей, якобы нарушивших комендантский час. Хунта жесточайшими репрессиями стремится подавить сопротивление. Но народ продолжает борьбу. Даже многие военнослужащие переходят на сторону партизан. Особенно жестокий террор развязала хунта в сельской местности. Каратели организуют массовые расстрелы безоружных крестьян. В департаменте Ла-Пас солдаты убили всех членов правления крестьянского кооператива. Мне пришлось бежать из страны с фальшивыми документами. 26 апреля этого года солдаты ворвались в мою клинику под предлогом того, что будто бы здесь скрывается разыскиваемый ими человек. Конечно, в клинике никого не оказалось. Но мое имя появилось в публикуемых списках «подрывных элементов». 27 апреля я перешел в Никарагуа, через три дня прибыла моя жена с дочкой и тремя сыновьями.

Когда я проезжал через город Сан-Мигель, третий по значению город в Сальвадоре, то видел на обочине трупы двух юношей. Они были буквально изрешечены пулями. Пьяные или принявшие наркотики солдаты убивают детей, стариков, беременных женщин. Но наш народ не сломить. Он победит.

...У меня записано еще несколько рассказов беженцев. И все они — свидетельство чудовищных расправ, чинимых хунтой в Сальвадоре, достоверное доказательство того, что президент Дуарте и его подручные стремятся в море крови потопить освободительную борьбу патриотов.

Игорь НЕМИРА,
собкор АПН — специально
для «Огонька»

Манагуа.

Очередные жертвы «эскадрона смерти».

Прохожие собирают деньги семье погибшего.

И ОТ СМЕРТИ

Многому научились ткачихи Т. Дадоева и Л. Сабирова у начальника цеха М. Мамаджанова.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ШЕЛКОВ

Адрес указан XXVI съездом КПСС

Художница Людмила Жилина проверяет рисунок вновь созданной ткани.

Осуществить техническое перевооружение... шелкового комбината в г. Ленинабаде.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

У подножия новых белокаменных зданий Ленинабада — полноводная, весенней поры Сырдарья. Она представляется душой этого бурно растущего города. Особенно рано поутру, когда в рассветных лучах, устремленных к реке по горным склонам, цвет волн приобретает оттенки то зыбких вкраплений рубина, то изумруда, то сапфира в ярко-оранжевом полотнище из солнечных бликов.

Именно такие напрашиваются сравнения, когда смотришь на бесконечный, сияющий всей цветовой гаммой поток атласа «Ходжентский» здешнего шелкокомбината.

— В свои школьные годы я, как и мои родители и многие поколения прародителей, ткала атлас дома на ручном, из дерева и веревочных связок, станке, — вспоминает Махфират Додобаева, знатная работница, делегат XXVI съезда КПСС. — Руки и ноги все время в напряжении, уставала очень, но... — Махфират с веселой усмешкой сжала пальцы в кулак, — но после таких «тренировок» чувствовала себя спокойно на улице, мальчишки не трогали, знали, что одной рукой справлюсь с любым из них. Правда, производительность была, как и во времена Тамерлана: за день — сажень...

Да, этот труд всегда, из века в век, отличался неспешностью. И еще — баснословными ценами на шелковую ткань. Народ же ходил в рубищах из мешковины...

Все это — и ручной ткацкий станок и прежнюю одежду тех, кто одевал в шелка знать Востока и Запада, — теперь можно увидеть лишь в краеведческом музее. Последнее шестидесятилетие не сравнить и с шестью былыми веками по масштабам преображения ткацкого оборудования, самой психологии ткачей и, конечно же, условиям их труда и быта. Директор шелкокомбината Хабиб Бакаев отмечает это с вполне понятной гордостью. Однако в его речь то и дело вплетаются беспокойные слова о не использованных пока резервах, о новейших станках, способных полностью высвободить человека от рутинных операций.

— За одиннадцатую пятилетку, — говорит Хабиб Бакаев, — нам предстоит увеличить выпуск продукции с 54 миллионов метров в год до 60 миллионов. Причем все тем же коллективом в девять тысяч человек!

— Беспокоит увеличение нагрузки на каждого?

— Эту тяжесть переложим на плечи машин... А вот рост значительности каждого работника в производственном процессе — действительно целая проблема, притом современнейшая. Думаете, случайно выдвигаем на руководящую работу людей, пришедших, как говорится, от станка, прочувствовавших на себе, что может помочь или помешать рядовому труженику? И не только в цехе, но и дома, в магазине, столовой, в часы досуга. Знаток ткацкого производства инженер Абдушукур Солиев стал секретарем парткома комбината, опытнейшая ткачиха Махфират Додобаева — председателем профкома. Сам я тоже начинал с ученика ткача, был помощником мастера, бригадира.

В конце войны наш комбинат дал за год один миллион двести тысяч метров парашютного шелка. Это казалось пределом наших возможностей...

Конечно, это и был предел, если сравнивать тот фронтовой шелк, делавшийся на старых станках полуголодными подростками и пенсионерами, с уровнем производства ткани в 1934 году. Но уже в 1960 году ленинабадский шелковый поток исчислялся 23 миллионами метров! За последнее же двадцатилетие не только выросло количество станков — с восьмисот до двух тысяч, — но и сами станки дважды заменялись более совершенными.

— Теперь вот в третий раз бу-

В новом цехе кокономотального производства.

А Я Р Е К А

дем, можно сказать, расширять русло нашего потока, — снова озабоченно, даже как-то нетерпеливо проговорил Хабиб Бакаев. Потом добавил: — Строки из «Основных направлений» о техническом перевооружении нашего шелкового комбината знает у нас каждый. В общем, осталось сделать самую малость: обеспечить условия для превращения каждого рядового работника в ударника, нынешнего ударника — в маяка...

Что ж, процесс этот постоянный. Он-то и питает растущий поток продукции, как глубинные родники — реку. Например, когда Махфират Додобаева была еще в Москве, на съезде, в ее адрес пришла телеграмма от работницы Ирины Ислямовой с третьей ткацкой фабрики, той самой, где Махфират нашла свою трудовую славу. «Следуя вашему примеру,— сообщала ткачиха Ислямова, — обязуюсь в новой пятилетке выполнить два пятилетних задания».

— Наша задача в том, чтоб таких обязательств было побольше,— говорит Махфират. — Работают у нас преимущественно женщины. Поэтому первым делом на производстве решили вопрос с местами в детяслях и детсадиках. На сегодня все заявки удовлетворены, а вот о завтрашнем дне надо думать. Люди стали жить лучше, семьи растут. У меня лично уже три сына и две дочки,— смеется она.— Да воспитанников-ткачей восемнадцать девушек и два парня. Многие учатся без отрыва от производства — кто в вечерней школе рабочей молодежи, кто в текстильном техникуме, а с прошлого года в нашем городе открылся филиал Душанбинского политехнического института. Как депутат Верховного Совета СССР я ездила в Москву «пробивать» этот вопрос: будут свои, ленинабадские кадры специалистов с высшим образованием!

А проблема медицинского обслуживания? Построена поликлиника на триста посещений в день, стационар на полтораста мест и, разумеется, санаторий-профилакторий, где ежегодно поправляют свое здоровье более тысячи человек. Чтоб рабочие в хорошем настроении, с полным зарядом сил приступали к смене, а после нее быстрее добирались домой, комбинат выделил свой транспорт. Ну, а в свободное время милости просим в наш Дворец культуры с двумя залами на восемьсот и триста мест, сорока кружками художественной самодеятельности и спортивными секциями. Словом, трудиться и жить нашим работникам с каждым годом становится интересней. Сужу хотя бы по моей племяннице Сабоат Хусейновой: ее родители уговаривали после десятилетки в какой-нибудь институт поступать, а она принесла к нам заявление.

— А как у вас с текучестью кадров?

— Уходили чаще всего из кокономотального цеха. До реконструкции две тысячи человек производили столько же натурального шелкового сырья, сколько сейчас тысяча триста. Выходит, ручным трудом было занято семьсот человек!

— А где теперь эти семьсот человек?

— Повышают квалификацию, чтоб на новой технике работать. Причем у нас же, на комбинате,— подчеркнула Махфират и с улыбкой добавила: — Термин «текучесть» теперь больше подходит для определения качества нашей продукции.

— Шелкового потока?

— Реки! К концу пятилетки наш план реализации составит 280—290 миллионов рублей вместо нынешних 220 миллионов. Ежегодно внедряется более ста новых рисунков ткани, семьсот колористических проработок, количество артикулов выросло с пятнадцати до шестидесяти. Не залеживаются в магазинах не только наши традиционные крепдешины и крепсатины, но и новые ткани: «Туркменская», «Мелодия», «Поэма», «Дарьинка»... Кстати, «Дарьинка» в переводе значит «Речная»! — подчеркнула наша собеседница, и в воображении тотчас возникло то самое, первое, чарующее ленинабадское впечатление: полноводная Сырдарья в рассветных лучах солнца...

Ученица встречает свою наставницу Махфират Додобаеву.

БУДЬ ЗДОРОВ, МОРЯК!

Н. КРЫЛОВА,
В. КУЗНЕЦОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

До чего же все-таки неуемное существо — человек! Не сидится ему на обжитой Земле. Летает он в космос, все глубже проникает в морские просторы — стихии, самой природой отнюдь не предназначенные для его обитания... Как сделать, чтобы человек в плавании меньше уставал, не болел, как продлить профессиональное долголетие моряков, рыбаков! Ответы на эти вопросы ищут медики, в том числе врачи и ученые Дальнего Востока.

Сегодня наш рассказ о тех, кто охраняет здоровье людей на борту, о тех, кто лечит их на берегу,— словом, о медицине, обращенной лицом к морю.

ДИАГНОЗ СТАВИТ ЭВМ

В комнате тихо. Мягко светятся лампочки счетной машины, зеленые цифры электронных часов показывают, что до конца смены остался час и восемь минут. И вдруг, как взрыв, телефонный звонок. Дежурный инженер сняла трубку:

— Вычислительный центр слушает.

— Говорит дежурный хирург краевой больницы. Из радиоцентра пароходства сообщили: со спасательного судна «Барс» поступила радиограмма—заболел матрос. На борту фельдшер. Передаю данные для ЭВМ. Готовы?

— Диктуйте,— ответила дежурный инженер и повернулась к печатающей приставке. Всего три минуты понадобилось для того, чтобы ввести в машину две сотни цифр. И вот уже ЭВМ отстукивает ответ: диагноз — острый аппендицит. Он тут же по телефону был передан в радиоцентр пароходства вместе с рекомендацией дежурного хирурга — зайти в ближайший порт и срочно оперировать.

В общей сложности на консультацию с ЭВМ ушло меньше часа. Больной был прооперирован. Диагноз машины подтвердился.

Метод дистанционной радиодиагностики разработали сотрудники кафедры общей хирургии Владивостокского мединститута под руководством доктора медицинских наук профессора Бориса Ефимовича Стрельникова совместно с лабораторией кибернетики Дальневосточного политехнического института.

— Внедрение экспресс-диагностики острых хирургических заболеваний органов брюшной полости с помощью ЭВМ на судах Дальневосточного пароходства началось с 1978 года,— рассказывает профессор Стрельников.— Первый год отрабатывались вопросы связи судна с информационно-вычислительным центром, методы сбора и передачи информации, повышения точности выдаваемых машиной диагнозов и ее быстродействия.

Борис Ефимович показывает нам диагностическую карту. В ней 226 вопросов. Такие карты, разработанные лабораторией кибернетики Института хирургии имени А. В. Вишневского АМН СССР, есть теперь на всех судах пароходства. Прямо у постели больного врач обводит кружочком на карте номера ответов. По радио они передаются на берег, в информационный центр пароходства, а оттуда их по телефону сообщают в диагностический центр. Что происходит дальше, мы уже знаем.

А потом на основе ответа машины и собственного заключения дежурный хирург передает в море рекомендации по оказанию помощи больному.

— Борис Ефимович, но если на судне нет врача, смогут ли фельдшер или даже старпом — ведь он выполняет обязанности медработника на малых судах,— сумеют они правильно заполнить карту?

— Для них мы разработали специальные методические указания.

— Сколько диагнозов может выдать машина?

— В ее память заложены характерные признаки двадцати двух острых заболеваний органов брюшной полости. Кстати, чтобы отобрать наиболее типичные симптомы, пришлось немало порыться в больничных архивах, тут помогли студенты нашего мединститута. Диагноз, выданный машиной, выглядит, например, так: «Аппендицит — 99,1 процента». Это процент вероятности по сравнению с другим 21 заболеванием.

Такими диагностическими картами пользуются и в районных больницах края, причем 16 из них имеют телетайпную связь с вычислительным центром. И в машинах «Скорой помощи» тоже есть такие карты. Если врач «Скорой» сомневается в чем-то, он может, не теряя времени, проконсультироваться с дежурным хирургом и с ЭВМ.

— Какие еще болезни может распознавать машина?

— Разработаны диагностические карты по черепно-мозговой травме и по ишемической болезни сердца.

— Но если речь идет о болезнях сердца, то ведь нужна электрокардиограмма. Ее сейчас научились передавать по телефону. А с борта судна можно?

— В принципе да. Мы сейчас над этим работаем. На суше у нас в крае этот метод уже применяется: из 56 пунктов можно передать ЭКГ в кардиологический центр краевой больницы и тут же, не отходя от телефона, получить совет опытного кардиолога. Скоро это можно будет сделать и с моря.

ПРОПУСК В ПЛАВАНИЕ

В кабинете главного врача медсанчасти рыбаков Маргариты Николаевны Абишевой во всю стену карта. На ней разноцветные пластмассовые кораблики — флот «Дальрыбы», крупнейшего в Союзе объединения по добыче рыбы и морепродуктов. Каждая третья банка рыбных консервов имеет на этикетке фирменный знак одного из предприятий объединения. Тысячи судов, двести тысяч работающих, из них более половины — в море. Вот что такое «Дальрыба».

Прежде чем отправиться в рейс, все — от капитана до уборщицы — должны пройти медицинский осмотр.

— Очень ответственное дело,— говорит Маргарита Николаевна.— Ведь у нас в руках судьба человека, и мы должны быть предельно внимательными. Знаете, что любопытно — за последние годы мы стали выявлять больше профзаболеваний рыбаков. Но это вовсе не значит, что они теперь больше болеют, отнюдь! Просто методы диагностики сделались совершеннее, и врачам сейчас стало открываться многое ранее неизвестное.

Предупредить болезнь легче, чем лечить. Это хорошо знают в медсанчасти рыбаков, где шестьдесят процентов всего объема работы — профилактика.

Раньше на осмотр в поликлинике человек тратил три-четыре дня. Теперь — один-два дня. Очень существенная перемена. Как это выглядит на практике? В поликлинике — самозапись. С вечера можно взять талон, утром сделать анализы и пройти осмотр у специалистов. Продумали даже такую деталь: пробили двери между кабинетами, чтобы человеку не приходилось двадцать раз раздеваться и одеваться. Вошел в первый кабинет, разделся, тебя смотрит хирург, потом одежду под мышку — и в следующий кабинет, к дерматологу. Оделся, идешь к окулисту, к стоматологу и так далее. Потом к своему цеховому терапевту.

— Обязательно к своему,— подчеркивает Абишева,—у всех врачей скользящий график, чтоб в любые часы, когда уже готовы анализы, к «своему» можно было попасть.

— В тот же день?

— Конечно. Если не требуются анализы особо сложные. Вообще мы стремимся приблизить уровень обследований в поликлинике к уровню стационара,— продолжает главный врач.— Тогда у многих вообще отпадет необходимость ложиться в больницу.

— Но для этого поликлинике нужны хорошо оснащенные лаборатории, такие, как в больнице?

— Совершенно верно,— кивает Маргарита Николаевна.— Чтобы избежать дублирования, мы объединили лаборатории с больничными. Часть из них в поликлинике, другие, например, биохимическая, где сложное, уникальное оборудование,— в стационаре.

Вот еще несколько новшеств, о которых мы узнали в медсанчасти рыбаков.

Раньше в поликлинике каждая сестра кипятила шприцы сама в своем кабинете. Теперь это делается в одном месте и заняты всего две сестры. Или, например, стерилизация перевязочных материалов. Автоклав стоял и в хирургическом кабинете, и в зубном, и в глазном. Тоже централизовали, и у сестер стало больше времени, чтобы заниматься непосредственно больными и помогать врачу...

Мы видели холлы, похожие на зимний сад, проходили мимо палат и операционных, заглядывали в кабинеты. «Здесь у нас кардиовизор — он очень хорош для массового обследования. А это тепловизор — второй в крае, позволяет на ранней стадии выявить заболевания сосудов. Здесь — электросон, подводный массаж,— объясняла Маргарита Николаевна.— «Дальрыба» хорошо помогает — четыреста тысяч рублей выделила на покупку новой техники».

И все-таки самый приятный для пациента день — когда он выписывается из больницы. В медсанчасти рыбаков делают все, чтобы день этот наступил поскорее. Потому и представлена больница на ВДНХ, потому и стоит в кабинете главврача Красное знамя.

Как сказала Маргарита Николаевна, в медсанчасть рыбаков входит также 161 медпункт на судах. Рыбаков обслуживают 1200 медиков на суше и в море. Много это или мало?

— Мало,— отвечает доктор Абишева.—Врачей не хватает, особенно на судах. В прошлом году к нам было направлено по распределению пять выпускников Владивостокского мединститута. И только двое — в море. А ведь от врача на судне зависит не только здоровье людей, но и психологический климат в коллективе.

ВОДОЛАЗ ПЕРЕХОДИТ УЛИЦУ

Бывает ли, что вы переходите на другую сторону улицы, желая избежать встречи с тем или иным лицом? Стесняетесь ли своей внешности? Часто ли, потеряв душевное равновесие, кричите? Избегаете ли в обществе встречи с начальником или другим должностным лицом? Чувствуете ли себя несчастным? Склонны ли оставаться незаметным в обществе?

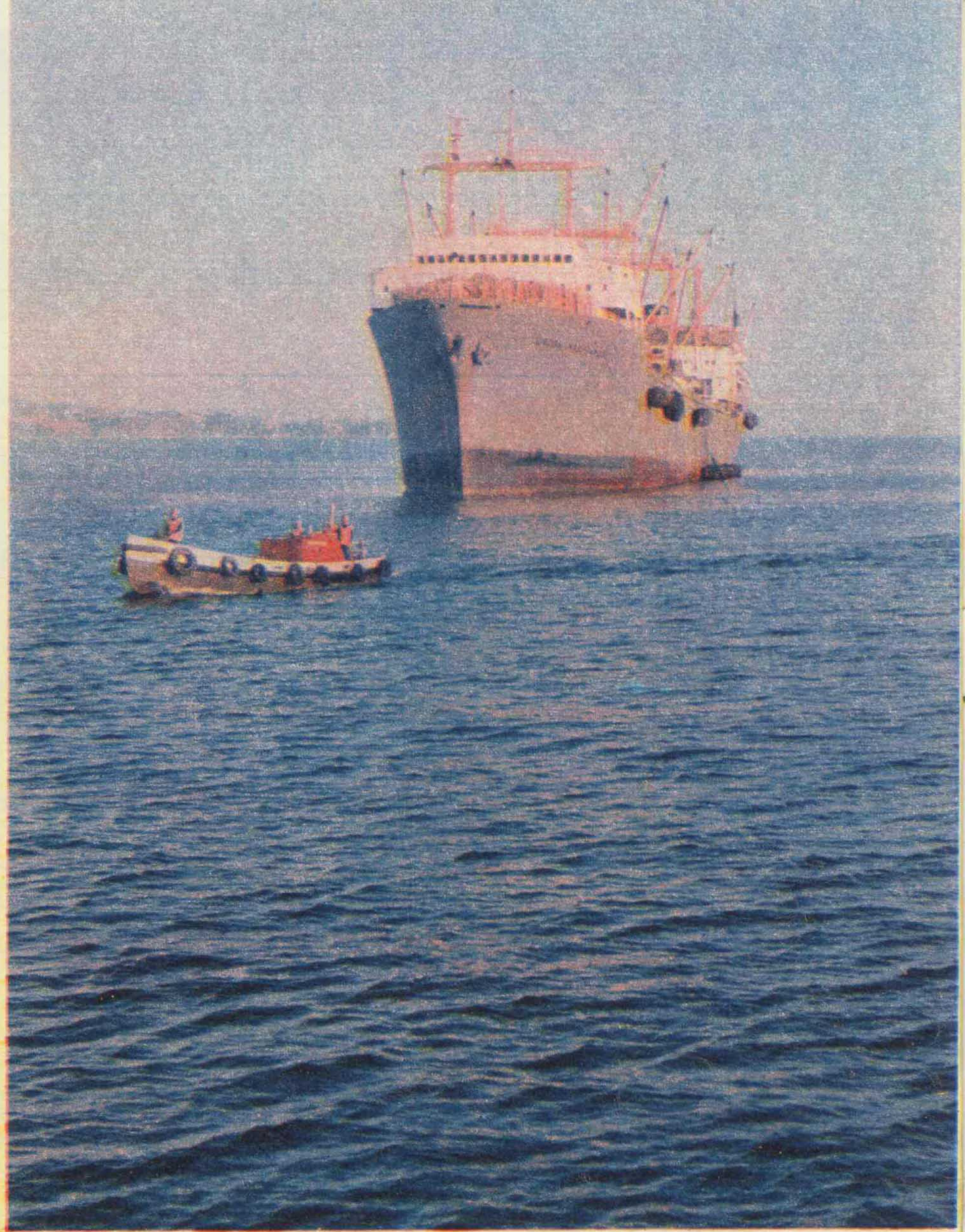
Вам предстоит ответить на эти вопросы, если вы решите избрать профессию водолаза. Мы переписали их на борту учебно-тренажерного судна «Капитан Смирнов», где моряки учатся водолазному делу. Годен для него далеко не каждый, кто просто физически крепок и здоров. Большую роль играет нервнопсихический склад человека. Как определить его? Этим, в частности, занимается медико-психологическая лаборатория Владивостокского мединститута. Руководит ею кандидат медицинских наук, доцент Леонид Петрович Яцков, кстати, выпускник этого вуза.

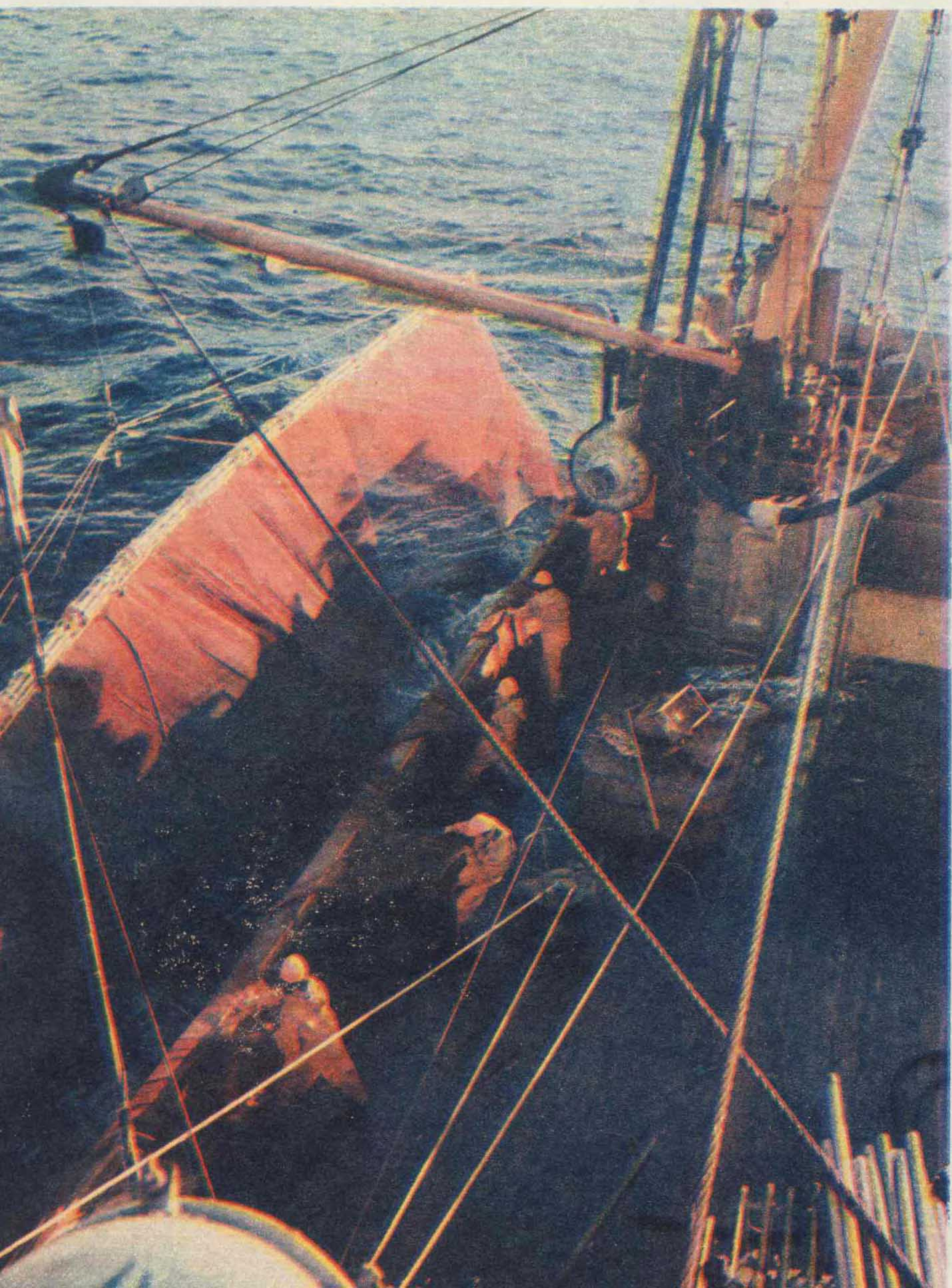
— На человека, который месяцами находится в море, действует множество факторов: быстрая смена климатических условий, удаленность от берега, бедность цветовой гаммы, оторванность от семьи и так далее. Мы изучаем их влияние на организм, в первую очередь на нервную систему,— рассказывает Леонид Петрович.— Наша цель — про-

Врач Татьяна Кузьмина среди рыбаков плавбазы «Шалва Надибаидзе».

СЕЛЬДЬ
ИВАСИ

длить профессиональное долголетие рыбаков и моряков. Ведь чем больше времени человек плавает, тем он опытнее, тем лучше работает. И очень обидно, когда, скажем, капитан, который имеет право без лоцмана заходить в иностранный порт — это высшее признание квалификации судоводителя,— когда такой капитан вынужден по болезни списаться на берег.

На одном из судов провели опрос: какие цвета вы предпочитаете? Ответы получили самые разные. Но за цвет морской волны высказались только двое,— однообразие утомляет.

— Какое практическое значение может иметь подобный опрос?

— А вот какое,— отвечает доктор Яцков.— Полезно через две-три недели менять цвет одежды на рыбообработке, у палубных команд.

— Но капитан, с которого требуют без конца только одно — план,— вряд ли с энтузиазмом воспримет идею «маскарада» на борту?

— Потому мы и ведем исследования, чтобы показать, насколько такие «несерьезные затеи» могут помочь. Мы считаем необходимым оборудовать на судах комнаты психофизиологического отдыха. Это должен быть как бы профилакторий на борту.

Вот как его представляет себе доктор Яцков. Несколько слайдов с земными пейзажами — цветущим лугом, рощей. Мягкие кресла. Звучит спокойная, негромкая музыка. Пахнет лесом — достаточно аэрозольного хвойного экстракта. Представляете, как приятно тому, кто весь день работает в цеху, пропахшем рыбой, вдохнуть аромат хвои! В такой обстановке врач по разработанной в лаборатории методике будет проводить сеансы аутогенной тренировки. Их цель — научить человека самого, по своему желанию, снимать чувство напряженности, вызывать у себя ощущение комфорта, отдыха. Такие профилактории намечено открыть на крупных плавзаводах «Павел Чеботнягин» и «Сергей Лазо».

— Я заметил,— обращается к нам Леонид Петрович,— вы скептически относитесь к аутотренингу? Признайтесь, да? — И он привел такой случай.

Помощник капитана получил в плавании радиограмму: «Срочно возвращайтесь, дома несчастье». На берегу он узнал, что во время пожара погиб его маленький сын. Результат — тяжелое нервное расстройство. Лечение не помогает, и к одному несчастью прибавляется другое: «В море вы не пойдете» — таков приговор врачей. Доктор Яцков провел с ним курс аутогенной тренировки и сам, под свою ответственность, подписал ему разрешение на выход в море. Там помощник капитана ежедневно занимался аутотренингом. Разумеется, пережитое оставило тяжелый след в его душе, но человек выздоровел, вернулся к жизни, к любимому делу.

— Я привел этот тяжелый случай, чтобы показать: даже в исключительно трудной ситуации человек может найти в себе силы с ней справиться. Надо только знать, как это сделать. И ответ должны дать мы, врачи.

Аутотренинг мобилизует силы организма. А вот вам пример демобилизации,— продолжает Леонид Петрович.— Судно переходит экватор, и вдруг всплеск простудных заболеваний. Знаете, когда я читал книгу Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», мне запала в память одна фраза: «На юге вообще холод переносится тяжелее, чем на севере». Это понятно: когда на палубе плюс сорок, сосуды у вас расширены, весь организм в наибольшей готовности к отдаче тепла. А в помещении с кондиционером градусов восемнадцать. Происходит резкое охлаждение организма, причем именно тогда, когда он совершенно не готов к защите от холода. В результате — простуда. А через несколько дней судно попадает в более высокие широты, где уже надо защищаться от холода.

Значит, делает вывод врач,— применение кондиционеров требует определенной коррекции.

Лаборатория, которую возглавляет Л. П. Яцков, создана несколько лет назад по просьбе Дальневосточного научного центра и Министерства рыбного хозяйства СССР. Работает на хоздоговорных началах. Заказчик — «Дальрыба», исполнитель — мединститут. Мы привели эти официальные данные, чтобы читателям было ясно: ученые здесь решают проблемы, диктуемые сугубо земной, то есть морской жизнью.

ВРАЧ НА БОРТУ

...К плавучей базе мы подошли в середине дня. «Шалва Надибаидзе» стоял на якорях. К нему прижался маленький сейнер, из чрева которого огромным сетчатым черпаком выгружали серебрящуюся на солнце сельдь. С верхней палубы транспортеры подавали рыбу в засолочный цех, откуда выкатывались бочки с готовой продукцией — сельдь тихоокеанская.

В каюту капитана-директора плавбазы Н. М. Потеева вошел молодой человек.

— Вызывали, Николай Михайлович?

— Знакомьтесь, наш судовой врач Евгений Владимирович Авилов,— представил вошедшего капитан.

Доктор Авилов — выпускник Владивостокского мединститута. Это уже пятая его путина.

— Что привлекает в профессии судового врача? — повторяет он наш вопрос.— Прежде всего самостоятельность. Здесь не приходится, как в большой клинике, ждать, когда тебе, молодому врачу, доверят хоть несложную операцию. Институт дал хорошую подготовку, а все остальное зависит только от тебя самого. Когда нужно действовать безоглагательно, а когда лучше не торопиться — сам решай.

За четыре года Евгений Владимирович сделал немало операций. Особенно запомнилась одна: аппендицит во время десятибалльного шторма. Сестра и фельдшер не выдержали качки, и остался хирург в операционной один.

Судовому врачу надо обладать особыми качествами. Об этом мы говорили с ректором Владивостокского мединститута А. С. Тихомировым.

— Да, врач на судне должен быть универсалом — и хирургом, и терапевтом, и наркоз уметь давать, и быть хорошим психологом,— загибает пальцы ректор.— И гигиену пищевых продуктов он обязан знать и в гинекологии разбираться — ведь на плавзаводах, например, работают сотни женщин...

— Словом, у вашего института отношения с морем особые.

— Да. Как известно, в нашей стране есть государственная программа исследований «Океан». Медико-биологическую часть программы, связанную с жизнедеятельностью человека в условиях моря, в масштабах страны курирует наш вуз.

И профиль нашей научной работы определяют медико-биологические проблемы, связанные с освоением океана, его богатств, а также с особенностями работы и жизни человека в море. Но ведь институт — учебный, сотруднику той или иной кафедры уйти на несколько месяцев в море сложно: он должен лекции читать, вести занятия со студентами. И все-таки нет, пожалуй, такой кафедры, откуда бы не отправлялись научные сотрудники в море,— энтузиастов хватает,— улыбается ректор.— Научной работой в институте занимаются более четырехсот человек. Многие не один месяц провели на плавбазах, на рыболовных судах. Что они там делали? Измеряли. Давление в сосудах глаза и частоту сердечных сокращений, количество шагов, пройденных за день штурманом или радистом, быстроту реакции моряка, вышедшего из темного помещения на залитую солнцем палубу, температуру в машинном отделении и скорость конвейера в рыборазделочном цехе. Сотни, тысячи измерений, проб, анализов. И все это для того, чтобы человек на борту меньше уставал, не болел, легче приспосабливался к условиям, столь отличным от привычных земных.

— Врач-моряк, плавающий доктор—вы считаете, Александр Сергеевич, это особая профессия?

— Да, безусловно,— отвечает Тихомиров.— В море даже обычные болезни протекают по-иному. А возможностей лечить меньше, чем на берегу. И нужно врачей к этому специально готовить. Вот почему в нашем институте должна быть кафедра морской медицины. И нужна специальная научно-исследовательская лаборатория. Где ж им еще быть, как не у нас в Приморье!

●

Путина * Так ловят сайру * Плавбаза уходит в море * Продукция дальневосточных рыбаков.

МОСТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

«Югославия — страна, где одинаково интересно путешествовать как по ее настоящему, так и прошлому, ибо, когда листаешь страницы, углубляясь, или, лучше сказать, восходя к нему по спирали памяти, полнее начинаешь понимать день сегодняшний, его свершения и заботы, его устремленность в будущее».

Так начинается один из очерков журналиста-известинца Л. Топоркова, вошедший в его новый сборник «Живые мосты».

Каждая книга, разумеется, создается автором в расчете на то, чтобы ее читали. Но, как говорится, у книг разная жизнь. Те из них, которые обращены к самому широкому читателю, должны быть нескучно и понятно написаны. А еще лучше, если они к тому же содержат интересные наблюдения и мысли, несут в себе новую информацию. Книга «Живые мосты» отвечает всем этим требованиям.

У сборника этого есть подзаголовок — «Югославские встречи». Да, это встречи, вернее, гражданское осмысление встреч, которыми щедро наделяет газетчика его профессиональная судьба. Это свидание с самой историей, ибо для всякого неравнодушного к жизни человека все, что окружает его, полно взаимных связей, в том числе связей, протянувшихся во времени.

Очерки, вошедшие в сборник, совершенно самостоятельные, в каждом из них содержится своя, отдельная история. Но по мере того, как читаешь эту книгу, обнаруживается некая внутренняя взаимосвязь между ними, какое-то особенное единство, словно переходишь от главы к главе документальной повести.

Наверное, такое впечатление создается неспроста. И заслугу автора хочется видеть прежде всего в том, что он сумел рассмотреть в мимолетном, скоротечном характерное, в обособленном, частном — общее, закономерное. Подобная острота видения в конечном счете и способствует умению соединить органично то, что кажется вначале не имеющим никаких точек взаимного прикосновения.

Живые мосты человеческой памяти могут опираться на фронтовую фотографию, пластинку с записью старого вальса или коротенькое сообщение из пожелтевшей от времени газеты. И вряд ли стоит удивляться прочности такой опоры, ведь она проходит через сердца и души людей!

Читатель познакомится в книге Леонида Топоркова с малоизвестными фактами из жизни композитора Иосифа Ивановича, создателя популярного вальса «Дунайские волны». Побывает в деревушке Горни-Адровац, где стоит церковь Раевского, русского волонтера, погибшего в бою за освобождение сербского народа от турецких поработителей. (Лев Николаевич Толстой именно с него написал некоторые черты Вронского в «Анне Карениной».) Читая «Живые мосты», вы узнаете о том, как помогал сражаться югославским патриотам в годы второй мировой войны другой литературный герой из России — Павел Корчагин, и познакомитесь с Драгутином Костичем, бойцом Сопротивления и переводчиком романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Вы встретитесь также с легендарным «красным бароном» — авиаконструктором и коммунистом Робертом Людвиговичем Бартини...

Все эти встречи имеют тем большее значение, что в них участвуют многие наши современники, люди сегодняшней России и Югославии. Это благодаря им не теряют с годами своей прочности живые мосты, соединившие наши народы!

В. КОНДРАШОВ

Леонид Топорков. Живые мосты. М. «Известия», 1981, 112 с.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

V

Для меня (думаю, что и для Ваньки Жукова тоже) помянутые утраты были особенно заметны при смене времен года и делились как бы на равные доли, ограниченные понятиями зимы, весны, лета и осени. Зиму мы ждали с не меньшим вожделением и нетерпением, чем, скажем, весну или лето. И не только потому, что дети вообще не любят постоянных величин: быстро меняющиеся с возрастом, они требовали того же и от окружающего их и только что открываемого ими мира. Потому-то простая перестановка мебели в избе либо немудрящая новая постройка во дворе (подправленный ли плетень, свежая верея у ворот, даже возведенная посередь двора конусообразная и дымящаяся, как Везувий, навозная куча), появление с началом зимы телят и ягнят приводят малышей в неописуемый восторг, часто непонятный взрослым, которые, однако, не могут не умилиться от этой наивной и светлой детской радости. Времена года тем и хороши, что несут с собой обновление, всегда созвучное открытой детской душе.

У зимы было немало такого, чтобы мы, ребятишки, поторапливали ее с приходом. Тут тебе и катанье на коньках, на санках, тут и снежки, просто кувырканье в сугробах, и поездка с отцом в лес за дровами по первопутку, когда полозья почти неслышно скользят по мягкому, ослепительно белому, с рафинадной подсинькой снежному полотну, а легкие снежинки невесомо усаживаются на твой нос, щекочут его и заставляют громко чихать, а Карюхины недавно подкованные копыта чеканят большие снежные медали и бросают их в седоков, как бы в ответ моему отцу, который «пошевеливал» кобылу кнутом чаще, чем бы ей этого хотелось. А пусканье юлы, длинной веретенообразной палки, выточенной из молодой ольхи, под белые курганы, созидаемые метелью? А прыганье с крыш, когда к ним карабкаются, подымаясь все выше и выше, снежные валы? А прорубленные прямо в снежной стене пещеры?.. Да мало ли еще чего принесет с собой зима! Мы, ребятишки, готовы были простить ей даже то, что она усаживала нас за парты.

Где-то в первых числах декабря окончательно приостанавливала свой бег Баланда. Случалось это всегда лишь ночью. Лед, пока еще очень тонкий, но могущий удержать на несколько секунд таких молодцов, как мы с Ванькой, был еще непригоден для катанья на коньках, но очень хорош, чтобы творить на нем «зыбки». Взявшись за руки, мы быстро бежали, и лед под нами потрескивал, зыбился, горбился, вставал впереди гребнем, и надо было успеть проскочить этот гребень раньше, чем ослабленный нашими многими пробежками лед проломится. Забава опасная (окончившаяся однажды для одного из нас Иорданью, купаньем в студеной воде; могла бы окончиться и похуже, не окажись поблизости мой дя-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21, 22.

дя Иван Морозов, направлявшийся по-над берегом реки в церковь), опасная, говорю, забава, но этим-то и приманчива для нас, инстинктивно чувствующих, что «есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю». Кто хоть раз в детстве сотворял эти самые «зыбки» на молодом, неокрепшем льду, тот по гроб не забудет наслаждения, испытываемого при этом. Тебе и боязно и радостно одновременно, и сердце собирается выскочить из груди, когда бежишь что есть мочи, а под тобою кто-то большой сопит, дышит и шевелится, готовый в любой миг схватить за озорную ногу и утопить в черной холодной пучине. И, собравшись с духом для следующей пробежки, ты говоришь себе, что она будет последней, но Ванька, весь светясь, красный от возбуждения, уговаривает: «Давай ищо разик!» И опять, схватившись за руки, несемся по льду, который к этому моменту из светло-голубого делался уже от бесчисленных трещин сплошь серым и угрожающе податливым.

Еще раньше, чем на Баланде, замерзала вода в наших Кочках (а они, вот они, под рукой!) и в лесных болотах — беспризорных детях, оставленных нерадивыми матерями-реками в пору весеннего разлива и забытых ими до следующего половодья. К болотам мы выходили раньше всего, но вовсе не для катанья. Там нас ожидало занятие, не менее интересное, имеющее к тому же практическую ценность. На мелководье, под прозрачным, похожим на хорошо помытое оконное стекло ледком, средь зеленеющих, точно в аквариуме, водорослей и тины, в такое время снует туда-сюда, удивляясь резкой перемене обстановки, разная рыбешка: караси, щурята, линьки и даже более проворные и все-таки не успевшие вернуться в Баланду или Медведицу окуни. Видеть их живых, юрких, улепетывающих от наших теней — само уж по себе удовольствие непередаваемое. Но ведь этих рыбок можно еще изловить, не прибегая ни к сачкам, ни к бредню, ни к удочкам, ни к иным каким снастям. Для этого Ванька Жуков приобрел где-то небольшой топорик (боюсь, что он «стибрил» его в кузне Ивана Климова: говоря о слабости Ванькиных рук относительно чужих карманов, моя мать не совсем была неправа). Приметив подо льдом затаившуюся, замеревшую возле какой-нибудь травинки или осочинки рыбину, Ванька с размаху опускал над нею обушок топора, и тотчас же из маленькой лунки выскакивали то щучка, то карасик, а то и линек. Конечно, речь идет об ударе удачливом, а он даже у Ваньки получался примерно один из десяти. Но и «холостые» не могли огорчать ни Ваньку, ни меня, потому что оставляли после себя разноцветных, радужных «петушков» и заливчатый, серебряный звон, кукушечьим учащенным криком разносившийся окрест. «Ку-ку-ку-ку-у-у-у» — катилось по просекам, над оголенными макушками деревьев, над полянами и лугами. Хорошо!

Для катанья же старшие братья мастерили для нас коньки (две чурки, две толстые проволоки, вмонтированные в эти деревяшки, четыре дырки, четыре веревочных шнура для скрепления с валенками, и коньки готовы!), и салазки, и «козлы», похожие на скамейку, но с широкой доской внизу и узкой, с плавными, покатыми вырезами с боков, сверху; нижняя покрывалась ровным слоем свежего коровьего навоза и заливалась на ночь водою, чтобы образовался лед для лучшего скольжения. Оседлав такую скамейку, мы катались на ней с Чаадаевской горы, стараясь ускакать как можно дальше и не упасть при этом, что удавалось далеко не всякому и не всякий раз: гора была длинной, крутой и со множеством перепадов, так что в иных местах «козел» и подскакивал вместе с тобою по-козлячьи — попробуй тут усиди на нем! Но именно эти-то коварные места на горе больше всего и привлекали нас с Ванькой Жуковым. Другие мальчишки не отваживались кататься с Чаадаевской горы, а ежели и катались, то не с ее вершины, а с полгоры. Честно говоря, вряд ли решился бы и я, не будь рядом со мною смельчака Ваньки, — с ним пойдешь на любое рискованное дело.

Кататься сразу на двух коньках не умел даже Ванька, и до каких-то пор мы были убеждены, что на двух коньках и не катаются вовсе, пока не увидели на речке саратовского студента Виктора Наумова, сына нашего Ивана Павловича и Марии Ивановны, приехавшего в село на зимние каникулы. Он пролетел мимо нас, оторопевших и ошеломленных, на паре каких-то длинных, сверкающих солнечным блеском железках сперва в одну сторону, потом в обратную и еще много раз туда и сюда и, насытившись вволю нашим изумлением и потрясением, сделал несколько сужающихся, как бы окольцовывающих нас кругов. Затем резко остановился, обсыпав наши удивленные рожицы обжигающе-колючей ледяной крупой. Дав нам немного опомниться, прийти в себя, спросил, смахивая с рыжеватых бровей капельки пота:

— Нравятся?

Мы потерянно молчали.

— Хотите покататься?

— Ну их! — испуганно и поскорее ответили мы.

— Ну как хотите! — Виктор Иванович (через год-другой он сам станет преподавателем и какое-то время будет еще учить нас) сделал несколько крутых виражей и в один миг скрылся за поворотом реки, как наважденье.

Зимою охотились на зайцев — не с ружьем, понятно, до которого, не рискуя быть выпоротым отцом, мы и не дотрагивались, а с помощью небольших капканов, поставленных и хорошо замаскированных, припорошенных снежком на заячьих тропах, протоптанных во множестве в садах и огородах. Настораживать капкан без Ванькиной помощи я боялся, потому что мог угодить в него собственной рукой.

Не были мы совсем безучастными и к охотничьим промыслам, которыми занимались взрослые. А они охотились и на того же зайца, и на лисицу, и на хорька, и даже на волка.

Впрочем, охота на серого зимой была монополией только одного мужика в большом нашем селе — Сергея Андреевича Звонарева, доводившегося моей матери дальним родственником. Последнее обстоятельство важно отметить потому, что, поставив большие, именно волчьи, капканы где-то в степи, Сергей Андреевич на обратном пути заходил к нам, высмаркивался шумно у порога, пропускал, сбрасывая снег, большую, клочковатую, белую не то от снега, не то просто седую бороду сквозь кулак и молча, по-хозяйски присаживался к столу, где его уже поджидали граненый стакан самогона и стопа блинов, сдобренных темно-зеленым, густым и душистым конопляным маслом. К этому моменту я уже занимал лучшую позицию на печке, потому что, насытившись, дядя Сергей сперва расскажет, как и где поставил свои капканы нонешней зимой, где ставил в прошлые зимы, каких лавливал волков и что приключалось с ним, охотником, при всех удачах и неудачах, коих, неудач, было несравненно больше. Ежели и привирал, то в меру, допустимую для каждого охотника, тем более извинительную, что сам рассказчик верил в свое повествование беспредельно. Слушать длинные его были, перемешанные с небылицами, я готов (а если случался тут и Ванька, то и он) хоть день, хоть два, хоть целую неделю — так это было интересно. Если кто и тяготился малость от долгого сидения Сергея Андреевича, так это моя мать. Во дворе у нее еще не пóена и не кóрмлена скотинешка (секретарствуя в сельсовете, папанька не обременял себя хозяйственными делами, да и времени у него на них не оставалось: с утра до ночи просиживал в конторе и составлял списки дворов кулацких, середняцких и бедняцких, зачем-то понадобившиеся в районе), а покинуть «сродника» в избе одного с детьми она считала неудобным, к тому же рассказчик нуждался в поощрении. Время от времени он умолкал и неуловимым движением подбородка давал знать хозяйке, что пора бы уж ей разориться еще на одну «лампадку». Неуловимым его жест был лишь для нас, сидевших на печи. Мать каким-то образом его схватывала и, вздохнув, «разорялась» — наливала из четверти еще полстакана. А под конец, видя, что ее гостечек уже поклевывает покрасневшим до синевы носом и плохо управляется с собственным языком, говорила ему: «А не пора ли тебе, Андреич, домой? Там, поди, заждались. А то полезай вон к ребятишкам на печку, погрейся, сосни часик!» Последнее устраивало дядю Сергея больше. С немалыми усилиями оторвав отяжелевшее тело от лавки и расставив для устойчивости толстые ноги, покряхтывая, он медленно подходил к печке. Спрыгнув на пол, Ванька или мой брат Ленька, не меньше нашего любивший слушать дядю Сергея, подталкивал его под зад, а я изо всех сил тянул за руки, и таким образом мы полностью овладевали старым охотником. Нас не огорчало то, что он плел вышедшим из подчинения языком бог знает какую чепуху, ибо вполне устраивало, что знаменитый волчатник находился среди нас и быстро засыпал под музыку своего же невнятного бормотания. Мы знали, что, проснувшись, он попросит у матери на похмелку и, опохмелившись, расскажет еще какую ни то историю из своей богатой на приключения охотничьей жизни.

Ни вьюга, ни лютая стужа, ни метели не могли удержать Сергея Андреевича дома, когда приспеет охота на волка. Время это дядя Сергей определял по каким-то одному ему понятным признакам и приметам. Кажется, начинал расставлять капканы где-то сразу же за святками, когда заканчивались волчьи свадьбы и отощавшие хищники рыскали в поисках добычи вблизи селений. Нелегкое это дело — определить место для капканов и расставить их в заснеженной степи! Каждый из них весил не меньше трех килограммов, а в общей связке их насчитывалось до дюжины. Расчет у охотника простой: попав в один капкан, подпрыгнувший зверь заставит «сработать» и все остальные, и, поскольку какая-то их часть снабжена тяжеленными железными «кошками» — крючками, не сможет уйти далеко от рокового для него места. Загодя сюда привозилась падаль — чья-нибудь подохшая лошадь или корова — для приманки. Капканы припорашивались снегом, пропущенным через кроильное решето, присыпались так, чтобы их не было видно волку и чтобы он не смог учуять прикосновения к ним человеческой руки. И отступал от них дядя Сергей, пятясь, просеивая перед собой снег, чтобы он был похожим на свежую порошу, а заодно и маскировал следы охотника. И всю эту работу Сергей Андреевич производил один. Сын его, хромоногий Костя, помогал отцу лишь «брать» пойманного волка и только тогда, когда тот оказывался матерым, особенно хитрым, сильным и свирепым. Не ленился охотник, хотя за целую зиму мог поймать одного, ну, от силы двух волков, — но это была уж сверхудача.

Позапрошлой зимой пойманный у Дрофева оврага могучий зверь почему-то потащил капканы не подальше куда-нибудь в степь, а к селу, пробороздил дорогу в глубоком снегу через все Конопляники, сохранил еще силы для того, чтобы перелезть через плетень нашего огорода, и только зацепившиеся за изгородь капканьи «кошки» не пустили его дальше.

Я тотчас же побежал к Ваньке, сообщил ему эту неслыханную новость, и уже вдвоем с ним мы вернулись на наш задний двор, чтобы поглядеть, как отец и сын Звонаревы будут брать матерого. Дрожь заранее сотрясала от пяток до макушек, усиливаясь оттого, что мы боялись, как бы взрослые не турнули нас с огорода и не лишили редкого зрелища.

Сергей Андреевич и Костя подъехали на своем вороном жеребце с противоположной стороны наших задов. Был с ними еще кто-то третий — этот удерживал под уздцы жеребца, который, учуяв волка, уже всхрапывал, настораживал уши, толкал передок санок широченным, раздвоенным задом и несколько раз подымался на дыбки, оторвав от земли и удерживавшего мужика. Мой отец и старшие братья, Санька и Ленька, мы с Ванькой за их спинами, гурьбою направились к дальнему плетню, отгоражи-

вающему нашу усадьбу от Коноплянников, в тот момент, когда там стояли и о чем-то договаривались охотник и его сын. В руках Сергея Андреевича была веревка, а Костя держал наготове не то дерюгу, не то положок. Отстраненным жестом дядя Сергей дал нам понять, чтобы мы не подходили слишком близко. Но и без этого вся наша артель остановилась на почтительном расстоянии, откуда волк был хорошо виден. Больше всего запомнились и поразили его глаза, не мигаючи вонзившиеся в осторожно подкрадывавшегося к нему охотника. В них, этих желтоватых, холодных звериных глазах, жила такая лютая злоба, что мороз пробегал по коже. Под ложечкой у меня что-то екнуло, и сорвался невольный крик ужаса, когда я увидел, как хромоногий Костя, подобравшись сзади, набросил на зверя пóлог и вмиг оседлал его, мертвою хваткой вцепившись в волчьи уши. В ту же минуту дядя Сергей с необыкновенным проворством, в два прыжка, подскочил к разверстой и клацающей клыками, морща нос, звериной морде и в непостижимо малое время скрутил ее веревкою, а потом, уже вместе с сыном, другим, длинным концом этой же веревки они стреножили волка и понесли к саням; когда и как высвободили его ногу от капкана, я не приметил. Помню, испугался, когда увидел, как жеребец бился в оглоблях, ржал, готовый разнести всех и вся вдребезги, и как он помчался от нашего огорода со своим крайне нежелательным седоком.

Прежде чем убить зверя, снять с него шкуру и сдать в район за соответствующее вознаграждение, Сергей Андреевич устраивал для односельчан большой праздник, похожий на тот, какой устраивает бродячий цирк, водя по деревенским улицам дрессированного медведя. Только вместо медведя дядя Сергей водил по Монастырскому волка, дрессированного одной лишь природой, которая предписывала ему поедать наших овечек и пугать нас, человеческих детенышей. Поскольку серый был неучем, то челюсти его со страшными волчьими клыками были надежно укрощены палкой и толстым шнурком.

Веселый охотник не просто водил свою жертву по селу, но еще и сыпал прибаутками, выкрикивал, приговаривал, обращаясь к мужикам и бабам, толпами сгрудившимся у всех дворов:

— Э-эгей, Степашóк!.. Узнаешь старого знакомого!.. Эт ить он самый... какой прошлой осенью твово бычка на Малых гумнах подвалил!..

Или:

— Акулина, кума дорогая!.. Ставь-ка, матушка, на стол четверть — уж загляну. Поскупишься — отпущу, и он последнюю ярочку из вашего дырявого хлева утащит!

Или:

— Дедушка Ничей! И ты, старый хрен, выполз?.. Не сиделось тебе на печке... Аль забыл, как позапрошлой зимой, повстречавшись в Салтыковском лесу вот с этим сукиным сыном, ты наклал полные штаны? Ха-ха-ха!

Или:

— Матрена Дивеевна, убралась бы ты подобру-поздорову в свою хибару! Глянь, как он косится на тебя. Не ровен час, сорвется с моих вожжей. Ты ить яловая — вон сколько мясов и спереду и сзаду!

Или:

— Василь Митрич, председатель наш любезный! И ты, голубь сизый, не усидел в своей конторе, не вытерпел, стало быть... А кто стращал меня каталажкой за недоимки? Не ты ли? Ну, да бог с тобой! Гляди на здоровье. Сергей Андреич Звонарев не жадный — бесплатно показывает вам свой цирк, не то что другие протчии...

Или:

— Карп Иваныч! — особенно громко и радостно оглашалась улица хриплым, простуженным и пропитым голосом дяди Сергея, завидевшего возле самой захудалой, наполовину раскрытой, пугающей прохожих обнаженными ребрами стропил избенки ее хозяина — Карпушку Котунова, славившегося на весь район своим виртуозным враньем. — Погляди, погляди, родимай! Опосля ты такую сказку сочинишь, какой отродясь никто не слыхивал!.. Только ширинку-то застегнул бы, отморозишь струмент — Маланья выгонит из дому!..

Сергей Андреевич, перекинув веревочную вожжу через плечо, вел почти не сопротивлявшегося лесного разбойника посреди улицы, а с правой и левой ее сторон накатывались крутые волны хохота, улюлюканья, восторженной матерщины, пугливого бабьего взвизгиванья и откровенно трусливого собачьего, с плаксивыми нотками бреха. Правда, один пес, расхрабрившись, подбежал к зверю вплотную, норовя схватить его за ляжку или упрятанный на такой вот случай между задних ног хвост, но тут же воющим шаром откатился прочь, натолкнувшись на холодный, исполненный достоинства и молчаливого презрения волчий взгляд.

Два моих дружка, Ванька Жуков и Гринька Музыкин, попытались последовать примеру «отважного» пса, но повернули свои «оглобли» в сторону от зверя гораздо раньше, чем тот Полкан. Потом, смущенно хлюпая носами, спрятались за спинами взрослых, схоронив заодно и свой стыд. Однако это был все-таки подвиг: никто из нас не решился бы выскочить из толпы и добежать почти до середины улицы, а Ванька с Гринькой решились.

Да, Ванька... С ним хорошо было во все времена года, а зимою, может быть, в особенности. Ну, а теперь? С кем по перволедку смогу сделать «зыбку»? Не с Минькой же Архиповым? Да его мать, тетенька Дарья, или Дашуха, как ее кликали соседки и называл муж, веселый и такой же, как она, чадолюбивый Петр Афанасьевич,— женщина эта разразилась бы по моему адресу проклятиями, а то и отстегала бы вожжами за то, что я увлек ее ненаглядного сыночка на смертельно опасное дело. Можно бы, конечно, позвать на реку Гриньку Музыкина, этот не отказался бы, но будет ли с ним так же интересно и весело, как с Ванькой Жуковым? Да и отпустит ли его мать, когда у нее на двух сыновей и двух дочерей были одни валенки и одна драная шубейка? О Яньке Рубцове, Петеньке Денисове-Утопленнике, Кольке Полякове и говорить нечего: с началом зимы их обували и одевали кое-как лишь для того, чтобы ребята сходили в школу. В остальное время одежонку и обувчонку родители прятали до следующего утра, так что все эти мои дружки-приятели принуждены были сидеть дома и довольствоваться созерцанием уличной жизни через крохотные зрачки, проделанные и поддерживаемые языком и собственным дыханием в замерзших, угрюмо насупившихся окошках. По той же причине, а также по замкнутости своего характера не мог выйти на молодой, прозрачный, как слеза невесты, ледок и Миша Тверсков, мой тезка и мой новый покровитель. И на лесные болота без Ваньки и без его топорика не пойдешь. И про Чаадаевскую гору придется забыть, потому как она подымалась сразу же за Хутором, за Большими гумнами, то есть во владениях Ванькиных и его дружины, да я и не отважился бы кататься с нее один. И охота на зайцев прекратилась — без Ваньки, что же это за охота! И в пионерский барабан Ванька, назначенный, ко всеобщей нашей зависти, Марьей Ивановной главным барабанщиком, не даст мне постучать, и песню про красного барабанщика, коий «проснулся, повернулся — всех буржуев разогнал», и про сражение «на валу мировых баррикад» не с кем будет петь — с Ванькой это получалось здорово. Да еще про Стеньку Разина, про колодников звонкие цепи, которые «взметали дорожную пыль». Уж очень хорошо у нас получалось, когда, подхватив припев, мы заливались:

Динь-бом, динь-бом —
Слышен звон кандальный,
Динь-бом, динь-бом —
Путь сибирский дальний,
Динь-бом, динь-бом —
Слышно, там идут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Мы пели это, а из глаз сыпались слезы, потому что ужасно было жаль товарищей, которых вели на каторгу проклятые буржуи.

Что поделаешь?

От многого приходилось отказываться. От многого такого, что было бесконечно дорого твоему сердцу, что откладывается в памяти на всю жизнь теплыми и светлыми зернами и прорастает, расцветая время от времени на лице такою же теплой и светлой улыбкой даже в минуты совсем не светлые.

VI

Что-то неладное заприметил наш мудрый Кот и в классах — они располагались в двух больших комнатах. Иван Павлович и Марья Ивановна ухитрялись укладываться в одну смену, проводя занятия одновременно с двумя классами, меняясь ими в зависимости от расписания уроков: арифметику давал учитель, русский язык — учительница. Неладным же было то, что за многими партами хотя и сидели все те же ученики, но они решительно не были похожи на самих себя вчерашних, тех, что из солидарности со своим соседом готовы были остаться без обеда, стараясь выручить, подсказывали ему отчаянно, а теперь выглядели сущими волчатами, отвернувшими друг от друга злые мордочки.

Иван Павлович, конечно, понял, отчего это происходит, понял и то, что такое положение вещей нельзя считать нормальным, что оно неизбежно отразится на успеваемости учеников отнюдь не в сторону ее повышения, если не принять быстрых и энергичных мер. Он видел, что по-прежнему тихо-мирно было лишь за партами, где сидели мальчики с девочками да мы с Мишей Тверсковым (условившись заранее, я вошел в класс задолго до звонка и угнездился на новом для меня месте).

Нет, однако, худа без добра. Иван Павлович давно планировал перемешать девчат с мальчишками, рассчитывая, что первые окажут дисциплинирующее воздействие на последних. Жизнь сама поторопила ввести в действие этот план. Первые сорок пять минут ушли на то, чтобы совершить этот хоть и бескровный, но далеко не легкий переворот: хуторские девчонки не хотели сидеть с мальчишками из Непочетовки, а непочетовские — с хуторскими. Покорились они лишь тогда, когда Иван Павлович пригрозил употребить власть вплоть до применения высшей меры наказания — исключения из школы.

Девочки поплакали, но быстро утешились, когда увидели, что мои и Ванькины уличные друзья вели себя по-рыцарски, не дергали за косички, не шпыняли, не брызгали чернилами на их тетради, а, напротив, усиливались всячески подчеркнуть свою лояльность, готовые в любую минуту взять под защиту напарницу, ежели кому-то вздумается обидеть ее. Кто знает, почему так случилось? Думается, что и сам Иван Павлович не рассчитывал на такой поразительно быстрый положительный результат революции, произведенной сверху. Не жило ли во всех нас тайно, подспудно томительное, беспокоящее желание примирения, и дорогу к нему мы подсознательно искали через этих девчонок, которые доводились либо сестрами, либо близкими родственниками драчунов? Может быть, и так. Факт же оставался фактом: в школе, к великой радости учителей, в особенности Марьи Ивановны, воцарился порядок, куда бóльший, чем он был до знаменитой потасовки.

Впрочем, я-то некоторое время продолжал посещать ее в немалой тревоге — боялся, как бы Иван Павлович не добрался и до меня и не перевел за парту к Катьке Лесновой, озорной девчонке с Хутора, которая по драчливости не только не уступала мальчишкам, но и превосходила их. Пока что Катька болела корью, находилась дома, и за ее партой сидела Марфа Ефремова, соседка Каткина и подруга. К ней Иван Павлович покамест никого не подсаживал: ожидал, верно, когда выздоровеет и придет в школу Леснова. Какая из них достанется мне и какая Мише Тверскову — вот вопрос,

который не давал мне покоя. Видя это, Миша по дороге из школы уверял меня:

— Ты не бойсь. Я все одно буду с тобой. Хошь, летом буду ночевать на вашейповети?

— Ну! — оживился я, употребив это «ну» в смысле утвердительного «да», как это делается и в нашем и во многих других российских селах и деревнях.

Поощренный моим решительным согласием, Миша Тверсков пошел еще дальше:

— А хошь, я и зимой иногда буду оставаться у тебя на всю, ну, совсем на всю, на всю ночь? А?

— А то рази! Конешное дело, хочу. Только, Миш, у меня нет кровати...

— Ну и што? На полу будем спать. Постелем плавки [1] — и все!

— Вот здорово! А когда ты придешь к нам с ночевкой?

— Хошь, нынче же и приду!

И он действительно пришел, а потом оставался ночевать у нас все чаще и чаще. Теперь мамина шуба, заменявшая нам одеяло, должна была укрывать не троих, а четверых: я и Миша Тверсков лежали посередке, а братья мои, Санька и Ленька, по краям. К утру, когда изба выстуживалась, бедняги тянули шубу каждый к себе, потому что то спина, то пузо оказывались у них открытыми и зябли. Нам же с Мишей было тепло: согретые собственными телами, друг дружкой, мы еще грелись и от старших моих братьев, которые стоически терпели и вели тихую, бесшумную войну за края маминой шубы, как бы с годами уменьшающейся в размере, подобно шагреневой коже. Санька и Ленька могли бы сказать мне, чтобы я избавил их от моего нового друга, но они не делали этого, потому что понимали, что я очень страдаю и судорожно ищу себе товарища, который хоть в какой-то степени мог заменить Ваньку Жукова. Дело было поправлено тем, что папанька, расщедрившись или же скрепя сердце, ссудил нам казенный сельсоветский тулуп, в который одевался во время частых выездов в район, за семнадцать верст от Монастырского.

Под тулупом мы все четверо прямо-таки блаженствовали,— под ним было так хорошо, тепло и уютно, что даже жалко было засыпать, и мы долго не засыпали, а рассказывали друг другу страшные сказки или (мы с Ванькой) заучивали наизусть новое стихотворение, экзаменуя друг друга. Только и слышалось сперва тихое, а потом, выйдя из-под контроля, все усиливающееся: «У лесной опушки домик небольшой, там давно когда-то жил лесник седой», или «Румяной зарею покрылся восток, вдали за рекою потух огонек», или «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел...», а никитинское «Тянут, тянут! — закричали ребятишки вдруг» мы уже орали во всю силу легких, потому что рыбная ловля была не только любимейшим нашим занятием, но и зрелищем тоже (особенно когда старшие ловят рыбу в Кочках бреднем или неводом),— нетерпеливое, с дрожью в коленках и счастливым холодком под сердцем, ожидание улова — что может сравниться с ним по солнечной радости?! Иногда нас останавливал Санька, но чаще всего моя мать. Притворив дверь в переднюю, она просила: «Вы бы маленько потише, ребятишки. Отца разбу́дите, да и Насте не даете заснуть!»

Тепло покидало нас вместе с тулупом, когда отец отправлялся на целую неделю с извозом в Саратов или на двое-трое суток к другу мельнику. Но мы не особенно тужили: отсутствие тепла с лихвою компенсировали тем, что чуть не всю ночь напролет болтали, пели песни и громко декламировали стихи. Могли бы еще читать книжки и тоже всю ночь напролет (к ним меня пристрастил Миша Тверсков), но мать не разрешала. «Где я возьму такую пропасть гасу? — говорила она, увертывая в лампе фитиль все ниже и ниже, пока он не угасал вовсе.— Жбан-то вон пустой. Какую уж неделю не привозят в кооперацию!»

[1] Плавкою у нас называли ржаную солому, обмолоченную цепами.

Продолжение следует.

Михаил Александрович Шолохов. Станица Вешенская. 23 мая 1981 года.

Фото Н. Козловского

У ШОЛОХОВА В ВЕШЕНСКОЙ

Эта донская станица давно уже стала одной из литературных столиц нашей страны. Вешенская, Вешки... Слова, знакомые со школьной скамьи, и, я уверен, каждый, кто приникал к неповторимому шолоховскому слову, стремится сюда. Здесь живет и работает выдающийся писатель современности, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Нобелевской премий Михаил Александрович Шолохов.

В дни торжественного открытия бюста на родине писателя мне посчастливилось побывать в гостеприимном шолоховском доме. Кто только не переступал в свое время его порог: Юрий Гагарин и Терентий Мальцев, известные и молодые писатели, шахтеры и рабочие, воины Советской Армии и иностранные гости, пионеры и колхозники...

Прекрасный солнечный день. Величаво-спокойно несет свои воды прославленный тихий Дон. По берегам его цветут яблони, сирень, черемуха. Вся Вешенская в цветах. Праздник на улицах, праздник в каждом доме. Такого торжества давно не переживала станица. И вот сразу же после открытия бронзового монумента гости из Москвы, Ростова-на-Дону, Алма-Аты, Донецка, со всего донского края — партийные работники, писатели, журналисты — пришли в дом Михаила Александровича.

Рабочий кабинет писателя на втором этаже, а встреча проходит в гостиной: она может вместить всех, кто пришел сюда. Михаил Александрович и его жена Мария Петровна привечают гостей добрым словом, шуткой, теплой улыбкой. Начинается беседа, непринужденный разговор обо всем, что волнует Шолохова. В первую очередь его интересует предстоящий в июне съезд советских писателей. Первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и секретарь правления Ю. Н. Верченко рассказывают, как идет подготовка к этому важному событию.

Михаил Александрович рад встрече со своими друзьями, писателями-земляками А. Калининым и В. Закруткиным. Пошли воспоминания, и на глазах у гостей как бы прошли многие события жизни и биографии выдающегося мастера слова.

Особенно оживился хозяин дома, когда секретарь правления Донецкой писательской организации Е. Волошко вручил Михаилу Александровичу знак «Шахтерская слава», которым его наградили горняки Донбасса. «Слово писателя — тот же уголь, только от него зажигаются человеческие сердца»,— сказал кто-то, и присутствующие одобрительно согласились с этим.

Напротив родителей сидят дети Михаила Александровича и Марии Петровны. Они тоже сегодня все в сборе, а это бывает не часто.

В гостиной льется задорная казачья песня. Только что подняли тост в честь 76-летия Михаила Александровича. Торжество открытия бюста совпало с днем рождения виновника торжества.

Но вот стихают голоса, только слышен негромкий, но уверенный голос Шолохова. Он благодарит за встречу, желает всем здоровья, радости. Последние фотоснимки, последние рукопожатия и поцелуи. Через минуту опустеет гостеприимный дом, и великий писатель нашего времени останется один на один со своими творческими замыслами, со своим словом. Словом, которому суждена вечная жизнь.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Михаил ТАЛЬ,
международный гроссмейстер

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

4. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Известно, что матчевая стратегия весьма отличается от турнирной. Например, серия ничьих в турнире приводит к тому, что тебя кто-то обходит. В матче такой бег на месте означает лишь передышку. Не отстанешь от соперника. Правда, и не обгонишь. Зато каждая сыгранная партия решающая. Вдвое возрастает цена результативной партии. Ты потерял очко — соперник его приобрел. Если в турнире, даже проиграв, можно надеяться, что кто-нибудь другой восстановит равновесие, то в матче никто за тебя этого не сделает. И на аутсайдерах отыграться нельзя. Их просто нет.

Дистанция матча на первенство мира предстояла немалая — 24 партии! В турнире — ладно! Там каждый день новый партнер: один — тактик, другой — стратег, третий — король ничьих... Меняется ситуация, что ни тур, то сюрпризы. А теперь предстояло два с лишним месяца садиться за шахматный столик с одним и тем же партнером, да еще каким! Самим Ботвинником! Такое однообразие казалось невыносимым.

И вот идем с Кобленцем по бульвару от Никитских ворот к Театру имени Пушкина. Идем не торопясь. На душе кошки скребут. Александр Нафтальевич это почувствовал, спрашивает осторожно:

— Ну, что томишься?

— Припомните, маэстро,— говорю я с вымученной улыбкой,— когда я выигрывал первую партию? В последнем чемпионате страны проиграл, в Цюрихе — ноль, на Спартакиаде— тоже, а на турнире претендентов? «Снял» меня Смыслов как ребенка...

Действительно, какой-то рок сопутствовал моей игре в первом туре. Я мог бы вспомнить с десяток соревнований, которые начинал непременно с нуля. Меня колотили в дебюте, в миттельшпиле и в глубоком эндшпиле. Как бы хорошо ни стояла моя партия, я всегда находил способ ее проиграть. Дело дошло до того, что партнеры, которых жребий премировал встречей со мной в первом туре, шли на игру, как в банк за трудовым вкладом.

У входа в театр видим долговязую фигуру доктора Эйве, тогдашнего президента ФИДЕ.

— Это к счастью,— шепчет мой добрый Кобленц,— старые мастера говорили, что повстречать Эйве — это к удаче.

«Психотерапия» производит должное действие — я улыбаюсь и с этим выражением лица попадаю на страницы вечерних газет: фотокорреспонденты работали на совесть.

Подхожу к шахматному столику, стоящему посредине театральной сцены. Обмениваемся рукопожатием с Ботвинником. Главный арбитр матча шведский гроссмейстер Гидеон Штальберг включает часы, и я, как и обещал белградским корреспондентам, делаю первый ход королевской пешкой. Ботвинник избирает французскую защиту. Матч начался...

У каждого спортсмена есть в жизни свои «звездные часы». Мои пробили весной шестидесятого года... За два промелькнувших с тех пор десятилетия я сыграл в целой веренице турниров, сражался чуть не в дюжине матчей, где взлеты чередовались с падениями. Но самым памятным, самым главным событием моей жизни и спортивной карьеры был матч с Ботвинником. Я и сейчас до мельчайших деталей помню каждый час той шахматной битвы.

Дебют первой партии был разыгран на редкость быстро: демонстратор без дела не простаивал. Чемпион мира применил новинку, и оба короля — черный и белый — застряли в центре, попав под обстрел. Еще при подготовке к матчу мною был взят курс на острую тактическую игру, а создавшаяся позиция как нельзя более соответствовала моим планам. В какой-то момент я почувствовал, что партнера покидает уверенность. Он все дольше задумывается и уже к двадцать восьмому ходу попадает в цейтнот. Как раз в это время я наношу таранный удар пешкой по прикрытию черного короля. Ботвинник расходует четыре драгоценные минуты, но делать нечего — отдает качество. Еще ход пешкой — теперь на другом фланге, и чемпион мира остановил часы.

Эта победа стоила двух... Я уже не говорю о том, что придуманная Кобленцем примета сработала и я, как ни странно, не проиграл первой партии. Важным оказалось психологическое значение этой встречи. Ботвинник пошел на острый вариант. Он пожертвовал пешку, оставил короля в центре. Словно бросал вызов: мол, наслышан о твоем умении ловить рыбку в мутной воде, но знай, что я тоже немного комбинирую. Не помнишь, как я пожертвовал Капабланке пару фигур? Ну да, тебе ведь еще трех лет от роду не было...

Пусть простит меня Михаил Моисеевич за столь вольную вариацию. Тем более, что никто таких именно слов от него не слышал. Но шахматы не безмолвные деревяшки, они умеют выразить мысль шахматиста...

Как бы там ни было, но начиная со второй партии Ботвинник круто меняет курс. Он отказывается от обострений, играет строго «по позиции», уклоняясь даже от выгодных, но связанных с риском вариантов. Четыре партии подряд я находился под прессом методичного позиционного лавирования. Но все обошлось. В самый последний момент мне удавалось выбираться из западни.

Четвертая партия началась с небольшой нервотрепки. На моих часах секундная стрелка уже несколько раз обежала круг, когда я сделал свой первый ход. Хотя я горячий поклонник творчества Давида Ионовича Бронштейна, но его привычка обдумывать первый ход до получаса меня удивляет и поныне. Уверен, что историю варианта лучше вспоминать дома. Думать в этот момент о том, что будет на доске через пятнадцать ходов, совершенно бесполезно и даже вредно, потому как расходуется скудный лимит времени. Но почему я сделал свой ход лишь на исходе четвертой минуты? Все очень просто: на автомагистрали что-то случилось, и шофер такси, в котором я ехал на матч, попал под «вечный шах» красных светофоров. Пришлось извиниться перед судьями и всегда пунктуальным соперником. Как тут не вспомнить золотое правило Ботвинника: «На партию надо идти пешком по заранее выверенному маршруту!» Эх, если бы я всегда следовал советам Ботвинника...

Перед шестой партией я уже начал терять веру, что получу хоть одну позицию по своему вкусу. Но вот староиндийская защита. И снова извечная проблема игры за черных. Несмотря на десятки самых новейших, самых модных систем, статистика свидетельствует, что преимущество первого хода имеет не только психологическое обоснование. Средний счет 10 : 4 в пользу белых фигур существует и ныне. Действительно, если черные не хотят в поте лица бороться за уравнение, рассчитывая лишь на ничью, то им предстоит пройти по очень и очень узкой тропе. Чтобы выиграть, черным надо рискнуть и даже где-то пройти через проигрыш.

Аналитики привели целые вереницы вариантов, которые показывали, что в шестой партии я должен был потерпеть поражение. Возможно, очень возможно... Но в том-то и отличие шахматной борьбы за доской от неторопливого домашнего анализа, что аргументы надо находить немедленно! Да, я рисковал, когда на 21-м ходу поставил под бой коня, но опровергнуть жертву было непросто!

Все мои оставшиеся фигуры явно прибавили в силе. Особенно грозным стал боевой староиндийский слон, который до этого упирался в собственные пешки. Играть стало намного интересней, и я даже из-за доски не вставал. Но совершенно неожиданно Штальберг остановил часы и куда-то понес их. В чем дело? Тут же мне все разъяснил второй арбитр — Гарри Голомбек...

Оказывается, жертва коня привела в возбужденное состояние зрительный зал. Постоянно вспыхивало электрическое табло, где зажигались молящие слова: «Соблюдайте тишину!» Секундант Ботвинника еще на двадцать первом ходу попросил арбитра перенести партию в отдельную комнату. Но Штальберг раздумывал. Наконец, к двадцать восьмому ходу он решился.

Ох, и неприятная это процедура, когда тебя уводят со сцены! Все делается корректно, все сопровождается извинениями, но... Надвигался цейтнот, я только углубился в расчет сложного варианта, и вдруг: «Пожалуйста, пройдите». Делать нечего (я сам согласился на это правило!), и сцену пришлось покинуть.

Шахматисты знают, как роковым образом может обернуться для них любой раздражающий импульс. Даже пустяковый. А такая смена декорации может и вовсе выбить из колеи. Сев снова за доску, я долго не мог вспомнить, какой вариант рассчитал. Начал все снова. И, конечно, просмотрел красивый удар, который сразу приводил к победе. Боясь что-либо зевнуть, пошел на более простое и прозаическое продолжение. К счастью, и этот вариант оказался выигрывающим.

Хорошая партия всегда вдохновляет. И я с подъемом провел следующую встречу. Временную жертву двух ладей (за пару коней) Ботвинник просмотрел. Он еще находился под тягостным впечатлением от неудачи в шестой партии... Разрыв в счете возрос до трех очков.

Наверное, нет смысла подробно говорить о матче, который так давно завершен... Остановлюсь лишь на ключевых встречах. Во-первых, одиннадцатая. В ней я вел борьбу «по-Ботвиннику», в строгом позиционном ключе. Накапливал мелкие преимущества и выиграл в глубоком ферзевом эндшпиле. Для сопер-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20, 21, 22.

ника такая метаморфоза моего стиля была особенно неприятна, ведь я победил его же оружием... Если раньше считалось, что я достигаю успеха только тактическим путем, а стратегия, мол,— это монопольное оружие Ботвинника, то теперь...

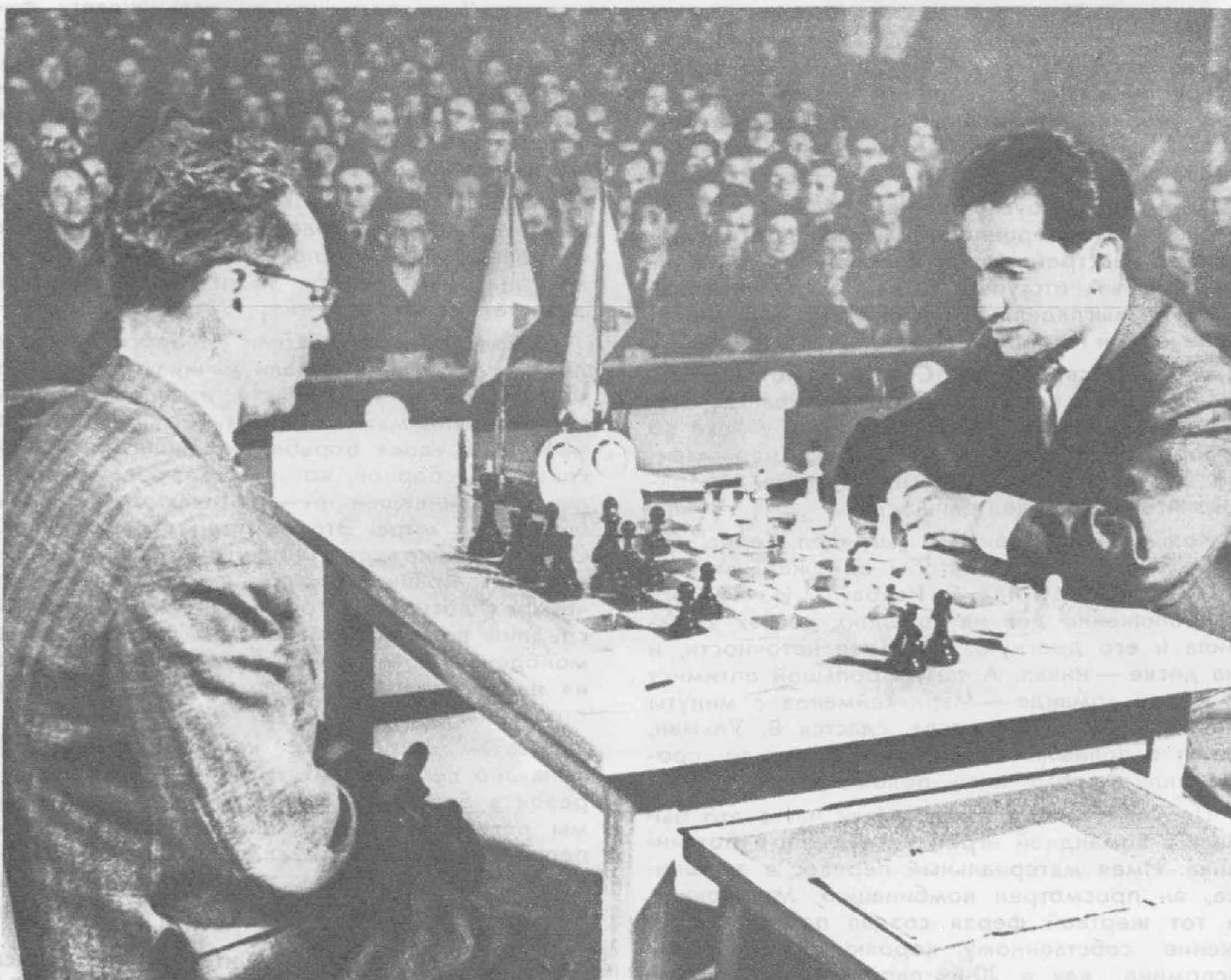
Семнадцатая партия окончательно решила судьбу матча. Я снова избрал острое, рискованное продолжение, но спортивная ситуация была такова, что Ботвинник оказался вынужден поднять брошенную перчатку. Завязалась исключительно напряженная схватка, которую зрители, словно подбадривая измученных соперников, сопровождали вспышками аплодисментов. В конце партии Ботвинник допустил просчет и попал под матовую атаку.

Именно в этот вечер секундант моего соперника мастер Гольдберг сказал Кобленцу:

— Ну, что же... Встретимся в матч-реванше!

Вспоминаю, что даже после многообещающей фразы секунданта Ботвинник боролся до конца. Я едва избежал поражения в восемнадцатой партии, которая продолжалась 76 ходов! Ветеран советских шахмат демонстрировал волевой, истинно спортивный характер. Конечно, в чудеса он не верил... Слишком велик был разрыв в счете и слишком мало оставалось партий! Отбросив осторожность, он решительно шел навстречу опасности, и не его вина, что удача чаще улыбалась более молодому сопернику. На последнюю партию чемпион мира пришел, уже не взяв с собой традиционного термоса... Сделав семнадцать ходов, Ботвинник предложил ничью и протянул мне руку. Итог матча был таков: шесть партий выиграл я, две — Ботвинник. Общий счет — 12,5—8,5.

На следующий день вице-президент ФИДЕ Марсель Берман прикрепил к лацкану моего пиджака небольшой золотой кружочек — медаль чемпиона мира. Мне было двадцать четыре года, когда пробил этот звездный час моей жизни. Признаюсь, не думал, что он будет так короток. С присущим мне оптимизмом я не мог и на минуту представить, что уже через год верну шахматную корону. Но Ботвинник и после поражения остался Ботвинником. Он блестяще подготовился к новой встрече со мной, выбил из моих рук все «козыри», заставил играть в выгодной ему позиционной манере и победил со счетом 13 : 8.

Матч на первенство мира между Михаилом Ботвинником и Михаилом Талем.

Фото А. Бочинина

5. МАТЧ СТОЛЕТИЯ

Два выдающихся командных матча хранит летопись советских шахмат. Один состоялся осенью сорок пятого, другой через четверть века, в семидесятом году. Я назвал даты знаменитого радиоматча команды СССР со сборной США и встречу с командой «избранных шахматистов мира».

Разумеется, были и другие интересные командные баталии. Например, с американцами в сороковых и пятидесятых годах наши шахматисты играли еще три раза. А сколько матчей сыграно в рамках Олимпиад! Но радиоматч, ставший настоящей сенсацией, и знаменательный «Матч века» превзошли по накалу страстей все остальные.

Я еще только познавал азы древней игры, когда советская команда скрестила шпаги с признанным фаворитом шахматного мира, многократным победителем Олимпиад — командой США. Но хорошо помню, с каким энтузиазмом и жгучим интересом встречали шахматисты (и даже те, кто был незнаком с шахматами!) каждое сообщение о ходе поединка.

А какие дискуссии вызывал предполагаемый результат матча! Если в нашей стране верили в победу и считали, что (хотя бы на пол-очка!) окажемся впереди, то печать остального мира предсказывала нашим шахматистам неминуемое поражение. Еще бы! В американской команде такие знаменитости, как Р. Файн — один из победителей довоенного АВРО-турнира, признанный претендент на мировую корону. Еще один претендент — С. Решевский — считался в те годы самой яркой шахматной звездой западного мира. А И. Кэжден, И. Горовиц, Г. Стейнер!

Из советских шахматистов за рубежом знали, пожалуй, лишь Михаила Ботвинника и Сало Флора. Они сильны — это признавали все, но два шахматиста — еще не команда...

Где взять русским десять первоклассных игроков? Такой вопрос задавали иностранные комментаторы. «Да, мы слышали, у них — массовость, видели фильм «Шахматная горячка». Но в матче на десяти досках решает не число шахматистов в стране, а сила десяти первых... Мы будем набирать очки, а русским в утешение оставим их массовость»,— иронизировала западная печать.

Но вот пора для острословов закончилась, и ходы полетели в эфир. А когда радио поведало миру о результатах, многим показалось, что диктор сделал ошибку в счете... Элита западных шахмат — команда США смогла в 20 партиях взять всего четыре с половиной очка. Невероятный разгром!

«Это было подобно удару молнии, которая осветила истинное соотношение сил в шахматном мире. Всем стало ясно, что центр шахматной жизни прочно переместился в Советский Союз; в СССР шахматы стали подлинно народной игрой, и советские мастера числом и качеством своей игры превзошли мастеров любой другой страны»,— писал лидер советской команды Михаил Ботвинник.

Позволю себе привести еще одно высказывание. Оно принадлежит уже ушедшему из жизни французскому гроссмейстеру и литератору Савелию Тартаковеру. Оценивая итоги радиоматча, он заявил: «Результат 15,5 : 4,5 является фантастическим, однако он вполне реален. Я думаю, что советские шахматисты могли бы на равных сразиться с командой, составленной из сильнейших гроссмейстеров мира. Мне ясно, что началась эра советских шахмат».

Знаменательные слова!

Через двадцать пять лет уже никого не удивляло, что матч между командой СССР и сильнейшими шахматистами остального мира реально стал на повестку дня. И ни у кого, даже у электронно-счетной машины, не было сомнений в его исходе.

Во всех странах, даже там, где популярность шахмат оставалась умеренной, с нетерпением ждали начала этого выдающегося соревнования. Его сразу же стали называть «Матчем столетия», или «Матчем века», а капитан команды наших соперников экс-чемпион мира Макс Эйве дал этому названию такое научное обоснование. «До конца двадцатого века,— сказал он,— никакого изменения в соотношении шахматных сил Запада и СССР произойти не может. Поэтому встреча команд отразит положение дел за целое столетие».

В отличие от матча с США, следить за которым мне помогали газеты и репортажи, в «Матче века» я был полноправным участником. В той же команде выступали и ветераны — Михаил Ботвинник и Василий Смыслов. В сорок пятом они блестяще сыграли с американцами, взяв четыре из четырех. И теперь, через четверть века, они снова в строю!

Еще задолго до начала матча в шахматной печати появились вопросы, на которые никто не мог дать прямого ответа. Например, какими будут составы команд, как их комплектовать, чтобы никого не обидеть? И, наконец, сумеют ли организаторы соревнования выполнить 80 (!) требований Роберта Фишера, связанных с условиями игры? Да точно ли, что он будет играть?

1 марта (за месяц до матча) из Москвы и Белграда одновременно были отправлены встречные телеграммы, и в «штабах» двух противостоящих команд телетайпы приняли составы команд. У нас в подмосковных Озерах — там мы проходили тренировку — первым делом взглянули на верхнюю строку бланка. Список избранных шахматистов мира открывал Роберт Фишер. Значит, у соперников все в порядке — собран оптимальный состав. Вот уже два года, как Фишер не играл в серьезных соревнованиях. После нервного срыва на межзональном турнире в Сусе (он повздорил с судейской коллегией) Фишер выбыл из борьбы за первенство мира. Было неясно, примет ли он участие в новом цикле, который уже начался. Но вот Фишер решил играть в матче!

Но я задержал читателя на первой строке телеграммы. Меня в большей степени интересовала строка девятая. Кого заявили «избранные» под этим номером?

Мигель Найдорф! Вот кто должен был стать моим соперником в матче. Ветеран с сердцем студента! Человек с самой длинной шахматной биографией... Если в нашей команде моложе меня лишь Борис Спасский, то аргентинский гроссмейстер был самым старшим и самым опытным в обеих командах... Сразу вспомнилась Олимпиада в Лейпциге. Тогда, перед встречей с аргентинскими шахматистами,

я познакомился с Найдорфом. Было это в кафе, где мы завтракали вместе со Смысловым. Вбегает Найдорф. Вообще он спокойно ходить не умел. Энергия так и бурлила в этом давно поседевшем человеке. «Сколько вы нам отдадите очков?» — это вопрос к Смыслову. Не дожидаясь ответа, Мигэль атакует меня: «Учтите, молодой человек, я выигрывал у Капабланки и Алехина и все ваши жертвы приму с удовольствием. Это лучший способ у вас выиграть!»

Все говорится с таким азартом и с такой доброжелательной улыбкой, что мы расстаемся почти друзьями. Через два часа я пожертвовал качество — Найдорф взял. А когда я поставил под бой еще и слона, аргентинец развел руками: «Простите, но я не могу сдержать слово — если возьму фигуру, то получу мат». Впрочем, через пять ходов он остановил часы.

Наверное, у каждого были свои воспоминания... Когда список, полученный из Белграда, обходил круг, звучали веселые замечания и сдержанные реплики. «Есть недовольные?— поднял бровь Спасский.— Могу предложить взамен Бобби Фишера»... Чемпион мира, конечно, шутил: ему с первой доски деться просто некуда было.

— А, старый знакомый,— проговорил Василий Смыслов, выяснив, что предстоит играть с Самуэлем Решевским.— Четверть века назад мы встречались в радиоматче.

Петросяну выпало играть с Бентом Ларсеном. По этому поводу он заметил: «Уникальный партнер! Чтобы сделать с ним одну-единственную ничью, пришлось сыграть девять результативных партий». Пожалуй, ни с кем в мире Петросян не имел столь решительного счета: 6 побед, 3 поражения и только одна ничья. Взяв у тренеров объемистую папку-досье с надписью «Ларсен», он пошел изучать любимые позиции датского гроссмейстера... Эх, если бы знать Тиграну Вартановичу, какой сюрприз его ожидает, он бы весь оставшийся месяц изучал совсем другие позиции! Но об этом потом...

Два часа полета — и под нами Белград. Встречающих столько, что самолет испытывает трудности с приземлением. Входим в столь памятный для меня Дом профсоюзов. Впереди, на ступенях, вижу высокую фигуру Пауля Кереса. Он остановился и тоже словно о чем-то раздумывает. Одиннадцать лет назад мы с ним вели здесь драматическую гонку в турнире претендентов.

Как давно это было! Отсюда, окрыленный надеждами, я уезжал на матч с Ботвинником. Кересу же тот турнир принес очередное разочарование. Он в третий раз оказался вторым.

Нас встречают организаторы, соперники, журналисты. Об огромном интересе, который проявлял мир к матчу в Белграде, красноречиво говорил хотя бы такой факт: журналистский корпус, аккредитованный на «Матче столетия», насчитывал триста журналистов из семидесяти пяти стран! К тому моменту, когда наш самолет подрулил к зданию аэропорта, они уже порядком устали от прогнозов и с интересом ожидали хотя бы небольшой, но новой сенсации.

И она грянула! Бент Ларсен категорически отказался играть на второй доске, мотивируя это решение целым рядом побед в международных турнирах. А Фишер, мол, два года не выступал... Напрасно капитан команды избранных шахматистов мира Макс Эйве с карандашом в руках доказывал Ларсену, что у Фишера лучший коэффициент Эло и потому...

— Да не силен я в математике,— отбивался гроссмейстер,— гуманитарий я, и лучше уж выйду из команды и останусь здесь корреспондентом датских газет.

Еще день все ждали, что Ларсен (ранее такой сговорчивый) уступит, но он упорно стоял на своем. «Или играю со Спасским, или не играю совсем!» Раздосадованный Петросян уже попросил у тренеров папку-досье на запасного сборной соперников Фридрика Олафссона и, затворившись в номере, стал готовиться. Ведь до игры — одни сутки. Но поздно вечером к нему зашел Бондаревский и молча положил на стол третью (!) папку, на которой значилось имя Фишера...

— Как! Он соглашается играть ниже Ларсена?— не поверил Тигран Вартанович.

— Да, произошло почти невероятное,— ответил Игорь Захарович,— Фишер дал согласие играть на второй доске. Возможно, он просто устал с дороги и крикнул «О'кей!», чтобы отвязаться от Эйве, но возможен и тактический ход...

Как бы там ни было, а «рокировка» двух первых досок перечеркивала всю предварительную подготовку Спасского и Петросяна к матчам с соперниками. Да и психологический эффект имела немалый. Даже если считать, что такая замена оказалась неожиданной для Фишера и Ларсена, то у них-то домашняя подготовка не пошла прахом. Ведь они, несомненно, готовились по партиям недавнего матча Петросян — Спасский и тем самым знакомились с творчеством обоих гроссмейстеров.

На следующее утро Роберт Фишер заявил корреспондентам: «Я пошел на этот шаг потому, что видел — команда деморализована, и мне хотелось ее подбодрить. Но вы знаете, что я играю сильнее Ларсена...»

Были и другие трения среди «избранных». Так, Милан Матулович без обиняков спросил у Эйве: «Как это вы загнали меня на восьмую доску?» Его соперник Ботвинник очень неплохо пошутил по этому поводу:

— Я его понимаю. Ему неинтересно играть с таким слабым шахматистом, как я!— И в первой же встрече наш ветеран «прочитал» Матуловичу такую лекцию о стратегии шахмат, что партия удостоилась специального приза, а Эйве начал подумывать о замене Матуловича запасным игроком.

Но вернемся к «рокировке» Фишер — Ларсен. Она делалась не по правилам. Как заметили журналисты, «фигуры проходили через битое поле». И верно, регламент начисто отвергал перестановку в командах. Пришлось доктору Эйве направиться к капитану сборной СССР Д. Постникову с челобитной: так, мол, и так, если вы откажетесь, то будете правы. Но престиж «Матча столетия» надо спасать!

Это отлично понимали советские шахматисты. Они согласились не настаивать на соблюдении регламента и разрешили команде «избранных шахматистов мира» сделать перестановку в составе. Не спортивные выгоды, а высшие шахматные интересы продиктовали такое решение. Нам не хотелось, чтобы команда «всего света» выступала без такого блестящего шахматиста, как Бент Ларсен.

Все эти предстартовые волнения сразу же отошли на второй план, как только судьи пустили часы. Прогнозы оказались верны: наша команда сразу же перешла в наступление. После второго тура она вела с перевесом в три очка. Нас с усердием хвалили в газетах, уверяли, что дальше будет «еще страшнее», и предсказывали неминуемый разгром «избранных мира».

И вирус самоуспокоения (можно сказать резче — самоуверенности) начал подтачивать волевой настрой нашей сборной. А соперники, которым отступать было некуда, в третьем туре выглядели исключительно собранной, нацеленной на победу командой.

И началось... Борис Спасский, который до «Матча века» имел с Ларсеном фантастический счет — 12 : 1, который выиграл у него во втором туре грандиозную партию, неожиданно зевнул фигуру. Таких просмотров у Бориса я что-то не видел раньше!

Крайне расстроенным выглядел Керес. Он был близок к тому, чтобы одержать вторую подряд победу над Б. Ивковым. Но тревога за положение дел на соседних досках заставила и его дрогнуть. Одна-две неточности, и на доске — ничья. А самый большой оптимист в нашей команде — Марк Тайманов с минуты на минуту ожидал, как сдастся В. Ульман, ждал с полным основанием, но где-то промедлил и добыл лишь половину очка.

Цепная реакция ошибок (как часто это бывает в командной игре!) не обошла и Ботвинника. Имея материальный перевес в эндшпиле, он просмотрел комбинацию Матуловича, и тот жертвой ферзя создал патовое положение собственному королю. Я сразу же вспомнил, как в 20-й партии матч-реванша Ботвинник подстроил мне такую же коварную патовую ловушку. Почти десять лет я ждал, кто же отомстит за меня. Но как не вовремя осуществилась месть! В довершение всех бед Смыслов проиграл Решевскому.

В обстановке общего крушения мне удалось добраться до короля Найдорфа. Но добытая единица слишком сиротливо выглядела в ряду нулей и половинок...

Сборная «избранных шахматистов мира» сократила разрыв до одного очка. Неожиданная неудача нашей команды до предела обострила спортивную обстановку. А потом начался нервный, натянутый, как струна, последний тур. Для меня он оказался короче, чем три предыдущих,— партия с Найдорфом окончилась сравнительно быстро. Играть было трудно — груз ответственности заставлял действовать с особой осторожностью. Был момент, когда я мог пожертвовать качество, но тогда бы возникла отчаянная заваруха...

Закончив партию с Найдорфом вничью, я начал изучать положение на остальных досках. Капризная фортуна продолжала раскачивать весы... Только что огромное преимущество было у Полугаевского, но когда я снова подошел к его столику, то увидел его крайне раздосадованным. Он просмотрел троекратное повторение позиции. Неважно шли дела и у Леонида Штейна, заменившего в последнем туре заболевшего Спасского. И только партии двух ветеранов советской сборной — Смыслова и Кереса — вселяли веру в общий успех...

Вот когда пригодились хладнокровие и выдержка Кереса! Исключительно точно он отразил нервные наскоки Б. Ивкова, захватил единственную открытую вертикаль и провел впечатляющую атаку на короля. Счет стал 19,5 на 19,5!

Теперь внимание всех переключилось на решающую партию Смыслов — Олафссон, в которой решалась судьба «Матча столетия». Не только в зале, но и рядом, на площади Маркса — Энгельса, за ее ходом следила многотысячная толпа. Под проливным дождем на огромной доске со светящимися фигурами воспроизводится заключительный акт шахматной драмы. Громко звучит усиленный мощным мегафоном голос шахматного обозревателя «Спортски новости» Марио Бертока, который все дни матча нес бессменную вахту около демонстрационных досок. Берток уже поведал болельщикам, что Олафссон может сдаваться, и только специфика командной борьбы вынуждает его выискивать призрачные шансы...

Смыслов знает, что его победа нужна, как воздух. Я смотрю, как он «ввинчивает» фигуры в клетки доски, и вдруг вспоминаю нашу драматическую партию в Загребе, сыгранную девять лет назад. Тогда у Василия Васильевича тоже была лишняя фигура и такая же выигранная позиция, но он просмотрел вечный шах. Не дай бог...

Шквал аплодисментов обрывает тревожные мысли. Олафссон расписывается на бланке и подает руку Смыслову. Победа! Ох, нелегко она нам далась, и от этого казалась значительней и весомей...

Теперь, по прошествии доброго десятка лет, когда мелкие детали начинают стираться в памяти, легче окинуть издали взглядом исторический матч и оценить его без лишних эмоций. Трудная борьба окончилась победой советской сборной, которая выиграла у команды, объединившей лучшие шахматные силы остального мира. Это беспрецедентный успех! Однако ложка дегтя тоже оказалась внушительной... Крайне огорчала неудача на первых четырех досках, настораживал очень высокий средний возраст команды. А где же наша молодежь? Почему мы не увидели ни одного из наших молодых гроссмейстеров в «Матче столетия»?

Ответим откровенно: конец шестидесятых и начало семидесятых годов — не лучший отрезок в биографии советских шахмат. И хотя мы регулярно побеждали в Олимпиадах, в первенствах Европы и владели всеми шахматными титулами мира, тревожные симптомы застоя и самоуспокоения давали о себе знать.

Литературная запись
Олега СКУРАТОВА

Продолжение следует.

К. Петров-Водкин. 1878—1939. 1918 ГОД В ПЕТРОГРАДЕ. 1920.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Рылов. 1870—1939. В ГОЛУБОМ ПРОСТОРЕ. 1918.

Б. Иогансон. 1893—1973.

НА СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ. 1937.

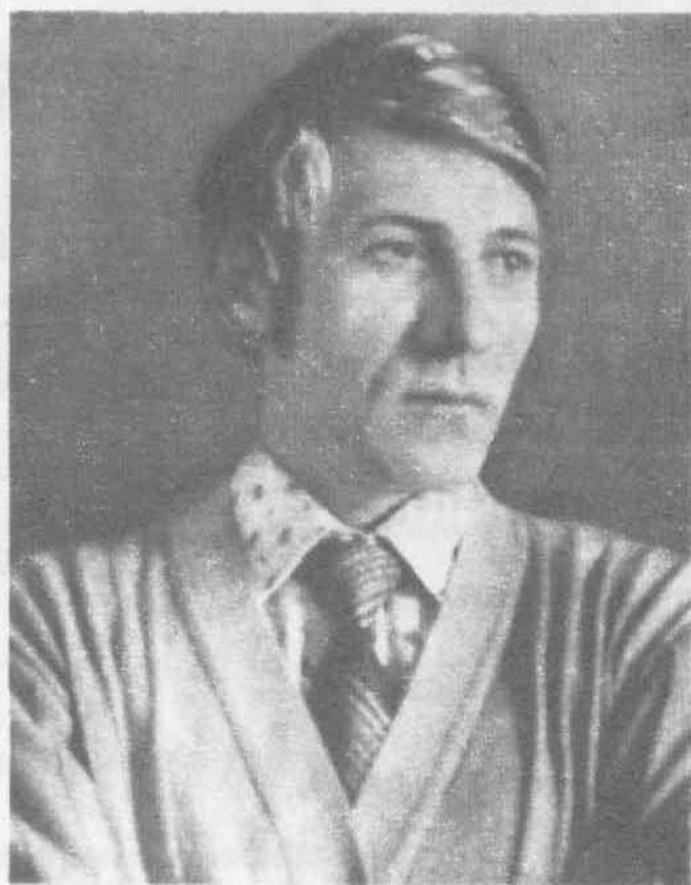
Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. 1899—1969. БУДУЩИЕ ЛЕТЧИКИ. 1938.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Попков. 1932—1974. СТРОИТЕЛИ БРАТСКОЙ ГЭС. 1961.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Игорь ЛЯПИН

ПОЭМА

Глава первая

1

Фантазия...
И слава ей
и честь!
И вымысел иной до слез доводит.
А думаешь опять о том, что есть,
О том, что вправду с нами происходит.
Живешь, как все,—
ни легче, ни трудней.
И знаешь,
что единственная помощь —
Душа любимой женщины твоей.
— Любимая,
ты помнишь,
помнишь,
помнишь?
Была у нас нелегкая пора.
Как мы крепились,
как с тобой терзались!
Не от хорошей жизни мы встречались
В Коломенском
у домика Петра.
В Коломенском у домика Петра
Шумят степенно липы вековые,
Туристы там,
как люди деловые,
Снуют в аллеях с самого утра.
А нас вела не прихоть,
не игра
Сюда,
где можно избежать знакомых,
Их взглядов понимающе спокойных
И все же не сулящих нам добра.
Бродили мы с тобой в руке рука,
Не ожидали никакого дива.
Была тропинка,
краешек обрыва
И далеко внизу Москва-река.
Она сверкала солнечным огнем,
И мы теряли нити разговора —
Так много было света и простора,
А главное,
что были мы вдвоем.
И как же не хотелось думать мне
В минуты те о чуждом сердцу доме
И перед ним таком неясном долге.
И тяжелее делалось вдвойне.
Еще тут вспыхнет золотом листва,
Еще терзаться столько и крепиться,
Пока однажды в жизни все сместится
И прочно станет на свои места.
Какая нас беда ни омрачит,
Какою ни ударит горькой вестью,
Души с душой уже не разлучить —
Почти полжизни были мы не вместе,
Почти полжизни...
Долгие года.
Ты кто, ты где —
в догадках я терялся.
И в женщинах встречавшихся всегда
Твои черты угадывать старался.
В надежде весь
и в ожиданье весь,
То с радостью случайною,
то с болью,
Я точно знал,
что ты на свете есть,
Не знал лишь,
где мы встретимся с тобою.
В каком краю сведут дороги нас.
Но что сведут,
настолько ясно было,
Что, может быть,
поэтому как раз
Меня по белу свету и носило.
То бил озноб у жаркого костра,
То на упругих палубах мотало,
Немало в жизни встретилось добра,
Но было и недоброго немало.

* * *

Ты помнишь,
как забота нас несла
По ГУМу,
где людей всегда лавина.
И вдруг не с криком,
с воплем:
— Ну дела! —
На шею мне обрушился детина.
Так ошарашил,
так, чудак, примял.
— Проездом,— тараторит,— здесь,
на сутки.
Чё, не узнал?
Да чё ты, не узнал? —
И руки все показывает,
руки.
Все тискает.
— Браток,— кричит,— браток! —
Потом тебя увидел:
— Извините.—
Я, мол, не по-столичному чуто́к,
Мол, не серчайте и не осудите.
Стоит, прибородище,
при усах,
Тельняшка под нейлоновой рубашкой.
И вдруг
родная искорка в глазах —
И я к нему на шею:
— Сашка! Сашка!..—
Ты чутко-чутко слушала потом,
Как жили мы,
как живы с ним остались,
Когда в реке взбесившейся вдвоем
Воды и страху вдоволь нахлебались.
Был Енисей.
И все случилось вдруг.
Волна прошла по судну
с ревом, стуком,
И парня — за борт.
Я бросаю круг,
Да так, что сам
туда же
вместе с кругом.
Швыряет нас гремучая вода,
А в ней коряги, бревна, что попало.
— За круг! — кричу.— За круг держись,
балда! —
А он не может — руки поломало.
Я сам не помню,
как его тащил.
Потом возились долго с ним хирурги...
А хорошо, что так, что не забыл,
И, видела,
совсем здоровы руки.
Мы в юности излишне горячи,
Но только в ней легко идешь по краю...
А ты сказала шепотом почти:
— Я о тебе еще так мало знаю.
Что говорить?
Мне в жизни повезло.
На амплитуде взлета и паденья —
Любовь и нелюбовь,
добро и зло
В моей душе не знали примиренья.

* * *

Пора для нас счастливая была
И никакой беды не предвещала.
Мою ты руку бережно брала
И долго из своей не выпускала.
Мы грустных чувств извечные рабы.
Ты гладила ладонь мою, вздыхая:
— Вот шрам, а это — линия судьбы,
Всей, значит, жизни.
Странная какая...
Здесь прервалась,
а вот пошла опять...—
И вдруг рукой накрыла осторожно:
— Ты знаешь, ничего нельзя понять,—
Сказала очень тихо и тревожно.
Я хиромантам рук не подставлял,
Не потому, что это —
вне науки,
А потому,
что с детства четко знал,
Какие от чего бывают руки.
В них может быть и радость
и беда,
Они и утешают
и терзают,
Они в пустынях ставят города
И города
в пустыни превращают.
Они и для мольбы
и для борьбы,
Попробуй тут в одно понятье втисни
Загадочную линию судьбы
И линию тебе подвластной жизни.

2

Глаза прикрыл,
и словно наяву
С твоей любовью,
с нею, только с нею
Я вновь рекою памяти плыву,
Как по Днепру
и как по Енисею.
Могучая раскинулась река.
Опять пороги, отмели, утесы.
И вижу я уже издалека:
Ты снова улыбаешься сквозь слезы.
Такой тебя в душе мне и хранить.
С такой же ты в глазах смотрела болью,
Когда решалось:
быть или не быть
Уже навеки
вместе нам с тобою.
Я перед картой Родины не слеп,
Но сердце географии не знает.
И Енисей опять впадает в Днепр,
А Днепр
в речушку Лапинку впадает.
Волна встает,
она готова смять
Все замыслы
и все мои решенья,
Ведь не вода пошла по рекам вспять,
А я гребу,
гребу против теченья.
Пойми меня,
обиды не держа,
Прости, что от разлук не избавляю,
Что, все сильней тобою дорожа,
Все чаще одинокой оставляю.
Пусть, если плачешь,
плачется светло,
Пусть локоны твои не разовьются.
В какую б даль меня не занесло,
Исход один —
к твоей душе вернуться.

* * *

В который раз я жизнь благодарю
За то, что и голубила, и била,
И под свою рассветную зарю
Меня не по обочинам вводила.
А распахнулась
сердцу и глазам

От соловья
до грохота фугаса:
Мол, вот я вся —
приглядывайся сам
И сам давай вникай и разбирайся.
В былые дни,
в событий круговерть
Меня уже несет поток широкий,
И в нем совсем нетрудно рассмотреть,
Какие были чистые истоки.

* * *

Мне эта быль
навеки близкая.
Навеки дни ее горьки.
Долина.
Станция Долинская.
Составы,
насыпи,
гудки.
И эшелонов звуки трубные.
И вот —
размашистой рукой —
По всем вагонам
строки крупные:
«Мы из Берлина»,
«Мы — домой».
Такая радость всеми властвует.
Цветы,
вопросы невпопад.
Слова всесильные:
«Да здравствует...» —
Полощет огненный плакат.
Оркестр военный,
пар кружение,
И суета, и кутерьма,
И поцелуи, и смущение,
И смех, и слезы —
жизнь сама.
И разговоры откровенные,
И звон сверкающих наград,
И эти платья довоенные
У раскрасневшихся девчат.
Все так сердечно,
так волнующе.
И светом все озарены
Таким весенним и ликующим,
Как будто не было войны.
А дали все еще
багровые,
А губы все еще
горчат.
И паровозы маневровые
По-человечески кричат.

* * *

Уже катилась в прошлое война
И в сторону невзгоды относило,
Но все еще аукалась она,
Стонала,
причитала,
голосила.
На пустырях, на улочках глухих
Порою той,
для всей страны рассветной,
Как много их,
ровесников моих,
Пометила она кровавой метой.
Суровой были страшная печать,
Она всю жизнь стоит перед глазами:
Ведь только в нашей школе было пять,
Пять мальчиков с пустыми рукавами.
В ту пору
из мальчишеской гурьбы
Подстерегали всякого оплошки,
Ту роковую линию судьбы
Ведя по каждой маленькой ладошке.
Но мы своею лихостью горды —
Мы ценим риск,
отчаянную смелость!
Поздней пришла осознанность беды,
А в детстве как-то проще все смотрелось.

* * *

Было очень мало книг Детгиза
Той послевоенною порой.
И хоть воздух светом был пронизан,
Но еще запал, взрывчатка, гильза
Всякий раз случались под рукой.
И в своем кругу мы дело знали.
Пропадая в поле дотемна,
Шмыгая носами,
форс держали —
Профессионально разряжали
Все, что нам оставила война.
Только слишком много было пыла,
А затеи все не по летам.
Профессиональность подводила,
И беда,
беда тогда ходила
По пятам за нами, по пятам.
Не умели мы остерегаться,
И разрывы ухали, крепки.
От несчастья
некуда деваться...
Чепуха, когда не стало пальца,
Ничего, когда одной руки.
Да не всех нас так судьба хранила.
Вовка Тюрин —
первый мой дружок:
Двух прыжков до ямы не хватило —
И рванула силища тротила.
Десять лет —
и без обеих ног.
Как в падучей билась тетя Лиза,
Вовкина сломившаяся мать.
Дым взлетал,
и дым стелился низом...
И, конечно, мало книг Детгиза
Нам пришлось в ту пору прочитать...

3

Ничто бесследно в жизни не пройдет,
И память свой пробел еще восполнит.
За тридевять земель трубит завод,
Где мало кто меня сегодня помнит.
Каким он знаменитым нынче стал!
И, знаешь,
я всерьез о нем тоскую,
Чуть вспомню,
как вприпрыжку пробегал
Через его вертушку-проходную.
Любимая,
рука моя тверда.
И не прослыть вовек мне белоручкой...
Но мама все же плакала,
когда
Я возвратился с первою получкой.
Она меня, как в детстве, обняла,
И вздох ее, как тихий дождь, пролился,
Она еще поверить не могла,
Что я в семье опорой становился.
Еще в ушах тот скорбный марш гремел
И сердце рвал на самой горькой ноте.
Весь город знал, что наш отец сгорел,
Как на ветру,
на огненной работе.

* * *

Я столько раз стоял у входа
В барак,
где с первых мирных лет
Был безусловный штаб завода —
Его партийный комитет.
Где в рамку огненных царапин
Вписала твердая рука
Довольно крупно:
И. С. Ляпин.
И ниже чуть:
парторг ЦК.
А был я маминого зова
Вполне весомый аргумент:
Не прибеги сюда —
и снова
Отец забудет про обед.
И так часами я дежурным
Стоял у хлопавших дверей.
И видел:
входят люди хмуры,
А вот выходят
веселей.
И где теперь он,
тот товарищ,
Что, мне поправив воротник,
Все сокрушался:
— Эх, не знаешь,
Який твий батько чоловик!
Входила женщина — рыдала,
Но, покидая кабинет,
Довольно громко всем сказала:
— А говорите, правды нет...
Все выходили,
заходили
В фуфайках, в сбитых сапогах.
Порою
тихо говорили,
Порой кричали о делах.
Тогда я слышал,
между прочим,
Какой-нибудь осипший бас:
— Иван Семенович,
рабочих
Там не послушают,
а вас...
И не могу тебе поведать
О чувстве радостном,
с каким
Я вел потом отца обедать,
Шагать стараясь рядом с ним.
И мне запомнилось навеки,
И эту память
не отнять,
Как вкусно
из одной тарелки
С отцом пустые щи хлебать.
А тут,
не сразу сев обедать,
Он маму в комнату позвал:
— Ну, мать,
крепись теперь,
что делать,
Я наши карточки отдал.—
И мамино лицо худое
Чуть задержал в руках своих:
— Пойми,
у нас с тобою двое,
А та одна растит троих.—
Меня с сестренкой обнимая,
Присела мама на кровать.
И лишь вздохнула:
— Ваня, Ваня,
Ну кто еще бы смог отдать...
Я был уверен абсолютно,
Что по-отцовски буду жить.
Потом узнается,
как трудно
Хотя бы раз
так поступить.

4

Запенятся и отцветут сады,
И вновь и вновь
весна пройдет по краю,
Пока я цену дружбы
и вражды
И многое,
что нужно знать,
узнаю.
Но не узнать ни нынче,
ни потом,
С каким отец мучительным вопросом
Сидел подолгу молча за столом
И папиросу жег за папиросой.
Тут можно только думать,
да гадать,
Да самому клубить дымище сизый.
Вздыхал отец.
О чем он мог вздыхать,
Мужчина крайне сдержанный и сильный?..
А мне в глаза течет такая синь,
Что здесь открыться может не любому.
Ты видишь,
я стою, как блудный сын,
И обращаюсь к городу родному.

* * *

В моей душе твой щебет соловьиный,
Твоих заводов огненная жизнь.
Речь русская
и мова Украины
В твоем певучем говоре слились.
Мы здесь росли
и знали каждый угол,
И каждый звук,
и каждый поворот,
Совсем мальчишки —
дети металлургов,
Упрямо возрождающих завод.
Одна судьба,
одна их цель собрала
На этом приднепровском рубеже
Со всей страны —
и с фронта, и с Урала,
И с севера, и с юга...
И уже
Он поднимался,
грузен и натружен,
А матери таких, как я, мальцов
По десять раз подогревали ужин,
С работы поджидаючи отцов.
Гудок трубил
призывно и сурово,
И, матерей сводящее с ума —
«Авария!» —
пронзительное слово
Врывалось в беззащитные дома.
Нам не понять еще всей этой боли,
И жизнь пока не очень-то горчит.

На переменках
в нашей средней школе
Бесчинствуют тряпичные мячи.
В тетрадках есть и тройки
и пятерки,

Запалы по карманам,
поплавки,
Учитель в полинявшей гимнастерке,
Прихрамывая,
ходит у доски...
Но обрывались школьные уроки,
Едва седьмой заканчивался класс.
Широкие отцовские спецовки
Перешивали матери для нас.
И прямо в цех.
Там звон и грохот стали
Нас оглушал.
Там сам рабочий класс
Нам руки жал.
Там наших батек знали
Настолько, что считали,
знают нас.
И день за днем
сирена не смолкала
И трубы раскаленные
неслись...
И гонор был.
И скидок не давала
На молодость
стремительная жизнь.

* * *

К добру ли было?
Думаю, к добру.
Теперь на мир
не смотришь, как спросонок.
Я вырастал,
как сосенка в бору,
Среди таких же, как и сам, сосенок.
Под вихрями житейской кутерьмы
Входило в нас
уменье и терпенье.
Потом пришло сознание,
что мы
То племя молодое — поколенье.
И не легко.
И нет пути назад.
А жизнь есть жизнь:
где свет, а где потемки.
И чувствуешь,
как нам в глаза глядят
На цыпочки встающие сосенки.
Мне вспомнится задумчивый отец,
И ясно станет,
что в большом и в малом
Конец —
он лишь тогда
всему венец,
Когда и сам венчается началом.

* * *

Металл пылал, и остывал металл,
А сердце не могло угомониться.
Ведь я уже тогда тебя искал,
Девчонкам встречным вглядываясь в лица.
Ты снилась мне.
Я помню эти сны.
Я в них уже руки твоей касался,
И столько было в сердце новизны,
Что я от счастья
утром просыпался.
И представлял,
как встречу, подойду —
И сразу столько света в мир прибудет.
Я знал,
что обязательно найду,
Да вот не знал,
как трудно это будет.
Дохнут нескоро
добрые ветра,
Нескоро та,
с поющими лучами,
В Коломенском
у домика Петра
Счастливая
взойдет звезда над нами.

Глава вторая

1

Не только в злые,
грозовые
И неспокойные года —
Столицы нашей
позывные
Нас брали за душу всегда.
И в том победном
сорок пятом,
Когда над смертью встала жизнь,
Они салютом и набатом
Из репродукторов неслись.
И в них,
ликуя и рыдая,
Солдат, невеста и вдова
Те —
«Широка страна... родная» —
Всей кровью
слышали слова.
Они звучали,
неизменны,
И были дороги вдвойне,
Когда на хлеб снижали цены
В изголодавшейся стране.
И день навеки легендарен:
От позывных,
как на волну,
Из уст в уста
пошло:
— Га-га-рин...—
И дальше —
из страны в страну.
И пусть
по городам
и весям
От древних
от кремлевских стен
Идет их музыка предвестьем
Хороших в жизни перемен.
Тебе и мне напоминая
И донося во все края,
Как широка страна родная
Вокруг высокого Кремля.

* * *

Как широки
леса, поля, моря,
Посмотришь —
дух захватит от простора.
Бежит дорога
дальняя моя.
Но ты на ней
покажешься нескоро.
Мне будет жизнь —
как море кораблю
Немало даст,
немало и отнимет...
И голову горячую мою
Неснящаяся женщина обнимет.
Она прошепчет ласково:
«Люблю...»
И хоть мои слова застрянут в горле,
Я от надежд заветных отступлю
И ей на горе
и себе на горе.
Мне грустно те минуты вспоминать,
И я за них еще сполна отвечу,
За то, что вдруг
устал тебя искать,
Подумал вдруг:
«Наверное, не встречу...»
В тот час погасла ясная звезда,
Мы жили в этом смысле,
как с лучиной.
Любовь, она приходит не всегда
Туда, где вместе женщина с мужчиной.
Она и всплеск душевный
и пожар,
Она то окрыляет,
то изводит.
Любовь, как самый щедрый
жизни дар,
Лишь к безоглядно любящим
приходит.
Однажды поднимусь я на заре
И осознаю страшную потерю.
И вновь
на этой праведной земле
В твое существование поверю.

2

В дорогах легче всякая печаль.
Плыл самолет,
неслись упряжки с лаем.
Передо мной
распахивалась даль
Из края в край —
всем Красноярским краем.
История повсюду не проста,
А тут на ней
особые пороги —
Всё темные
да мертвые места
Перемежают явные остроги.
О, сколько было горестных путей
По безоглядной
по российской шири —
До Енисея
и за Енисей,
И там — до океана
по Сибири.
Такой размах земли,
такой простор!
Но как на нем Россия скорбно пела.
Мне кажется, он слышен до сих пор,
Тот жуткий грохот
ленского расстрела.

* * *

Как хорошо,
что наша память
Умеет вспыхнуть,
как заря.
Всплывет сквозь лед,
пройдет сквозь наледь,
И это ей благодаря
Давно заученные были
Встают,
особенно горьки,
Когда о матушке Сибири
Заговорят
сибиряки.
Заговорят неторопливо,
Как о судьбе,
как о войне,
Как о чужой,
непоправимой,
Незабываемой вине.
И встарь недаром в эти дали
Ходил купец, перекрестясь.
Но более в Сибирь ссылали —
Вернее было, чем Кавказ.
Людей Сибирью убивали
Без палок и без пули в лоб.
Те,
что вернуться успевали,
Тем оставалось
только в гроб...
В ней собирались все печали,
Со всех краев,
со всех сторон,
В ней революцию пытали
С екатерининских времен,
И с тех времен
в угрюмых зданьях
Доносы были включены
В ряд мер,
ведущих «к процветанью
И благоденствию страны».
Я снова думаю
и снова,
Какой у памяти я раб!
Скажу «Сибирь»,
и тут же слово
Другое вертится —
«этап».
Но тех эпох потомок дальний,
Когда, и где, и как я мог
Так ясно слышать звон кандальный
Вдоль исторических дорог?
Когда и где пришло сознанье,
Что к той глубинке,
к дали той,
Как к высшей мере наказанья,
Приговорен был предок мой?..
Прислушиваюсь к чутким соснам,
На огонек иду любой,
В Сибирь иду,
но я не сослан,
А если сослан, то собой.
И сам готов кружить в пороше,
Глотать мороз,
искать друзей,
И с каждой встречей станет больше
Ее судьбы
в судьбе моей.
И это будет как основа
И как залог,
что не рвалась
Не в переносном смысле слова,
А кровная буквально связь.

Окончание следует.

НОВОЕ О ПУШКИ

Нелли КУЗНЕЦОВА

Это началось восемнадцать лет назад. В Москве открылся Государственный музей Александра Сергеевича Пушкина. Туда с предложением оказать посильную помощь коллективу нового музея великого русского поэта пришли супруги Ирина Михайловна Ободовская и Михаил Алексеевич Дементьев. Страстная любовь к Пушкину, интереснейшее собрание его прижизненных изданий, анненковское собрание сочинений 1855 года, большой набор пушкиноведческой литературы в их личной библиотеке, блестящее знание французского языка Ириной Михайловной и то, что принято называть истинной интеллигентностью и образованностью,— это и было побудительной основой для такого шага. Их охотно приняли в свет содействия и предложили заняться изучением архивов семьи Гончаровых, родственников Натальи Николаевны. Несколько томов документов, бухгалтерских книг, записных книжек с конца XVII и до начала XX века — почти все это уже было просмотрено другими исследователями. На изучение бумаг уходили месяц за месяцем. Временами казалось, что ничего нового и интересного для биографии Пушкина найти здесь не удастся. Но вдруг в описи встретилась строка «письма Гончаровых».

— Прочесть их было нелегко. Почерки неразборчивые, многие строки расплылись, стерлись. Иногда приходилось буквально по слову, по букве с помощью лупы восстанавливать каждую фразу, а затем уже дома переводить на русский — ведь почти вся переписка велась в ту пору на французском,— рассказывает Ирина Михайловна.— Но мы испытывали большое волнение, потому что понимали: прикасаемся к истинному, подлинному. Ведь все письма написаны очень откровенно, наскоро — это же переписка родственников. С самого начала мы полагали, что общение Пушкина после его женитьбы на Наталье Николаевне с семьей Гончаровых было довольно тесным. И это предположение подтвердилось. А можно ли передать те чувства, которые мы испытали, когда нашли новое, ранее не публиковавшееся и нигде не упоминавшееся письмо самого Пушкина 1833 года к старшему брату жены Дмитрию Николаевичу. Это был совершенно новый адресат в эпистолярном наследии поэта.

Около шестидесяти писем семьи Гончаровых, среди них названное письмо А. С. Пушкина, 14 писем его жены — это то, что составило основу первой книги И. Ободовской и М. Дементьева «Вокруг Пушкина» (издательство «Советская Россия», 1975 г.).

Следующий этап работы исследователей — изучение архива Араповой, дочери Натальи Николаевны от второго брака, с П. П. Ланским. Обратиться к нему посоветовала Т. Г. Цявловская. Она сказала, что архив этот совершенно не тронут, хотя... вряд ли что в нем удастся

Наталья Николаевна Пушкина (во втором замужестве Ланская). 1849 год.

найти. И все-таки И. Ободовская и М. Дементьев едут в Ленинград и в рукописном отделе Пушкинского дома обнаруживают целый клад — 400 листов архива Араповой — письма Натальи Николаевны к Ланскому. Возможно, это именно те письма-дневники Натальи Николаевны, о которых просто как о дневниках упоминают некоторые исследователи. В самом деле, они очень обширны, подробны. «Мои письма — это дневники, где я пишу о всех своих чувствах, плохих и хороших» — так характеризует их сама Наталья Николаевна.

Чтение и перевод снятых на микропленку писем — на это ушло еще несколько лет. Большая часть этих находок, а также письма Екатерины и Александры Гончаровых, П. Вяземского, которые до этого вообще не были известны, и легли в основу новой книги «После смерти Пушкина» (издательство «Советская Россия», 1980 г.), рассказавшей нам о том, как сложилась судьба вдовы поэта и ее сестер после трагической гибели Пушкина.

Когда-то П. Щеголев писал в своей монографии «Дуэль и смерть Пушкина»: «Нельзя не пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Натальи Николаевны каких бы то ни было, а в особенности к Пушкину». Писем Натальи Николаевны к Пушкину в распоряжении пушкинистов нет и сегодня. Они были, но исчезли в 1920 году, и судьба их пока неизвестна. Но письма к другим адресатам, которые предоставили нам И. Ободовская и М. Дементьев, многое изменили в нашем представлении о жене поэта и многое прояснили в отношении Пушкина к ней.

В предисловии к книге «Вокруг Пушкина» известный советский пушкинист, член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой так определил их труд: «Быть защитниками тени жены поэта — и не по принципу «высокой лжи», а из стремления к подлинной исторической правде — эту благородную, в существе своем глубоко пушкинскую задачу поставили перед собой авторы данной книги и во многом вполне доказательно решили ее».

На базе новых публикуемых И. Ободовской и М. Дементьевым эпистолярных материалов Д. Д. Благой опровергает старые взгляды на причины гибели Пушкина, считая, что жизнь поэта была пресечена бесстыдной и беспощадной политической расправой и что в истории его гибели Наталья Николаевна была не виновницей, а жертвой.

В свете этой новой концепции публикуемые письма Натальи Николаевны приобретают чрезвычайно важное значение для характеристики жены поэта. «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском» — фраза умирающего Пушкина многое говорит непредубежденному человеку.

Воистину прав был Пушкин, сказавший как-то: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы. В светском уложении правдоподобие равняется правде...»

И. Ободовская и М. Дементьев замечают по этому поводу: «Поразительные слова, как будто сказанные поэтом о самом себе! Клевета, родившаяся в великосветском обществе, преследовала Пушкина и его жену, унижала его достоинство и как великого писателя и как человека».

Светская молва обвиняла Наталью Николаевну в том, что она ветреная, неумная и бессердечная, что горе ее неглубоко и она скоро забудет мужа. А потом распространился слух, что по возвращении в Петербург из Полотняного Завода, куда Наталья Николаевна уехала после трагедии, она вела легкомысленный образ жизни.

Эти обвинения продолжались и в некоторых позднейших исследованиях о Пушкине.

Как замечают авторы рассматриваемых книг, все осложнялось тем, что до недавнего времени «молчали» сама жена Пушкина и ее сестры. А сейчас они заговорили. Подлинные письма — лучшие документы, лучшие свидетели. Вот они.

«...Тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу общества, а главное имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы» (Н. Н. Пушкина — брату Д. Н. Гончарову, 12.XI—1834 г.).

Позже, уже будучи Ланской, Наталья Николаевна напишет мужу: *«Втираться в интимные придворные круги — ты знаешь мое к тому отвращение; я боюсь оказаться не на своем месте и подвергнуться какому-нибудь унижению. Я нахожу, что мы должны появляться при дворе только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше сидеть спокойно дома. Я всегда придерживалась этого принципа и никогда не бывала в неловком положении. Какой-то инстинкт меня от этого удерживает»* (1849 г.).

Так даже по истечении многих лет не могла сказать пустая московская барышня, оказавшаяся волею случая женой великого поэта, чья прелестная головка закружилась в блестящем Петербурге. Перед нами слова человека, знающего цену высшему обществу.

Мы узнаем, что она и отзывчива и добра, и прежде всего к своему мужу А. С. Пушкину.

«...Я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится... Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следственно в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что, если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать». (Из письма к старшему брату Дмитрию, июль 1836 г.)

И поистине странным кажется, что мнение самого Пушкина о Наталье Николаевне: *«Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом»,—* как-то совсем не учитывалось некоторыми исследователями.

Благодаря документам, представленным и осмысленным

НЕ И ЕГО СЕМЬЕ

И. Ободовской и М. Дементьевым, мы узнаем, какое непосильное бремя было взвалено на хрупкие плечи совсем еще молодой вдовы.

«Ты не поверишь, в каком состоянии она находится, на нее больно смотреть... Дети растут и скоро она должна будет взять им учителей, следственно, расходы только увеличиваются, а доходы ее уменьшаются...

Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями, она еще должна бороться с нищетой» (А. Н. Гончарова — Д. Н. Гончарову, 1839—40 гг.).

Как тут не вспомнить слова Пушкина: «Если я умру, жена окажется на улице, а дети в нищете». (1833 г.)

Мы видим также, как при скудости средств вдова поэта борется за то, чтобы выкупить Михайловское:

«Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его... Меня спрашивают о доходах с етого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и для детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете». (Из письма Н. Н. Пушкиной в Опеку, весна 1838 г.)

Семь лет вдовства, более чем скромная жизнь. Вот свидетельство близкого друга Пушкина Плетнева:

«...Вечер с 7 почти до 12 я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают. Скажите баронессе Котен, что Пушкина очень интересна, хоть и не рассказывает о тетрадях юридических. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказывать». (Плетнев — Я. К. Гроту, 24 августа 1840 г.)

Память о погибшем муже была свята для вдовы, его завещание было исполнено с глубочайшим уважением. Вот ее первое самостоятельное решение: несмотря на ужасное состояние после трагической гибели мужа и несмотря на милости царя (погашение долгов, назначение пенсий вдове и детям, издание собрания сочинений Пушкина в пользу семьи поэта), Наталья Николаевна, помня, очевидно, строки давнего письма мужа, где он иронически называл мундир камер-юнкера «полосатым кафтаном», настояла похоронить его в обычном костюме.

«Я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне»,— решает вдова поэта. Она имела в виду имение старшего брата Дмитрия Полотняный Завод. Уже 16 февраля с детьми и сестрой Александрой Николаевной в сопровождении братьев и тетушки Загряжской она выехала в Москву. Там ночью, только переменив лошадей, они отправились дальше, к месту назначения.

Потом и это ей будет поставлено в укор — не повидалась с отцом мужа, жившим в Москве. Позже Сергей Львович навестил невестку и внуков.

«Я провел десять дней у Натальи Николаевны. Нужды нет описывать вам наше свидание. Я простился с нею как с дочерью любимою... Дети — ангелы совершенные; с ними я проводил утро, день с нею семейно» (2 августа 1837 г.).

В Полотняном Заводе Наталья Николаевна с детьми и Александрой Николаевной жили отдельно от семьи брата, в так называемом Красном доме. В ее письме к С. Н. Карамзиной оттуда содержатся такие строки о книгах Пушкина:

«Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — все равно что слышать его голос, а это так тяжело!» (июль 1837 г.).

В начале 1841 года Наталья Николаевна получает права на Михайловское и уже в мае с семьей уезжает в деревню. Очевидно, у нее было намерение не только провести там лето, но и остаться на более долгий срок. На следующий же день по приезде в Михайловское вдова побывала на могиле мужа, в течение лета много раз привозила туда детей, желая, как она говорила, утверждать в их сердцах священную его память. Тем же летом на могиле Пушкина было установлено надгробие, которое Наталья Николаевна заказала еще в конце 1839 года в Петербурге.

Однако не всем намерениям было суждено осуществиться: дом в Михайловском порядком обветшал, усадебного хозяйства как такового не было, и все приходилось покупать на стороне. Вот некоторые строки из писем Натальи Николаевны тех лет:

«Касса моя совершенно пуста, для того, чтобы как-то существовать, я занимаю целковый у Бессариона (слуга.— Н. К.), другой — у моей горничной, но и эти ресурсы скоро иссякнут». «Дошло до того, что сегодня у нас не было ни чаю ни свечей, и нам не на что было их купить». (5 июня 1841 г.)

Годы вдовства Натальи Николаевны оказались именно такими, как это и предвидел Пушкин.

Но красивая, обаятельная, добрая, отзывчивая и умная Наталья Николаевна неизменно вызывала симпатии тех, кто с ней общался. И, несмотря на то, что, живя в Петербурге, она никуда не выезжала, в течение семи лет вдовства у нее было несколько поклонников, их, однако же, отпугивал «грозный призрак четырех детей».

«Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!»— эта позиция Натальи Николаевны была твердой. Как видим, долг матери был превыше личного успеха. И ни о каких светских развлечениях она вообще не помышляла.

Здесь уместно привести впервые публикуемое авторами книги письмо П. Вяземского, так как оно характеризует суть вещей, очевидно, довольно точно:

«Ваше положение печально и трудно. Вы еще в таком возрасте, когда сердце нуждается в привязанности, в волнении, в будущем. Только одного прошлого ему недостаточно. Возраст ваших детей таков, что, не нарушая своего долга в отношении их, вы можете вступить в новый союз. Более того, подходящий разумный союз может быть даже в их интересах». И далее: *«Вы слишком чистосердечны, слишком естественны, слишком мало рассудительны, мало предусмотрительны и расчетливы... То трудное положение, в котором вы находитесь, отчасти проистекает из-за вашей красоты. Это дар, но стоит он немного дорого».* И потом: *«Вы ни принадлежите к светскому обществу, ни удалились от него. Эта полумера, полуположение имеет большой недостаток и таит в себе большую опасность».* (1842 г.)

После семилетнего траура Наталья Николаевна выходит замуж.

«Таша выходит замуж за генерала Ланского... У него благородное сердце и самые прекрасные достоинства. Его обожание Таши и интерес, который он выказывает к ее детям, является большой гарантией их общего счастья». (Из письма А. Н. Гончаровой старшему брату Д. Н. Гончарову, май — начало июня 1844 г.)

Эту характеристику Ланской вполне оправдал.

Авторы дают нам множество свидетельств того, что Наталья Николаевна была прекрасной матерью. Четверо детей от первого брака, трое — от второго — это была еще не вся ее семья. В доме постоянно живут Лев Павлищев, сын сестры Пушкина Ольги Сергеевны, племянник Ланского Паша (то был мальчик, брошенный матерью: жена брата Ланского, мать Паши, влюбилась в секретаря неаполитанского посольства графа Гриффео и уехала с ним за границу. Это был именно тот Гриффео, который настойчиво ухаживал за Натальей Николаевной в годы ее вдовства). Саша Нащокин, сын любимого друга Пушкина, родители которого жили в Москве, очень скучал в училище правоведения, и поэтому Наталья Николаевна часто брала его к себе. Своими мальчиками она гордилась.

Особенные симпатии она питает к Льву Павлищеву.

«Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин» — так пишет она своему второму мужу.

Во второй книге «После смерти Пушкина» авторы обращаются к мемуарам Л. Спасской — она была дочерью доктора Н. В. Ионина, у которого, будучи в Вятке в 1855 году вместе с Ланским, Наталья Николаевна лечилась. Спасская рассказывает, что Наталья Николаевна приняла большое участие в судьбе М. Е. Салтыкова-Щедрина, бывшего там в семилетней ссылке, и по приезде в Петербург добилась его освобождения. (На этот факт, как справедливо указывает Д. Д. Благой, «пушкинисты, в силу своих предубежденных взглядов на жену и вдову Пушкина, просто — до Ободовской и Дементьева — не обращали внимания».) По словам Спасской, Наталья Николаевна приняла такое участие в судьбе писателя, «как говорят, в память о покойном своем муже, некогда бывшем в положении, подобном салтыковскому».

А вот факт, который стал известен благодаря вновь найденным письмам Натальи Николаевны: еще в 1849 году она добилась освобождения некоего Исакова, арестованного по обвинению в участии в заговоре петрашевцев.

Как видим, Наталья Николаевна чутко отзывалась на чужую боль. Из книги И. Ободовской и М. Дементьева мы узнаем также и о том, что она была образованна, знала языки, много читала и обладала несомненным литературным даром — свидетельство тому те самые письма-дневники, письма родным, где она тонко передает все нюансы переживаний, кратко и емко рисует целые картины жизни, характеры, дает оценки людям (кстати, никогда не беря на себя роль судьи). Несомненно, она была женщиной во всех отношениях достойной любви Пушкина. И его слова: «Я готов умереть за нее»,— конечно же, шли из самого сердца гения.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность книг И. Ободовской и М. Дементьева. Подробно, с большим тактом разбираясь в сложных взаимоотношениях людей той эпохи, принимая во внимание различные мнения, документы, авторы с деликатностью утверждают свою точку зрения, при этом нигде не теряя главного образа книги — самого Пушкина.

Но пусть этот путь вслед за авторами читатели пройдут сами. Мы же еще остановим их внимание на том, что не вошло в книги, хотя и имеет к ним непосредственное отношение: на письмах-отзывах, которые идут в издательство и авторам.

«Благодаря вашему труду образ Натальи Николаевны, наконец, встает во всей ее душевной красоте... Образ ее по вашей книге совершенно соответствует традиционному семейному взгляду».

Г. М. Воронцов,
праправнук Пушкина
Париж».

Как уже говорилось выше, высокую оценку труда И. Ободовской и М. Дементьева дает известный советский пушкинист, автор вступительных статей обеих книг — Д. Д. Благой, считая его «своего рода нравственным подвигом».

Крупнейший советский ученый-филолог, председатель Пушкинской комиссии АН СССР академик М. П. Алексеев так пишет авторам об их работе.

«Я прочел вашу книгу с большим интересом тотчас же по получении и очень радуюсь ее появлению в свет. В ней так много теплоты по отношению к бедной оклеветанной потомками тени Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, что книгу вашу читаешь с чувством глубокого удовлетворения и признательности. Я узнал из вашей книги много нового и запоминающегося, очень приятно, что она великолепно иллюстрирована. Уверен, что ваш новый труд будет встречен единодушными похвалами и специалистов и широкой читательской аудитории. Удивительно, что еще в наши дни можно найти так много новых данных о Пушкине и его семье».

Итак, поиск увенчался успехом. Но поиск продолжается. Книга «Пушкин в Яропольце» — следующая работа писателей-пушкинистов И. Ободовской и М. Дементьева, которыми найдены новые интереснейшие письма. Но это уже особая тема.

Борис ЧИРКОВ,
Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, председатель Совета ВТО по работе на селе

«...В том, что духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой,— бесспорная заслуга наших деятелей культуры, нашей **литературы и искусства**»,— сказал Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС.

Вспоминаю свои первые шефские поездки на село... Был я тогда не актером еще, а любителем театрального искусства. И вот нам, молодым ребятам-комсомольцам, было дано поручение провести культурно-шефскую встречу на селе: наш драмкружок показывал пьесу Фонвизина «Недоросль». С нами поехали врач и агроном: они проводили беседы. Ну, а мы играли спектакль.

Зима стояла лютая. Расстояния от деревни до деревни огромные; леса вятские суровы: со зверьем, волками. Но нас, молодых, это не пугало: тогда, на заре Советской власти, мы были одними из первых среди тех, кто начинал культурную работу на селе. До сих пор с великим удовольствием вспоминаю то время. Наверное, ощущение полезности актерского дела родилось именно тогда. Народ, едва заслышав о нашем приезде, валом валил в чью-то просторную избу, где раскладывали мы свою немудрящую бутафорию, кое-как приспособив занавес, вернее, свою занавесочку. Зрители сидели кто где, даже на полу, на подоконниках, на табуретах; остальные стояли, плотно прижавшись друг к другу. Их взволнованные лица, горячие глаза, в которых так и светилась любознательность, все это помню до сих пор. А главное, помню именно ощущение полезности, необходимости для людей того, что мы делали. Оно окрылило на долгие годы и зародило желание стать профессиональным актером.

Вот это стремление отдать свой талант, отдать все, что ты умеешь и можешь, людям, живущим далеко не только от столицы, но и от своего районного центра,— оно и сегодня заставляет актеров выезжать на село, показывать спектакль в самых отдаленных местах, часто в сложных, а то и вовсе трудных для актера условиях, но для самого внимательного и благодарного сельского зрителя, жаждущего всем своим существом **праздника театра**.

Для такого зрителя и преодолевают актеры разбитые, ухабистые проселочные дороги и просто бездорожье, когда театральные автобусы подчас застревают в грязи и их надо вытаскивать трактором,— ради такого зрителя они едут далеко и трудно. Едут, чего там греха таить, в малоудобных автобусах, где летом бывает жарко, а зимой холодно. Ради подобных зрителей преодолеваются промерзший зрительный зал, отсутствие не только гримуборных, но и кулис... Тепло человеческого сердца согревает! Всегда счастливо согревают нас теплые встречи с сельскими тружениками.

Много делается работниками театра на селе. Но еще больше предстоит сделать.

XXVI съезд КПСС поставил перед всеми работниками искусства новые большие задачи по дальнейшему подъему культурно-шефской работы на селе. За годы Советской власти, конечно, села стали неузнаваемы. И хоть село селу рознь, но посмотришь на иное, и хорошей завистью позавидуешь тому, кто там живет: дома благоустроенные, клубы — по проекту первоклассных архитекторов; торговый центр, библиотека, музыкальная школа. Да все есть! И, конечно же, в каждой семье телевизор: позволяет не только смотреть, но и увиденное сравнивать с тем, что показывают приехавшие в село гости. Возрос неизмеримо культурный уровень. Выросла и требовательность села. И вряд ли кому понравится в селе дешевая «приблизительная» драматургия, актерский наигрыш... Фальшь здесь люди чувствуют, может быть, даже острее, чем в городе, и очень высокой должна быть трибуна, с которой театр проповедует коммунистические идеалы.

Поперек пути театральной невзыскательности, небрежности, безответственного отношения к серьезному делу творческой работы на селе именно и встал наш Совет при ВТО — Совет, специально ведающий работой театров на селе,— одна из действенных организаций Всероссийского театрального общества.

По заданию Совета на село регулярно выезжают специалисты, театральные критики. Они просматривают спектакли в «неподдельных» условиях: во время выезда на сельскую сценическую площадку актеров со спектаклем. Потом эти спектакли обсуждаются. На межзональных и других конференциях мы встречаемся, говорим о замеченных неполадках, внедряем положительный опыт работы; добиваемся, чтобы она велась равномерно в течение всего года и, кроме того, интересно, разнообразно, отвечая запросам сельских зрителей.

Надо сказать, что успехи в работе на селе имеются: за последние годы заметно выросло количество творческих встреч и бесед, лекций об искусстве театра, что помогает жителям села заинтересоваться прекрасным искусством театра, глубже понять его... Безусловно, улучшилось и качество репертуара да и художественный уровень спектаклей. Теперь нередко театры в полном творческом составе выезжают на сельские гастроли, показывают на селе свои премьеры... Но, думается, особенно хорошо проходили в нынешнем году зимние сельские театральные фестивали.

В предсъездовское время особенно значительную работу провели, например, куйбышевские театры и отделение ВТО. Здесь давно забыли те времена, когда руководителей того или иного района надо было убеждать, уговаривать в необходимости и важности проведения фестиваля: это была трудная и, более того, не всегда приятная для театра работа. Теперь все иначе. Убеждать, агитировать за фестиваль не надо. Речь может идти лишь о том, как провести его лучше, интереснее, какие черты придать предстоящему празднику.

Именно так и происходило, когда готовили очередной фестиваль в Большой Глушице — это, кажется, самый отдаленный район области. Созвонившись с руководителями района, в Глушицу накануне фестиваля выехала В. А. Волнодаева, ответственный секретарь отделения ВТО. Она встретилась с председателем райисполкома В. С. Тереховым и секретарем райкома партии В. П. Братчиковым. Все вместе они обсудили программу и наметили основные направления праздника. Неудивительно, что он прошел прекрасно.

Может быть, кому-то будет даже трудно поверить, что зимний фестиваль в Глушице был уже четвертым за год. Да неужели, да как это так, почему? Кто это придумал? Кто заставил? И еще большее удивление в ответ, что никто никого не «заставлял». Сами люди решили проводить побольше фестивалей в районах! Решили потому, что народу эти праздники нравятся. Вот и весь резон! Никем не понукаемые, инициативные люди по своему желанию взвалили на себя этот нелегкий груз и везут!.. Да еще как везут — успешно! Творчески, активно. В октябре 1980 года провели фестиваль в Большечерниговском районе, в декабре — в Алексеевском, в январе этого года — в Нефтегорском, а вскоре после XXVI съезда КПСС — в Большой Глушице.

Четвертый фестиваль, как и три предыдущих, был посвящен XXVI съезду партии. И вся эта огромная работа носила поистине праздничный характер. Открытие каждого фестиваля было парадным, перед зданием Дома культуры —

Бийский драмтеатр приехал на гастроли в поселок Сорокино. Исполнительница заглавной роли в «Балладе о Вале Максимовой» Н. Калинина встретилась с юными зрителями. **Фото В. Емельянова.**

НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СО

красочная, специально подготовленная афиша. На сцене — эмблема фестиваля. Кстати, в каждом районе — своя эмблема. И создают ее местные художники. В президиуме — работники райкома партии и райисполкома, лучшие производственники района. Открывал фестиваль в Большой Глушице секретарь райкома КПСС В. П. Братчиков; он сказал, что для района фестиваль — это подарок деятелей искусства людям труда, и это их радует, вдохновляет, позволяет надеяться на высокие успехи в труде.

Зал не самого лучшего районного Дома культуры оказался переполнен, было человек пятьсот, и многим не хватило мест, подставляли стулья. Надо сказать, что отдельные колхозы и совхозы имеют лучшие, более благоустроенные здания ДК, с хорошо оборудованной сценой, в самом деле похожие на дворцы. Например, в совхозе «Южный» той же Куйбышевской области выстроен прекрасный Дворец культуры, где областной театр оперы и балета тоже показывал свои спектакли.

Горячее ответное слово от имени деятелей искусств области произнесла В. А. Волкодаева. Она высказала от сердца идущие мысли об укрепившихся традициях сельских фестивалей — традициях, которыми дорожат и артисты. И та сердечность, теплота, которой была наполнена эта речь, конечно, передалась в зал: зрители тонко, эмоционально реагировали на каждое слово. А когда началась художественная часть, радостное ощущение праздника, общего подъема еще более усилилось: зрители, взволнованные игрой актеров, бурно аплодировали всему, что происходило на сцене.

Во время фестиваля перед колхозниками выступили также композиторы, художники, писатели... Многие творческие проблемы стали доступны и понятны людям села.

Не менее интересно прошли праздники искусства в селах Курганской области.

Курганское областное управление культуры, облсовпроф и Курганское отделение Всероссийского театрального общества провели очередной фестиваль в Половинском районе под девизом «Искусство — труженикам села». И разговор об этой встрече, думается, следует начать с афиши фестиваля, которая, по существу, представила собой подробнейшим образом разработанный план проведения праздника искусств, где расписаны были буквально по часам все мероприятия.

Афиша эта была подготовлена за два месяца до начала. Какое это имеет значение? Сразу скажу: огромное! Все творческие коллективы, которые участвуют в празднике искусств, извещены заранее. Кроме того они располагают временем, чтобы продумать, подготовить или обновить свои программы. Заранее решаются и все транспортные, бытовые, организационные проблемы, связанные с фестивалем. У руководителей творческих коллективов есть возможность посмотреть игровые площадки и сделать соответствующие выводы; руководству же района и хозяйств можно так спланировать рабочий день тружеников на время фестиваля, чтобы они всюду побывали, приняли участие в большинстве проводимых мероприятий.

Польза такой афиши очевидна! Однако самая распрекрасная афиша превращается в обыкновенную бумагу, если намеченная в ней программа остается пустыми словами, то есть не выполняется.

Значительной заслугой курганцев является то, что они не только умеют тщательно и реально планировать, но, главное, они неукоснительно следуют составленному плану. Несмотря на плохую погоду (два дня бушевала жестокая метель), из тридцати намеченных мероприятий сорвалось лишь одно.

В моем понимании — впрочем, я смею думать, что не только в моем,— цель фестиваля одна: приобщение сельских тружеников к искусству, к творчеству и сотворчеству. У человека, участвующего в празднике искусств, должно появиться желание тоже быть творцом. Конечно, это не значит, что люди должны пойти в театральные или художественные училища. В самодеятельность — может быть. Но даже и не это главное!

Быть творцом в своем деле — значит относиться к жизни, как к бесконечному процессу творчества.

И эта огромная задача будет выполнена только в том случае, если искусство предстанет во всем своем богатстве и многообразии.

Когда в районном Доме культуры курганские художники открыли свою выставку, ее посетили около пятисот человек. Экскурсоводами были художники Н. Годин и Н. Евлентьев: они познакомили людей села с работой мастеров живописи и монументального искусства области.

Весной курганские писатели И. Яган и А. Пляхин встретились с читателями; эта встреча тоже прошла содержательно и интересно: видно было, что люди к встрече подготовились заранее. И в который раз я добрым словом вспоминал афишу...

А на другой день вечером музыкальное и культурно-просветительное училища Кургана давали концерт в селе Яровом, зрители смотрели спектакль Курганского облдрамтеатра «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» В. Тендрякова. В селах Сухмень и Васильевка тоже шли концерты; их давали Курганская филармония и хор русской песни клуба комбината «Синтез».

Курганская область трудолюбивая, хлебородная. Тем радостней это уважение искусства к сельским труженикам.

Точно так же — разнообразно, серьезно, творчески глубоко — работает отделение ВТО на Алтае. У меня сложилось впечатление: по творческой активности, многообразию форм и способов общения с сельским зрителем, по горячему желанию быть полезным селу в деле эстетического воспитания, по самой эффективности этого желания, по силе художественной отдачи да и по многим иным, не менее важным признакам алтайские театры и отделение ВТО в целом — на одном из первых мест в Российской Федерации.

За многие годы в работе по обслуживанию села на Алтае сложились определенные формы, ставшие уже традиционными, здесь показывают весь репертуар городских театров на площадках подшефных колхозов и совхозов. Театральные поезда отправляются из сел на стационарные площадки в города Барнаул, Бийск, Рубцовск, Горно-Алтайск... Тут идут и утренние спектакли для детей и вечерние — для взрослых. Активно работают университеты культуры на селе.

Казалось бы, сделано уже немало. Но работники отделения, в частности председатель Совета по работе театров на селе при Алтайском отделении ВТО Любовь Фукалова, непременно каждый год обновляют эти формы, добавляя к ним какие-то новые, современные черты, все более расширяя круг общения с сельским зрителем.

Здесь много интересной работы. Расскажу хотя бы о том, что заслуживает особой поддержки. Ну, например, отделение практикует встречи актеров, режиссеров, художников, работников других творческих профессий, побывавших за рубежом, с рассказом о современном состоянии театрального искусства. В университетах культуры ДК читают пьесы на сельскую тему с последующим их обсуждением. Разумеется, читают для того, чтобы дать театрам соответствующие рекомендации. На фермах и в мастерских люди искусства и труда совместно обсуждают свои творческие дела. Торжественно празднуется выполнение социалистических обязательств. В колхозах и совхозах проходят лекции о театральном искусстве с показом отрывков из спектаклей, идут концерты в подшефных колхозах и совхозах, в сельских больницах и госпиталях. Широкая и многообразная программа составлена для сельской молодежи. Устраиваются просмотры спектаклей для школьников вместе с родителями, как и обсуждение этих спектаклей на родительских собраниях совместно с театрами. Например, обсуждались спектакли: «Здравствуйте, наши папы!» ТЮЗа, «Остановите Малахова» театра Крайдрамы. «В графе «отец» — прочерк» Рубцовского театра, «Разговоры в учительской, подслушанные Толей Апраксиным лично» — спектакль Горно-Алтайского театра...

Детская программа пользуется особым успехом и у маленьких и у взрослых зрителей. Председатели колхозов «Санниковский», имени Ленина Тальменского района, станции Заринская практикуют театральные поезда родителей и детей на спектакли в Барнаул.

Нравственная польза, целесообразность этих начинаний очевидны. На всех конференциях родители сердечно благодарят Алтайское отделение ВТО. В выступлениях взрослых людей ясно звучала мысль о том, что такие совместные посещения театра, как и обсуждение спектаклей, позволяют по-новому увидеть детей, понимать, как реагируют они на зло и добро, как воспринимают прекрасное. На одной из крупнейших строек Алтайского края было внесено дельное предложение, чтобы руководители предприятий хотя бы раз в месяц спрашивали на планерке пап и мам, когда они в последний раз были вместе с детьми в театре... Вот какой интересный и умный резонанс!

Проводится здесь совместное чествование в сельских Дворцах культуры передовиков труда. А также и актеров — в их юбилейные даты или по поводу присвоения званий. Чествование всегда заканчивается большим концертом или спектаклем, где участвуют актеры-юбиляры.

В нынешнем году театры края побывали зимой во многих районах; тысячи и тысячи зрителей аплодировали людям искусства.

Это живое многообразие форм работы алтайских театров и отделения ВТО на селе просто поражает. Здесь стараются максимально использовать все возможности для общения с сельским зрителем и стараются, как говорилось прежде, не за страх, а за совесть. Не устарела эта пословица и сегодня.

Пусть бы так было и везде. Такую именно задачу поставил XXVI съезд КПСС перед деятелями искусства.

ВЕСТЬ

Кадр из фильма «Дом на Лесной»

ОБРАЩАЯСЬ К НЫНЕШНЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Фильм грузинской киностудии «Дом на Лесной» создан к 75-летию Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. В основу ленты положены исторические факты, герои картины — реальные, невымышленные персонажи, грузинские подпольщики, пришедшие на помощь московским рабочим в тяжелейший год первой русской революции.

Автор сценария Георгий Мдивани был лично знаком со многими участниками тех героических дней, не однажды встречался с организаторами знаменитой подпольной типографии в доме на Лесной улице в Москве. В тридцатых годах был снят фильм об этих событиях, в его создании и тогда участвовал молодой Мдивани.

Нынешняя кинолента не просто повторение старой, а осмысление тех грандиозных событий с позиций сегодняшнего дня. Кинофильм «Дом на Лесной» еще раз подтвердил верность автора своей теме, своему стилю, своей манере повествования. За внешней занимательностью сюжета, яркостью характеров, изяществом диалогов всегда кроется глубокая мысль.

Кинофильм «Дом на Лесной» в полной мере можно отнести к историческому детективу. Все атрибуты этого увлекательного жанра представлены в киноленте.

Режиссер-постановщик Николай Санишвили строит свою картину на контрастах. И рассудительный, спокойный голос за кадром, представляющий нам героев фильма, словно настраивает нас с самого начала на определенный лад: конечно, мол, погони, подземелья, тайны и прочие приключенческие атрибуты захватывают воображение, но вглядитесь лучше в этих людей, молодых, красивых, умных, отважных... Что же заставило их покинуть родную цветущую Грузию, чтобы тяжелой зимой 1905 года создавать в холодной Москве, под носом у царской охранки активно действующую типографию? Что заставляло их ежеминутно рисковать своей жизнью, а в дни восстания добиваться разрешения выйти на баррикады вместе с московскими революционерами...

Как элегантны, остроумны, изящны эти молодые люди, выдающие себя за грузинских князей, на балу полковника жандармерии. И потом они так, словно с детства ничем иным не занимались, и лезгинку танцуют с непередаваемым «княжеским» изяществом. И тут же идут кадры, где эти «князья» роют подземелье для будущей типографии,— и здесь уже нет ничего от той «красивой» жизни. А есть только усталость до изнеможения, до кровавого пота, постоянная, нешуточная опасность и несгибаемая твердость. Революция совершалась именно такими людьми, утверждают авторы картины, обращаясь прежде всего к нынешнему, новому поколению.

...Баррикады Декабрьского вооруженного восстания были потоплены в крови, но финал фильма оптимистичен: грузинские революционеры уходят в снежную вьюгу, сохранив в целости типографию, уходят, чтобы вернуться.

Л. СЕМЕНОВА

Анатолий ГРОМЫКО,
директор Института
Африки АН СССР

Фото автора

ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

Бездонное, черное как смоль аравийское небо, этот поистине сказочный шатер, усыпанный безмолвными вестниками тайн вселенной — яркими немигающими звездами, простиралось над Аденом. Позади у нашего крылатого труженика, рейсового самолета Аэрофлота ТУ-154, остались многие тысячи километров земли и моря, Москва, Варна, Каир. Мы — советская делегация, направляющаяся на сессию Бюро Всемирного Совета Мира,— посматривали на эту малознакомую нам небесную кровлю, разминались, обходя аэропорт, заключенный в тесные объятия песчаных холмов и мрачноватых скал, пытались освежиться, уловить хоть малейшую прохладу. Словом, собирались с силами, так как при самом веселом нраве нельзя было не ощутить некоторой оторопи оттого, что впереди нам предстоял не менее длительный и к тому же ночной перелет в Дар-эс-Салам, а ранним утром оттуда на Мадагаскар, в его столицу Антананариву.

Подлетали мы к Мадагаскару на восходе солнца. Остров вынырнул из-за горизонта, проплыл мимо низким пологим берегом и стал быстро надвигаться покатыми террасами. Самолет снижался навстречу почти безлесному плоскогорью, усеянному мягкими по своим очертаниям бурыми холмами, редкими зеленоватыми горами, сквозь которые прорывались на запад по узким долинам рыжие по берегам реки. Постепенно вся местность окрасилась в красные тона — характерный цвет африканской почвы,— стали заметны более густые вкрапления вечнозеленых лесов. Начали попадаться все более частые поселения. Подходит-таки конец надоевшему многочасовому покачиванию в стальном гамаке. Ставшее не столь уж сладостным ощущение полета заканчивается.

Антананариву. В глаза ударяет сноп яркого света, но и он не может соперничать с удивительной голубизной утреннего мадагаскарского неба. Полудремотной истомы как не бывало.

Здесь, на малагасийской земле, в ее сердце — Антананариву, застроенном в основном домиками, выложенными из обожженного на солнце бурого и красного кирпича, с островерхими черепичными крышами, начинаешь постигать ее настоящий лик. В нем много исторических наслоений, полузабытых или совсем немых страниц. И все же он быстро становится куда более ясным, чем через призму познавательных книг и бремя расстояний.

Еще в конце XIX века путеводители для европейских переселенцев, мечтавших разбогатеть на острове, предупреждали любителей легкой наживы, что «Мадагаскар не Эдем, не Эльдорадо, но и не каменистая Аравия».

Так рекламировался остров, впервые увиденный в начале XVI века португальским капитаном Диего Диасом, когда морская стихия разъединила его корабль с флотилией, направлявшейся в Индию. Португальцам за остров зацепиться не удалось, но с XVII века его, особенно по восточному берегу, начали обживать французские поселенцы. Еще в 1642 году в Дьепе было создано общество для эксплуатации Мадагаскара. Его руководители действовали, как им казалось, вполне продуманно. Ими был основан на крайней юго-восточной точке острова форт Дофин. Похоже, колонизаторы всех времен одинаково глупы и безжалостны. Во всяком случае, как отмечают исторические хроники, «поселенцы с туземцами обращались жестоко и вероломно». В 1672 году форт Дофин был взят малагасийцами штурмом, и немногим из его обитателей удалось уцелеть. Это была суровая кара за попытку колонизации.

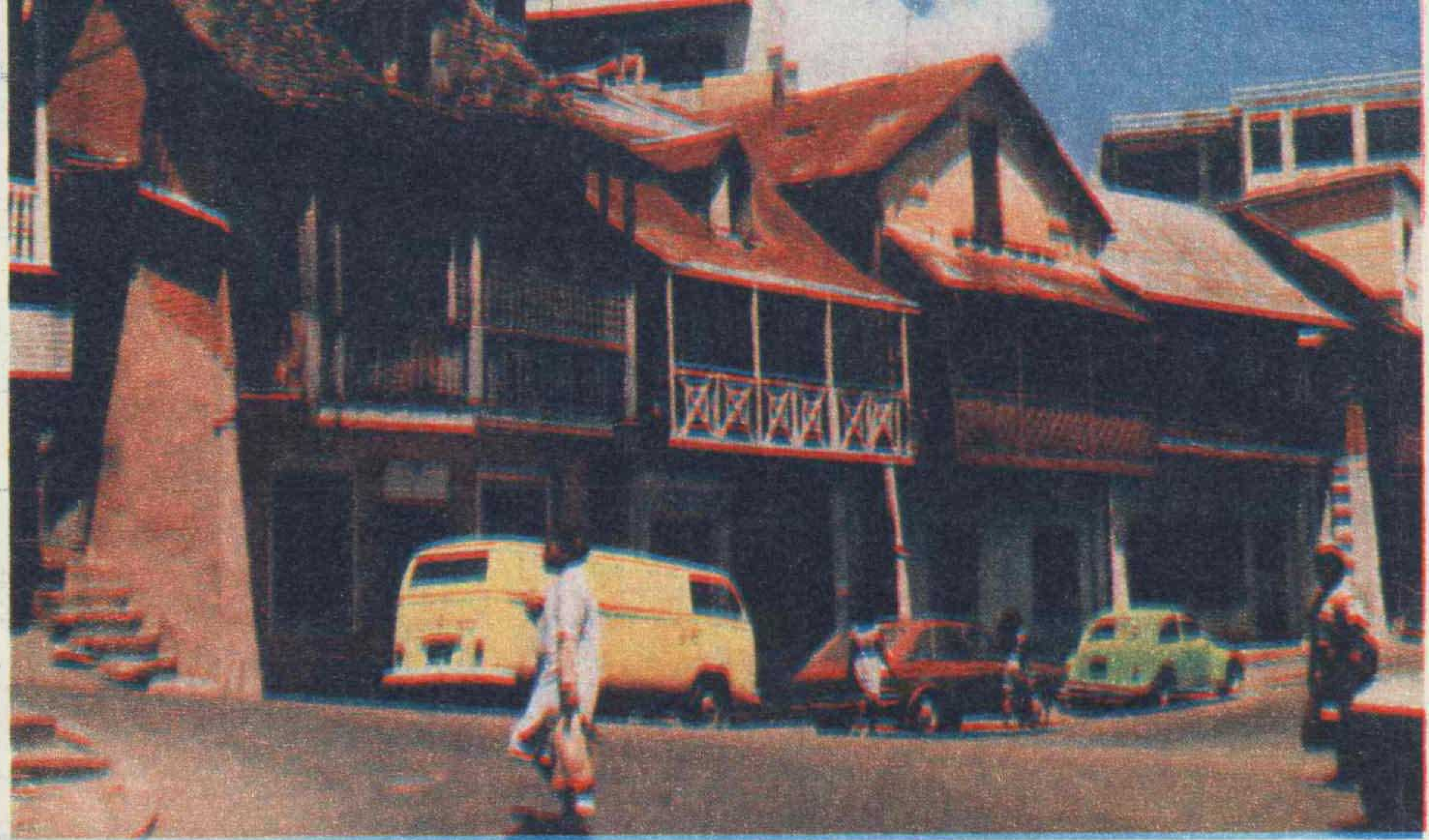
Урок, однако, не пошел впрок. С 1811 года на Мадагаскаре пробует закрепиться Англия, но безуспешно. Для малагасийцев наступили смутные времена усилившегося на их острове англо-французского соперничества.

Англичане сделали ставку на правителей народа мерна. Последние еще в XIV веке основали в центре Мадагаскара государство Имерина. Начиная с конца XVIII века его короли подчинили своему влиянию почти весь остров, включая прибрежные районы. Король Радам I, опираясь на Англию, организовал войско по европейскому образцу, накупил пушек и стал насаждать христианство. В стране, однако, началось брожение, так как сознание мальгашей находилось под влиянием веры и культа предков, их непрерывного воздействия на судьбы живущих. Был и, надо сказать, до сих пор существует культ фетишей, различных предметов, в том числе резных деревянных фигур. Многочисленным местным жрецам новая религия несла не мистику и таинственность, столь необходимые для подчинения человеческого ума и в конечном итоге духа, а признание примата власти протестантских миссионеров. И тогда нашла коса на камень. По наущению жрецов жена Радама I — Ранавалона, как утверждают, в 1828 году отравила своего супруга ядом, а затем стала уничтожать зачатки христианства. Но было уже поздно. Образование христианских сект продолжалось, и в 1869 году протестантизм был официально объявлен государственной религией.

Конечно, в этот период не дремали и французские предприниматели. Они особенно активизировались с 1840 года, овладели многими береговыми селениями, нередко переиначивая их названия на французский лад. Новый король Мадагаскара Радам II уже благоволил к французам. Но царствование его было быстротечно, престол унаследовала Разогерина, которая поспешила снова опереться на англичан, заключила с ними торговый договор. Качели конкурентной борьбы Лондона и Парижа за влияние на Мадагаскаре остановились лишь в 1885 году, когда англичане согласились с установлением французского протектората над этим островом в рамках раздела сфер влияния в Африке. Аппетит, однако, как любили говорить и колонизаторы, приходит во время еды. В условиях протектората иноземцы не имели неограниченного права приобретения земли, так как местные короли считались собственниками всех полей и рудников. И тогда с монархией было покончено. Королевство Имерины было ликвидировано после того, как в сентябре 1895 года под натиском колониального воинства пала столица Антананариву. Мадагаскар стал французским владением. Светильник национальных надежд и чаяний погас, но ненадолго. Характерно, что к началу XX века французы были вынуждены держать на острове армию в 28 тысяч человек. Зато колонизаторы стали владеть миллионами гектаров плодородных земель и лесных угодий.

В созданном советскими специалистами ПТУ города Анцирабе * Живописен вид на столицу страны Антананариву.

Современный Антананариву впечатляет. Его население, как нам говорили, уже намного превысило полмиллиона человек. Город раскинулся на довольно узкой холмистой возвышенности с крутыми восточным и западным склонами. Масса двух- и трехэтажных домов, поднимающихся террасообразно, окрашена в основном в светло-бежевые тона, залита ярким солнечным светом, который на расстоянии, когда созерцаешь общую панораму столицы, делает ее ослепительно белой. В самой высокой точке города своей остроконечной крышей подпирает голубой свод неба бывший дворец королей. Издали он чем-то напоминает усталого путника, преодолевшего опасный и тернистый путь, несколько потрепанного внешне, но все еще крепкого и глазеющего проемами окон на свои бывшие владения. Но и до этого средоточия деспотической власти докатились волны новой бурлящей жизни — теперь там, в частности в одном из верхних залов, находится музей малагасийской революции.

Во время одного из перерывов в напряженной работе Бюро Всемирного Совета Мира радушные хозяева пригласили нас осмотреть это историческое здание. Выяснилось, что, собственно говоря, королевских дворцов на вершине не один, а два.

Первый дворец, построенный в 1866 году, деревянный. Многое в нем говорит о желании правителей Имерины утвердить свой авторитет, подчеркнуть суверенность своей власти.

Рядом расположен второй дворец — гораздо больших объемов, сделанный из камня, с пышным тронным залом, в котором сейчас выставлены одежды придворных: золотые, синие, бордовые. Все королевские дворы, где бы они ни находились, в Европе или Африке, всегда хотели блистать, поражать. И оттого в конце концов внешне становились похожи друг на друга, оставаясь в плену одних и тех же расцветок и даже нередко покроя.

Но самое большое впечатление мы получили от посещения в новом здании дворца музея революции. Здесь посетитель видит фотографии жестоких событий, взятые из газеты «Ле пти журналь» (от 22 ноября 1896 года). Вот шеренга солдат-колонизаторов, расстреливает двух малагасийцев. В музее собрано большое количество рисунков, отображающих колониальное господство на Мадагаскаре и борьбу его народа за свободу. Их сюжеты разнообразны. Вот, например, колонизатор взламывает дверь жилища малагасийца, затем расстреливает всю его семью. Среди исторических документов есть, например, протест Жореса против колонизации Мадагаскара. Он был опубликован в газете «Маленькая республика» от 17 мая 1896 года. Интересно познакомиться и с газетой «Малагасийский пролетариат», основанной в 1937 году; она призывала рабочих к единству в борьбе за интересы Мадагаскара. Как известно, в 1947 году в стране вновь вспыхнуло вооруженное восстание народа, продолжавшееся около двух лет.

Малагасийцы глубоко чтут память французов, которые еще в 1896 году высказались против сохранения колониального статуса Мадагаскара. 20 июня 1896 года при голосовании по этому вопросу во французском парламенте приняли участие 385 депутатов, из них 312 проголосовали за колониальный статус, но 73 депутата были против, и их имена малагасийцы увековечили в музее.

Но довольно воспоминаний. Как и во всяком большом африканском городе, Антананариву нельзя по-настоящему оценить, не посетив его знаменитый базар. Едем на рынок «Зума», что означает «пятница». Наша машина ранним утром пробивается сквозь уже проснувшийся город. Кругом снуют такси, порой попадаются рикши, люди спешат на работу. В центре города есть уже и девятиэтажные дома. В высокомерном одиночестве возвышается отель «Хилтон». Недалеко от президентского дворца — красивое синее озеро, в центре которого стоит памятник малагасийцам, погибшим в первой мировой войне. Местность вокруг столицы чем-то напоминает северные предгорья Кавказа, но стоит осмотреться, как аналогия сразу же улетучивается.

Проезжаем забитый автомобилями туннель — в наши дни, похоже, достопримечательность каждого уважающего себя современного города. Кругом нетерпеливо урчат, извергая выхлопные газы, «рено», «пежо», «ситроены». В кинотеатре «Риц» идет французский фильм «Последний шанс». На тротуарах улиц — незатейливые лотки, бойко идет торговля овощами и фруктами. Как, наверное, и по всему земному шару, здесь в почете у девушек джинсы, цветные легкие блузки. А вот и «Зума». Это настоящая феерия из тысяч мелочей кустарного производства. Сами просятся в руки покупателю изящно выполненные фигурки из проволоки, расписные картинки местного быта, популярен сюжет с быками зебу, тянущими крестьянские повозки, а рядом — колоритный пейзаж с пальмами на берегу спокойного океана.

Велик, хаотичен и по-своему привлекателен «Зума», переполненный крякающими утками, шипящими гусями, кудахтающими курами. Одно плохо — почти никто из посетителей базара не любит фотографироваться. Мешают различные поверья. Только отдельные пожилые малагасийцы, набравшись храбрости, вдруг говорят нам: «Я готов».

Малагасийцы опрятны, вежливы, подчеркнуто ненавязчивы по отношению к иностранцам. И в то же время всегда готовы прийти на помощь, если у вас к ним есть вопросы.

Из бесед выясняется, что сельское хозяйство до сих пор является основным занятием малагасийцев. Вот почему их так тревожит затянувшееся отсутствие дождей на плоскогорье, от чего страдает основная сельскохозяйственная культура — рис. Большое значение для страны имеют также экспортные культуры — кофе, ваниль, гвоздика. Больно ударили по экономике страны мировой энергетический кризис и прекращение в августе 1980 года поставок иракской нефти, а также падение мировых цен на кофе.

Для решения насущных экономических задач создана Хартия малагасийской социалистической революции, провозгласившая своей целью построение социализма. Осуществляются крупные социально-экономические преобразования, идет процесс национализации иностранной собственности, в том числе банков. Создан государственный сектор в промышленности, начато кооперирование в деревне, создается новый административный аппарат в виде народных комитетов. Осуществляется программа строительства новых школ, больниц, культурно-бытовых учреждений. О масштабах усилий в области начального образования говорит, например, то, что им уже охвачено 1,3 миллиона детей.

Конечно, на пути дальнейшего прогресса малагасийского общества стоит немало преград. Реакция не прочь спровоцировать волнения среди населения, подорвать мирное течение жизни страны. Международный империализм стремится помешать социалистической по своим целям революции 1975 года, которая явилась логическим следствием стремления народа страны к подлинной независимости. Они хотели бы вновь вернуть Мадагаскар к сумятице, дестабилизации, потере веры в будущее.

Со всей силой мы почувствовали стремление малагасийцев к миру, когда присутствовали на концерте малагасийской молодежи. Смуглые девушки в строгих костюмах пели о стремлении к миру и счастью, их темные глаза с надеждой смотрели в зал, в уголках губ мелькала улыбка, этот неизменный спутник юности, а в зале звучали слова боевого гимна демократической молодежи мира: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем... Снова черные силы роют миру могилу... Каждый, кто честен, встань с нами вместе, против огня войны!» Знакомые боевые слова, как они сегодня актуальны!

Я спросил у известной малагасийской поэтессы Клариссы Рацифандрихамананы Андриамампандри, над чем она сейчас работает. И услышал в ответ: «Пишу новеллы, специально для детей, а также пьесу для детского театра». «О чем пьеса?» Ответ был не то чтобы неожиданный, но, во всяком случае, наводящий на размышления. Тема пьесы — судьба детей в расистской ЮАР, осуждение апартеида. Эта боль за маленьких изгоев на родной земле, у которых отняли детство, среди патриотически настроенной африканской интеллигенции непреходяща.

Можно также отметить, что на Мадагаскаре сегодня наблюдается жажда возврата к истокам национальной самобытной культуры. В этом мы убедились, послушав первую мальгашскую оперу «Зеленушка в лесу», где мотивы любви и вековых традиций оборачиваются неожиданным конфликтом между матерью и дочерью. Но в конце концов, несмотря на трагизм в чем-то жизненных, но одновременно и сказочных ситуаций, материнское сердце находит верный ответ, приносящий всем счастье.

...Богат полезными ископаемыми остров Мадагаскар, трудолюбивы малагасийцы. Но их повседневная жизнь, конечно, все еще трудна. И для того, чтобы безвозвратно ушло в прошлое чувство беспомощности, которое столь упорно прививал душе африканцев колониализм, нужно прежде всего, чтобы не спутали малагасийцы тропы, ведущие к упрочению социального прогресса, чтобы не отшатнулись из-за сиюминутных трудностей от своего же счастья, от построения общества, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Верная дорога к нему — социалистическая ориентация. Иначе иностранные хозяйские кулаки вновь загуляют по их спинам.

Едем в город Анцирабе по приглашению работающих там советских специалистов. Дома малагасийцев в сельской местности, как правило, двухэтажные — внизу хозяйственные помещения, вверху жилище. На полях заметное оживление. Крестьяне спешат собрать рис, так как дождей все нет и его может засушить. Собирают рис, даже несмотря на то, что он недозрел. По бокам дороги видны посадки сахарного тростника, кукурузы, гигантская банановая трава высотой с хорошее дерево. Нередко навстречу попадаются повозки, запряженные неторопливыми быками зебу. Дорога забирается все выше в горы, и вот мы уже на двухкилометровой высоте. И здесь многие долины используются с помощью ирригации для посевов риса.

Проезжаем большой поселок. Сотни учеников, одетых в голубую и синюю форму, возвращаются из школы. При виде нашей машины девочки замолкают, а многие мальчишки что-то задорно кричат.

На возвышенных местах, около деревень, на почтительном расстоянии стоят семейные склепы. Влияние культа предков здесь крайне велико. На крышах склепов нередко стоят вазы с цветами. Их ставят на усыпальницы сразу после похорон.

Все чаще встречаются рыбаки; как и везде, они терпеливо ждут своей удачи. Чем дальше на юг, тем все более густыми становятся сосновые рощи, все многолюднее обочины дороги. Крестьяне продают бананы, яблоки, груши. Вот уже целые торговые ряды, покрытые узкими крышами из рисовой соломы, выстраиваются вдоль дороги. А вот и примета нового времени — по дороге навстречу нам катит трактор «Беларусь»...

Мадагаскар, этот исполинский остров в Индийском океане, сегодня сбрасывает паутину времени. Укрепляется, несмотря на происки неоколониализма, его независимость. И каждый честный человек желает малагасийцам успеха на этом пути.

Антананариву — Москва.

Малагасийские юноши — учащиеся ПТУ станут квалифицированными механизаторами * Прелестный уголок столицы Мадагаскара * Весело на перемене * На Мадагаскаре можно встретить предметы народного творчества из стран тропической Африки: статуэтка группы племен бакото * Посох вождя одного из малагасийских племен (фрагмент) * Погребальный столб (фрагмент)

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В ШТАБЕ ГЕНЕРАЛА ВИНОГРАДОВА

После нелегкого боя сильно поредевший за время тяжелых сражений в глубоком тылу врага отряд майора Млынского прорвался сквозь линию фронта и поступил в распоряжение армии генерала Виноградова. Подразделения отряда разместили в поселке Марьевка, расположенном невдалеке от штаба армии.

Отдав необходимые распоряжения, майор Млынский прилег на топчан в отведенной ему землянке и впервые за многие недели после тревожной и бесконечно трудной жизни на захваченной немцами земле крепко заснул.

Но выспаться и на этот раз ему не удалось. Его разбудил четкий голос приехавшего из штаба офицера:

— Товарищ майор! Вам приказано прибыть в штаб армии к генерал-лейтенанту Виноградову сегодня к десяти ноль-ноль.

Майор вскочил на ноги, взглянул на часы. Стрелки показывали 9.20.

— Времени в обрез,— заметил он.

— У землянки штабной «газик». Ждет вас,— успокоил Млынского офицер связи.

Наскоро побрившись и приведя себя в порядок, Млынский без промедления вышел из землянки и сел в машину рядом с шофером.

Это был молодой, худенький красноармеец с веснушчатым лицом, одетый в не по росту большой замасленный полушубок.

Машина рванулась вперед и, подпрыгивая на выбоинах, на предельной скорости понеслась вдоль перелесков. Морозный воздух, врываясь сквозь щели в боковом стекле, обжигал лицо. Млынский поглубже натянул ушанку и, энергично растирая пальцами щеки, спросил шофера:

— Давно при штабе?

— Неделю. Раньше на этой машине работал мой отец. Командарма возил. Да вот у штаба танкового полка, только вышли они из машины, и сразу артналет. Отца убило, а командарма в руку ранило. Я из Москвы — учился там в автодорожном институте — на похороны отца приехал, командарм нашу семью знал хорошо. Вот он меня вместо отца при себе и оставил. Очень я его просил об этом. Так вот на машину отца и пересел и полушубок его получил. Тут и кручу баранку. Только, откровенно говоря, у меня руки на фашистов чешутся. Хочу на передовую проситься, а еще лучше в тыл врага. Иванов моя фамилия.

Высказав все это, Иванов заискивающе взглянул на майора.

— Я вчера от штабных писарей слышал, как вы фрицев в тылу колотили, так что, если снова туда пойдете, возьмите меня с собой. Не подведу.

— Верю,— отозвался Млынский и улыбнулся.— Только как без тебя командарм управлять войсками будет?

Миновав сожженный поселок, «газик» въехал в густой лес и вскоре остановился возле небольшого деревянного дома, который охраняли автоматчики. Его встретил дежурный, лейтенант Сидоров, и провел в штаб.

На большом столе посреди просторной комнаты была развернута оперативная карта, испещренная многочисленными разноцветными знаками. Поодаль, на тумбочке, стояли телефоны, очевидно, для прямой связи со Ставкой, командующим фронтом, корпусами и дивизиями.

За столом уже сидели генералы и полковники, среди которых Млынский узнал члена Военного совета фронта, дивизионного комиссара Садовникова, командарма генерал-лейтенанта Виноградова и начальника штаба генерал-майора Ермолаева.

Взглянув на Садовникова, Млынский доложил:

— Товарищ член Военного совета фронта! Майор Млынский, командир отряда особого назначения, прибыл по приказанию командарма Виноградова. Разрешите присутствовать?

— Разрешаю. Садитесь.

В это время стоявшие в углу напольные часы стали отбивать десять.

Оглядев присутствующих и обращаясь к Садовникову, Виноградов сообщил:

— Все в сборе.

Садовников поднялся из-за стола:

— Товарищи. Смелым контрударом по левому флангу армии генерала фон Хорна войска нашего фронта сорвали запланированное врагом на вчера наступление и нанесли ему тяжелые потери. В этом нам значительно помогли отряд майора Млынского и партизаны. Командующий фронтом генерал армии Жуков поручил мне поблагодарить вас за эту важную операцию. В итоге мы выиграли некоторое время, необходимое для укрепления обороны на московском направлении и подготовки нашего контрнаступления.

Сказав это, дивизионный комиссар сел, а генерал Виноградов встал и сказал:

— В ответ на высокую оценку ратного труда воинов нашей армии прошу передать командующему фронтом, что мы и впредь будем стойко сражаться с врагом, а вам, товарищ дивизионный комиссар, наше солдатское спасибо за конкретную помощь.

— Какая там помощь. Солдат надо благодарить,— возразил Садовников, вышел из-за стола, надел потертое кожаное пальто с меховым воротником, поправил кобуру на боку, пожал руку командарму и, пожелав всем остальным успеха, вышел из комнаты.

Проводив взглядом дивизионного комиссара, Виноградов склонился над картой и, указывая на голубые стрелы, направленные на Москву, стал разъяснять присутствующим:

— Генштаб вермахта, готовя новое наступление на Москву, по-прежнему придает важное значение армии генерала фон Хорна. По данным, полученным нами от разведгруппы «Пламя» («Молодец Афанасьев»,—сказал себе Млынский), фон Хорн подтянул две танковые дивизии, и в его распоряжение движутся из Смоленска две механизированные дивизии из резерва Гитлера. Зафиксирована переброска на аэродромы Сухиничей, Козельска, Юхнова эскадр бомбардировщиков, которые, по тем же данным, также придаются в оперативное подчинение армии фон Хорна. Все это показывает, что немецкое командование намерено вскоре взломать нашу оборону и прорваться к Москве.

По нашим расчетам, в ближайшие дни, не позже как через неделю, фон Хорн закончит перегруппировку и концентрацию своих войск для нанесения главного удара, чтобы прорваться к Москве.

Он увлекся концентрацией своих войск и в результате оголил свои тылы до такой степени, что даже в городе, где находятся его армейские склады с боеприпасами и горючим, оставил всего две роты из войск СС. Одновременно зафронтовой и воздушной разведкой отмечена концентрация войск противника на флангах Западного фронта.

К нам, как вам известно, тоже стали прибывать сибирские дивизии, кавалерийские и пограничные части. На подходе танковые и артиллерийские соединения из резерва Верховного Главнокомандования. С завтрашнего дня нам придаются авиационные части, которые прикроют наши войска с воздуха. Нам с вами нужно их хорошо встретить и незаметно для противника провести смену частей на передовой. В сжатые сроки провести перегруппировку и концентрацию войск на главных направлениях, согласно данных вам предписаний, широко эшелонируя их на значительную глубину. Войскам нужно крепко зарываться в землю, создавать мощные узлы обороны и запасные позиции. Командирам корпусов и дивизий активно вести разведку противостоящего вам противника. Выявлять его огневые средства, широко использовать снайперов для уничтожения офицерского состава врага. Надежно охранять свои тылы, своевременно выявлять немецкую агентуру, забрасываемую в прифронтовую полосу. О вновь добытых вами данных немедленно докладывайте в разведотдел армии.

Закончив говорить, командарм сел за стол и, обращаясь к сидящему около него генералу, сказал:

— Ваше слово, Николай Спиридонович.— И, переходя на уставный язык, добавил: — Генерал Голубь. Член Военного совета армии.

Голубь встал, надел очки и, внимательно осмотрев присутствующих, не спеша заговорил:

— Товарищи генералы и командиры. Задачи, поставленные командармом, вытекающие из сложившейся обстановки в полосе нашей армии, всем ясны. Будем их беспрекословно выполнять. Обстановка на Западном фронте остается очень тяжелой, сложной. Но за нами Москва, и мы должны устоять. Нами руководит партия, поддерживает весь советский народ, в этом наша сила. Сейчас нужно разъяснить конкретные задачи личному составу частей и подразделений, усилить политико-воспитательную работу в войсках, а коммунистам подавать пример стойкости и героизма.

Закончив свое краткое выступление, член Военного совета снял очки, вытер платком вспотевший лоб и опустился на стул.

— Вопросы есть? — обратился к присутствующим командарм. И так как вопросов не поступило, Виноградов сказал:

— Тогда за дело, товарищи, по коням. И немедленно возвращайтесь в свои части.

— А вы, майор, останьтесь,— сказал он Млынскому.

Подписав какой-то документ, поданный ему начальником штаба армии генералом Ермолаевым, Виноградов указал Млынскому на стул и, когда тот пересел, сказал:

— Так вот, майор, Иван Петрович, если не ошибаюсь. Все вы хорошо потрудились в тылу врага. Спасибо вам за это. А теперь даем вам небольшую передышку. Отводим вас в Ногинск. Там получите пополнение, оружие, обмундирование. Срок — две недели. Больше не дано. Выводитесь в резерв командующего фронтом. Как использовать вас в дальнейшем, решит Ставка. Вот так. Готовьтесь к передислокации. А пока отличившихся в боях солдат и командиров представьте к правительственным наградам, командиров — к присвоению очередных воинских званий. И еще. Лично вам могу предоставить недельный отпуск, отмечая ваши заслуги. Вам есть куда ехать? Где ваша семья?

Млынский помрачнел, растерялся. Но, быстро овладев собой, ответил:

— Благодарю вас, товарищ командующий, за внимание и заботу. Но ехать мне не к ко-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21, 22.

му. Жену, мать и сына гестаповцы растерзали. И дом мой сожжен. Он под Оршей.

— Прошу прощения, Иван Петрович. Не знал о вашем горе. Потревожил ваши раны.

— Мое горе — это горе многих, товарищ генерал.

— Это верно. И все же прости меня, старика. Кому, как не мне, знать все о моих командирах.

В это время в комнату командующего вошел адъютант с телефонограммой в руках.

Виноградов надел очки, внимательно ее прочитал. Взглянул на Млынского и начальника штаба Ермолаева и вновь, уже вслух, прочитал текст:

Командующему армией генерал-лейтенанту Виноградову.

Для доклада Ставке срочно представьте в штаб фронта данные о боевых операциях отряда особого назначения майора Млынского в тылу немецко-фашистских войск. Ваши предложения дальнейшего использования отряда по его назначению.

Командующий Западным фронтом генерал армии Жуков.

— Ясна задача? — спросил Млынского и Ермолаева Виноградов. — Сколько времени вам нужно на оформление докладной?

— Полагаю, что двух суток хватит,— прикинув, ответил Млынский.—Мы с комиссаром Алиевым уже многое продумали и записали. Правда, не для доклада, а, как говорят, для себя.

— Вот и отлично,— похвалил командующий.— Вам и карты в руки.— Поправил седеющие волосы, улыбнулся: — Только много времени просите. Столько дать не могу. Война поджимает. Через сутки, завтра к вечеру, докладную положите мне на стол.

— Есть положить на стол,— подтвердил приказание Млынский.— Разрешите отбыть и приступить к выполнению задания.

— Отправляйтесь,— разрешил генерал.— А вы, Михаил Степанович,— обратился он к Ермолаеву,— проследите за их отчетом и помогите им, чтобы все было написано так, как требует командующий фронтом: четко, ясно и коротко.

РАДИОГРАММА

Проводив Николаева, Афанасьев и Максимов вернулись на базу, зашли в землянку, присели к столу. Взглянув на осунувшееся, почерневшее, с глубоко ввалившимися глазами лицо Максимова, Афанасьев сказал:

— Александр Иванович, как я рад, что вы с Тоней наконец к нам добрались. Я очень рассчитывал, что мы с вами будем воевать с фашистами здесь, но письмо, которое ты вчера привез из Центра, не оставило никаких надежд на это. Руководство нашей разведки, выполняя установки партии, разрабатывает далеко идущие планы.

— К счастью, умных голов на Руси много, и мыслят они категориями пошире наших с вами, товарищ капитан. А наше дело, как говорится, выполнять — по Сеньке и шапка,— ответил майор.

— Александр Иванович, вы по специальности не философ?

— Угадали! Я действительно перед войной защитил кандидатскую и начал работать над докторской, да грянула война. Я подал заявление в военкомат с просьбой направить меня на фронт — я ведь отлично знаю немецкий и французский. Через неделю меня призвали, несколько месяцев готовили для работы в тылу противника, тщательно проинструктировали, придали мне радистку, и вот мы теперь у вас. Я рад, Семен Иванович, что уже сегодня мы кое-что успели — разработали и скоординировали с подпольным горкомом партии план нашей борьбы.

— Да, план мы разработали отличный, теперь нужно приложить все силы, чтоб умело осуществить его. Учтите, Александр Иванович, здесь на ваши плечи навалится тяжелая ноша, но это для вас будет отличная практика перед выходом на самостоятельную работу.

— Семен Иванович! Работы я не боюсь, но, как разведчик, я еще малоопытен, могу наделать ошибок. Так что поправляйте, не стесняйтесь, обижаться не буду.

— А вы, Александр Иванович, если что не понятно — спрашивайте, тоже не стесняйтесь. Пока я не уехал в город, всегда рад вам помочь. А если придется работать одному, тут нужно действовать по принципу «сто раз отмерь, один раз отрежь», а если нет времени, чтоб отмерить, и решение нужно принимать мгновенно, выбирай оптимальный вариант и приложи все силы и волю к его осуществлению. Для разведчика главное — не теряться в любой обстановке, быстро ориентироваться, приспосабливаться к любой среде, вырабатывать в себе гибкость, железную волю, тренировать память, чтобы все держать в голове, обладать холодным и аналитическим умом. Вон сколько всего. Но у вас, кажется, все эти качества есть, развивайте и утверждайте их в себе, и из вас выйдет отличный разведчик. Я в этом глубоко уверен. Только, хоть вы и философ, поменьше разговаривайте. Помните народную мудрость: слово — серебро, а молчание — золото,— закончил Афанасьев.

— Спасибо за добрый совет, Семен Иванович.

Афанасьев взглянул на часы: стрелки показывали 11.45.

— Заговорились мы с вами, Александр Иванович, а время не ждет. Идите поспите, я вас разбужу в пятнадцать часов, пообедаем вместе с Тоней в вашей землянке.

— Она будет рада,— повеселел Максимов и вышел.

Оставшись один, Афанасьев вызвал к себе Дьяура. Когда тот появился, Афанасьев спросил:

— На тебя есть военная форма?

— Немецкая есть, точно по мне, я же по легенде ваш адъютант. Вот сейчас сижу, зубрю фашистские уставы и наставления, чтоб лучше вжиться в эту роль.

— Все это вы делаете правильно, но сейчас оденьтесь в форму командира Красной Армии и попробуйте вжиться в роль военного следователя, будете вместе с товарищем Николаевым немецкого офицера допрашивать.

— Товарищ капитан, я же никогда этим не занимался и понятия не имею, как это делается.

— Научитесь, только не теряйтесь и мер физического воздействия не применять, это у нас запрещено по закону. Выясните его установочные данные, звание, занимаемую должность, в какой части он служил, где она дислоцируется, сколько самолетов и каких типов там базируется. Одним словом, составьте настоящий разведывательный протокол.

— А если он откажется давать показания?— несмело спросил Дьяур.

— Какой же вы разведчик, если не сумеете допросить военнопленного? — ответил Афанасьев.

— Постараюсь. Куда мне явиться?

— Оденьтесь, как я сказал, и к 13.00 подойдете к причалу, там вас будет ждать Николаев-младший, он доставит вас по назначению. По окончании допроса возьмите с собой протокол и возвращайтесь на базу.

— А куда отправлять офицера?

— Это решит Николаев. Вы только передайте ему мою просьбу, пусть подержит его еще денек у лесника, пока мы ознакомимся с его показаниями.

— Будет исполнено. Разрешите идти?

— Разрешаю,— ответил Афанасьев. Когда Дьяур вышел, капитан подошел к топчану, снял поясной ремень с пистолетом, положил под подушку, набитую пахучим сеном, расстегнул воротник гимнастерки, снял ботинки, лег на топчан, укрылся курткой и тут же уснул.

Максимов вернулся в землянку, где Тоня, уже одетая, сидела за столом и приводила в порядок радиостанцию. Раненая нога ее неподвижно лежала на стоявшей рядом табуретке, сквозь бинт просочилось и запеклось пятно крови. Видно, нога сильно болела, потому что, когда девушка наклонялась к рации, на глазах у нее выступали слезы. Превозмогая боль, Тоня протирала детали и налаживала радиостанцию. Когда боль становилась нестерпимой, она откидывалась на спинку стула, несколько минут отдыхала и снова принималась за дело. Максимов подошел, легонько обнял ее, поцеловал пышные, белые, как лен, волосы. Тихо спросил:

— Болит, Тонечка?!

— Болит,— сквозь слезы ответила она.

— Очень?

— Очень.

— Не плачь и ложись-ка передохни.

— Я не хочу плакать, а слезы сами текут, мне даже стыдно перед тобой.

— Нашла чего стыдиться. К тому же я ведь твой муж. А кроме того, непосредственный начальник, поэтому ты должна меня слушаться и подчиняться. Так тебя инструктировали перед вылетом в тыл противника?

— Так! — прошептала Тоня, продолжая копаться в рации.

— Я тоже немного прикорну, а то на ходу засыпаю.

— Ложись, мой милый, ложись, на тебе лица нет,— посмотрела на него Тоня и снова принялась за работу.

— Тоня! Мы же с тобой обо всем договорились!

— Но ты же мою работу сделать не можешь, а на базе другого радиста нет. Ты все это прекрасно знаешь. В Центре с нетерпением ждут от нас весточки, и Афанасьев ждет не дождется связи с Центром.

— Все это правильно, но если ты совсем расклеишься, дело не сдвинется ни на шаг. И вообще прошу не нарушать воинскую дисциплину!

— Что ты кричишь на меня? Знаешь, если я закричу, то вся база сбежится. Ложись и спи.

— Какой после такого разговора сон, одно расстройство,— уже тише проговорил Максимов.— Ты пойми, я же о тебе беспокоюсь, у нас с тобой еще вся жизнь впереди, а если ты так будешь обращаться с ногой, может случиться непоправимое — отрежут, и все.

— Ну, значит, будешь иметь безногую жену, а не захочешь — проживу и без тебя. Когда я принимала решение лететь с тобой, хорошо знала, что здесь, мой дорогой муженек, можно потерять не только ногу или руку, но и голову. Только мы же чекисты. И разве пограничники, которые приняли на себя первый удар, или безусые матросы, среди которых, кстати, был и мой брат Васька, со связками гранат бросавшиеся под фашистские танки, не хотели жить? Нет, они любили жизнь не меньше нашего! И все-таки шли на смерть. Хоть и не имели кандидатских степеней,— язвительно закончила она, продолжая монтировать радиостанцию.

— Ну и характер у тебя, Тонечка, вряд ли кто мне позавидует. Но знаешь, я рад, что он у тебя такой. Для нашей работы другой не годится. Я, пожалуй, все же посплю,— проговорил Максимов и полез на нары.

— Давно пора, это лучше, чем с бабой пререкаться.— Но Максимов уже не слыхал этих слов, богатырский храп мгновенно наполнил землянку.

Дьяур в форме старшего лейтенанта Красной Армии с пистолетом на боку вошел в комнату лесника, когда командир разведвзвода партизанского отряда «Смерть фашизму» Семенов, человек лет сорока, уже сидел за столом, а напротив него развалился со связанными руками на потертом венском стуле поджарый немецкий офицер в форме полковника авиации и злыми глазами смотрел в окно. На широкой коричневой муаровой ленте на его груди красовался черный железный крест со свастикой, мундир украшали длинные ряды орденских планок и еще какие-то знаки.

Семенов с Дьяуром уже встречались раньше, поэтому обрадовались, вновь увидев друг друга.

— Георгий Сергеевич срочно выехал в отряды, поручил мне допросить этого типа. Я уже два часа с ним мучаюсь, а он ни слова,— пожаловался Семенов.— Правда, я его допрашивал с помощью словаря, а ты, говорят, знаешь немецкий. Попробуй, может у тебя получится.— Семенов встал из-за стола, уступая место Дьяуру.

Офицер, увидев командира Красной Армии, побледнел, но продолжал сидеть в прежней позе. Дьяур проглядел его документы и громко по-немецки произнес:

— Полковник фон Дитрих, вы находитесь в плену Красной Армии. Мы будем вас допрашивать. Вы намерены давать показания?

Немец вздрогнул и быстро проговорил:

— Я с бандитами не разговариваю. Если я пленный, отправьте меня в лагерь.

Дьяур вынул из кармана спички, зажег висевшую над столом керосиновую лампу, приоткрыл дверь из комнаты в коридор, попросил караулившего лесника:

— Закройте, пожалуйста, ставни снаружи.

Фон Дитрих заерзал на стуле, видно, заволновался. Дьяур, взглянув на Семенова, сказал:

— Развяжите ему руки.

— Может, не стоит, а то еще убежит.

— Пусть попробует — пристрелим, как бешеную собаку.

Немец вздрогнул. Дьяур, внимательно наблюдавший за ним, спросил:

— Вы понимаете по-русски? — Немец молчал.

Семенов вынул из ящика большой кухонный нож, подошел к фашисту. Увидев нож, Дитрих на ломаном русском заорал:

— Вы не смейте меня резать, я полковник, важный офицер вермахт, у меня драй киндер.

— А, испугался, фашистская морда! А кто ответит за наших детей, стариков и женщин, которых вы уничтожаете? Кто ответит за разрушенные и сожженные наши села и города?! — со злобой крикнул Семенов. Дьяур быстро перевел. Семенов разрезал веревку, освободил руки немца.

Дитрих растер пальцы затекших рук, осмелев, не спеша, сказал:

— Пусть отвечает Гитлер, он начал война. Я только зольдат, давал присяга, выполнял свой долг.

— Гитлер ответит, не сомневайся, но исполнителями преступлений являетесь вы, офицеры и солдаты гитлеровской армии,— проговорил Дьяур.

— Если будете упорствовать и молчать, будем вас судить,— выкрикнул Семенов.

Дитрих, раздражаясь, громко ответил:

— Меня судить вы не имеете права, я пленный, вы должны отправить меня в лагерь, строго выполнять международную конвенцию по обращению с военнопленными.

Дьяур перевел, Семенов рассмеялся.

— Мы будем действовать так, как велит наш советский закон поступать с преступниками.

Дитрих молчал.

Дьяур, который до этого внимательно изучал документы и перелистывал дневник Дитриха, вдруг встал, вышел из-за стола, подошел к пленному, строго сказал:

— Вы, господин полковник, оказывается, важная птица, вы еще в 1937 году были членом нацистской партии и на крови испанского народа железные кресты зарабатывали.

— Да, это были мои лучшие годы, я был молод, богат и считался асом нашего воздушного флота, сражавшегося в Испании против красных,— с гордостью и вызывающе воскликнул Дитрих и откинулся на спинку стула. Попросил закурить. Дьяур вынул пачку «Казбека», раскрыл перед немцем. У полковника загорелись глаза, он взял папиросу, прищурил глаза, внимательно ее осмотрел, понюхал табак, потом закурил, глубоко затянулся и проговорил:

— Зер гут! Отличные, в какой стране вы их покупаете?

— Делаем сами,— ответил Дьяур.

— Не может быть, разрешите посмотреть пачку.— Дьяур поднес ее к глазам полковника. Тот прочитал: «Фабрика «Дукат», Москва».

— В Москве, оказывается, умеют делать хорошие вещи. Скоро эти папиросы будет курить вся наша группа армий «Центр».

— Где же она их добудет? — спросил Семенов.

— В Москве, на фабрике «Дукат»,— по-русски проговорил Дитрих.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил Дьяур.

— Господин русский офицер, я хочу сказать, что скоро Москва ваша станет нашей.

— Не бывать этому никогда! — Семенов крепко стукнул по столу.

— Господин офицер, я понял, что мое положение очень тяжелое. Но я знаю много. Если вы гарантируете мне жизнь и даете слово, что после допроса отправите в лагерь, я готов вам дать важные показания.

Дьяур взглянул на Семенова, тот в знак согласия кивнул головой.

Дьяур уселся поудобнее, открыл большой блокнот.

— Так какие, полковник Дитрих, важные сведения вы хотите сообщить командованию Красной Армии?

Полковник взволнованно заговорил:

— Я ничего добровольно не хочу вам сообщить. Но для того, чтоб вы меня не расстреляли, я под давлением вынужден дать вам показания о планах командования группы армий «Центр», моей эскадры и всего нашего второго воздушного флота. А вы мне сохраняете жизнь, как говорится,— услуга за услугу.

— Понятно, господин полковник, говорите, мы вас слушаем,— проговорил Дьяур.

— Если можно, попрошу еще одну папиросу.

Дьяур снова открыл пачку «Казбека», поставил на табуретку, стоявшую перед немцем, положил рядом коробку спичек. Дитрих закурил, снова спросил:

— Меня не расстреляют?

— Мы точно соблюдаем международную конвенцию.

— Зер гут! — улыбнулся немец и еще раз, исподлобья взглянув на сидевших за столом Дьяура и Семенова, продолжал:

— Я командир эскадры тяжелых бомбардировщиков, переброшенной в августе месяце из Франции и переданной в оперативное подчинение второму воздушному флоту, который придан группе армий «Центр». Командует вторым воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг. Наша эскадра дислоцируется на бывшем русском аэродроме, недалеко от города Орши. В эскадре было 85 самолетов. В боях мы потеряли 26 машин. Вчера утром я получил приказ генерал-фельдмаршала Кессельринга приступить к тренировке экипажей для налета на Москву. Тренировки всей эскадры закончить до десятого ноября, с таким расчетом, чтобы 14—15 ноября она могла полным составом участвовать в налетах на Москву.

— Только ваша эскадра была задействована для налетов на Москву 14 и 15 ноября или такое задание получили и другие части второго флота? — спросил Дьяур.— И почему ваша эскадра должна была принять участие в налетах на Москву именно 14—15 ноября, а не раньше, тем более что тренировку экипажей вы должны были закончить до десятого ноября? — спросил Дьяур. Дитрих заерзал на стуле.

— Господин офицер, я и так вам рассказал немало. Вы допрашиваете меня в лесу, я не убежден, что вы представитель Красной Армии, возможно, вы просто бандит-партизан, переодетый в военную форму. Доставьте меня в лагерь военнопленных или представьте своему солидному начальству, и я дам им очень важные сведения.

— Наше высокое начальство поручило вас допросить нам, не к лицу так вести себя солидному офицеру. Давайте правдивые показания, и мы переправим вас в лагерь военнопленных,— твердо сказал Дьяур.

— Будешь говорить или нет, фашистская морда? — снова крикнул Семенов, он едва себя сдерживал.

Дитрих открыл глаза, презрительно посмотрел на него:

— Я даю показания офицеру Красной Армии, а не вам, бандиту.

— Задержанный, за недостойное поведение вы будете наказаны,—предупредил Дьяур.

Дитрих посмотрел на него:

— Господин офицер, я хочу есть. Распорядитесь, пожалуйста.

Дьяур, взглянув на Семенова, спросил:

— Он содержится в бане? Отведите его туда и дайте что-нибудь поесть.

— Встать, руки назад,— скомандовал Семенов, вынимая пистолет. Немец быстро встал и заложил руки за спину. Они вышли.

Семенов вернулся вместе с лесником, который принес крынку молока. Наливая молоко в глиняные кружки, сказал:

— Угощайтесь чем бог послал.

— А хлебушка у тебя нет? — спросил Семенов.

— Был кусок, немцу отдал, вас могу попотчевать еще вареной картошкой.

— Давай неси,— распорядился Семенов.

Не прошло и десяти минут, как на столе появилась миска вареной картошки, от нее поднимался сизый ароматный дымок. Семенов быстро очистил картофелину, посыпал солью, жадно уминая ее и запивая молоком, обратился к Дьяуру:

— Ты, товарищ старший лейтенант, неправильно допрашиваешь, слишком миндальничаешь с этим фашистом. Это же наш заклятый враг, а ты ни разу не дал ему по морде. Вот он и распустился, меня назвал бандитом. Да знаешь, если б тебя здесь не было, я за такие оскорбления так бы врезал ему по-партизански, что его унесли б на носилках.

— Умный человек ты, Семенов, и отличный разведчик, а чепуху мелешь. Мы не имеем права избивать пленных.

— Разве это пленный? Это же фашистский громила, который подлежит немедленному уничтожению, а мы с ним возимся, теряем дорогое время. Он пока нам, кроме места дислокации аэродрома, ничего не сказал, даже точных его координат не дал, так или не так?

— Я согласен с тобой, что врагов, когда они сражаются с нами в бою, нужно уничтожать, но когда они бросают оружие и сдаются в плен, извини меня, здесь вступают в действие другие законы, которые ты, товарищ Семенов, хорошо знаешь. А что касается полковника, то он еще немного поломается и все расскажет. Он много знает, но попробуй его понять: ты сам-то, что, сразу бы на его месте и раскололся?

— Я никогда не оказался бы на его месте,— вспыхнул Семенов.

— Ну, ладно, ладно, не сердись. Может, заберете его в отряд, у вас есть хороший переводчик, там и поработаете.

— Нет, вы начали, вы и кончайте. Мне от него надо получить только точные координаты и систему охраны аэродрома.

— Согласен,— отозвался Дьяур.

Лесник просунул голову в дверь:

— Немец наелся. Ввести?

— Введите.— Дьяур стал убирать со стола крынку из-под молока и картошку. Когда лесник ввел в комнату повеселевшего немца, Дьяур спросил:

— Ну, что вы теперь скажете, господин полковник?

Дитрих тихо, подавленным голосом заговорил на ломаном русском языке:

— То, что я делаю, является предательством, но, видит бог, у меня нет другого выхода. Я уже сказал вам ошень важный секрет — 14—15 ноября начнется второе генеральное наступление на Москву. Более подробные данные я изложу вашему начальнику, а сейчас прошу дать мне возможность поспать, только не в бане, там ошень холодно и криси бегают.

Дьяур посмотрел на часы, стрелки показывали 21.00, потом перевел взгляд на Семенова, тот сказал:

— С доводами полковника следует согласиться.

Дьяур встал, вышел из-за стола, громко проговорил:

— Господин полковник, допрос прерывается до завтра. В связи с тем, что у нас нет другого свободного помещения, вы будете ночевать в бане, но там хорошо протопят.

— Благодарю,— с заискивающей улыбкой ответил полковник и взял из пачки еще несколько папирос и спички. Семенов и лесник вывели его из комнаты.

Дьяур быстро собрал свои записи, забрал документы и дневник Дитриха, сунул в полевую сумку, оделся, распрощался с Семеновым, вышел из дому и в сопровождении лесника зашагал к Гнилому озеру. Порывистый северный ветер раскачивал деревья, забирался под одежду, бросал в глаза и лицо сыпавший из тяжелых серых туч мокрый снег. На берегу озера их встретил Николаев-младший. Потирая закоченевшие руки, он поторопил:

— Быстрее садитесь в катер, а то спиртное для подогрева вчера кончилось, погода мерзкая, совсем окоченел.

Сергей нажал на стартер, мотор взревел, и катер лихо помчался к острову.

Продолжение следует.

ПАМЯТЬ ИСТОРИИ

Кому приходилось бывать в Оружейной палате Московского Кремля, тот, наверное, запомнил прекрасное золотое блюдо, покрытое по бортам изысканным черневым узором, изготовленное в шестнадцатом веке, принадлежавшее восточной княжне Марии Темрюковне, второй жене Ивана Грозного. Любуясь изделием златокузнеца, мы не можем не подумать о том, что восточная красавица и ее отец стали в давние времена персонажами широко известной исторической песни о женитьбе Ивана Грозного на кабардинской княжне Марье Темрюковне в 1561 году. Но, оказывается, одновременно эта песня существовала и в скоморошьей обработке. Ее-то — некогда бытовавшую скоморошину — и напечатал в книге «Былины» Виктор Калугин. Примечательно, что это издание предназначено для чтения или, как принято говорить, для многочисленных читательских кругов, а не для немногих, занимающихся фольклором. Молодые поколения часто знают устное народное творчество опосредствованно — через литературу, живопись, театр... Виктору Калугину удалось создать книгу, в которой поэтическая память народа, как называют былины и исторические песни, предстает в своей непосредственной красоте и истинности. Во вступлении ставится простой вопрос: а сколько всего былинных героев? Хотя бы самых главных? Полного поименного списка нет. И Виктор Калугин в самом начале составляет перечень русских богатырей, главных персонажей героического эпоса, затем он перечисляет основных героев былин докиевских, киевских и новгородских, а также былин-сказок, новелл, баллад, духовных стихов, скоморошин. Прекрасно иллюстрированная книга дает читателю возможность пройтись по аллеям истории, попав под вековечные своды таких разделов: «Древнейшие былинные образы», «Героический эпос», «Киевский цикл», «Новгородский цикл», «Былины — сказки, новеллы, легенды, скоморошины». У нас на глазах возникает как бы русская Одиссея. Напомню, что Лев Николаевич Толстой, по свидетельству Софьи Андреевны, мечтал написать роман о русских богатырях, а также драму о Даниле Ловчанине, княжеском ловчем-охотнике, и его жене Василисе Никулишне, которая «лицом... красна, и умом сверстна», умевшей прекрасно петь и знавшей грамоту. Или откроем былину «Ставр Годинович», которая, по мысли исследователей, напоминает о столкновении новгородского боярина Ставра с самим Владимиром Мономахом. Составитель выбрал для книги вариант, записанный в семидесятых годах прошлого века С. И. Гуляевым от выдающегося алтайского сказителя Леонтия Тупицына, о котором сказано следующее: «Убежденный в справедливости всего, о чем говорится в былинах, он поет их с выражением на лице чувства внутреннего удовольствия, увлекаясь, при поэтической его натуре, в мир фантазии, забывает, кажется, настоящее...» Примечательно и то, что вариант Леонтия Тупицына взят из книги «Былины и песни Южной Сибири», выпущенной в Новосибирске в 1952 году. Столетиями сюжет кочевал из уст в уста, передаваясь от поколения к поколению, перебираясь из киевских и новгородских мест на Волгу, за Урал-камень, в сибирские бескрайние просторы, и пришел, наконец, на Алтай. Нет ни малейшего сомнения в том, что мы еще только приступили к освоению наших сказочных фольклорных богатств, и главные открытия еще дело будущего.

Книга прекрасно иллюстрирована палехской художницей Раисой Смирновой, а оформление принадлежит художнику Б. Чупрыгину. Хороши заставки, виньетки, буквицы — от них веет духом подлинности. Вместе с тем, если говорить откровенно, невольно вспоминаешь палехских и мстерских художников времен Ивана Голикова и Ивана Фомичева, создававших в свое время изобразительную миниатюрную классику наших дней, посвященную Древней Руси. Конечно, таланты такого масштаба всегда редки, но их высокий пример должен быть у нас всегда перед глазами.

Былины. — Предисловие, подготовка текста и комментарии В. И. Калугина. М. «Современник», 1980, 350 стр.

Евгений ОСЕТРОВ

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. МАЙКОВА

МОЙ СЛЕД ЕЩЕ ХРАНИТСЯ...

С детства памятны всем нам полные глубокого лиризма и изящества строки стихов о весне:

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...

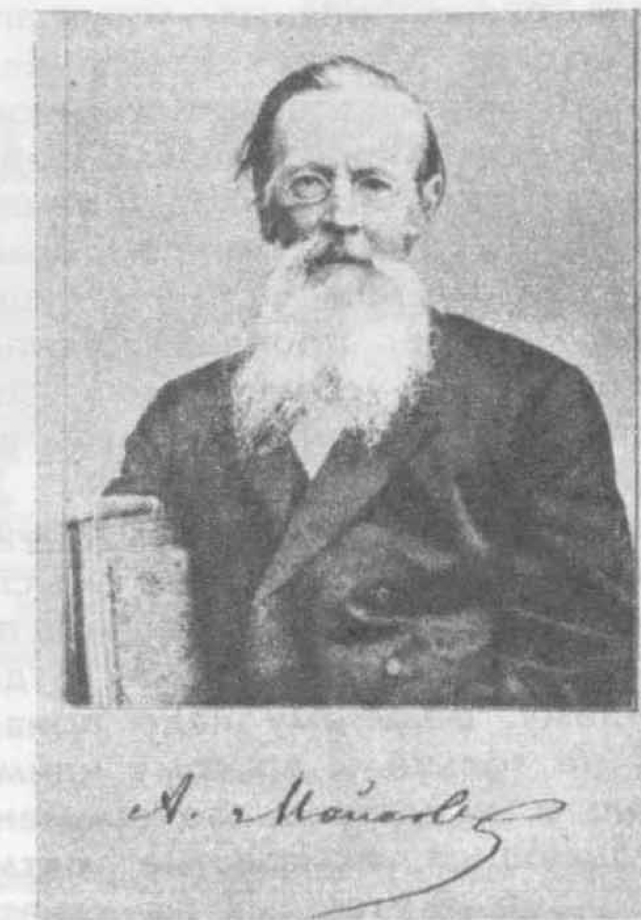
Это стихотворение написано в середине прошлого столетия замечательным русским поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым.

Поэт родился в Москве 23 мая (4 июня) 1821 года среди «фамилии талантов», по выражению ректора Петербургского университета друга Пушкина П. А. Плетнева, и прожил долгую жизнь в «золотом» для русской литературы XIX веке. Предок Майкова Иван Степанович предоставил купеческому сыну Федору Волкову свой ярославский дом и деньги для создания первого русского театра. Его сын Василий Майков — известный в свое время стихотворец, автор поэмы «Елисей, или Раздраженный Вахх». Дед поэта, директор Императорских театров, также писал стихи. Яркой личностью был и отец А. Н. Майкова Николай Аполлонович — герой Бородина, академик живописи.

Будущий поэт был первенцем в семье. Большая роль в его воспитании принадлежит его матери Евгении Петровне, помещавшей свои стихи и прозу в «Библиотеке для чтения». До двенадцатилетнего возраста с весны до осени Майков жил в Подмосковье, среди чудесной природы знаменитой Клинско-Дмитровской гряды, приезжая то в имение отца сельцо Голышкино, то в имение бабушки — Чепчиху. «Себя я помнить стал в деревне под Москвою»,— напишет позже поэт в стихотворении «Рыбная ловля» и так обрисует эти места:

Порой ручей, порой овраг,
А там поля, опять поля!
И в золотых опять волнах
С холма на холм
взлетаю я...

Современный паломник, отшагав по живописным холмам от подмосковного Загорска десять километров, не найдет уже, к сожалению, следов сельца Голышкина (Никольского тож). Лишь ударит неожиданно сладкой памятью в сердце «настурций в нем огненный куст», да с околицы ближней деревни Писарево ярким пятном откроется среди березовых рощ голышкинский холм. А вот у деревни Чепчиха, что близ современного города Солнечногорска, рядом со станцией Сенеж, можно увидеть остатки старинного парка и майковский пруд с красивым островом посередине. Здесь теперь расположился дом отдыха, и, по-видимому, было бы правильно подумать о создании в нем мемориальной комнаты поэта...

Первый сборник стихотворений А. Майкова восторженно приветствовал в 1842 году Белинский, талант его высоко ценили В. А. Жуковский и И. А. Гончаров, Ф. И. Тютчев и Д. И. Менделеев.

Мир поэзии Майкова лиричен и разнообразен. Вспомним его нежнейшую «Колыбельную песню»: «Спи, дитя мое, усни...» или стихи о встрече незадачливого рыбака на берегу Невы с самим царем Петром:

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит
в лес,
Смотрит долго в ту
сторонку,
Где чудесный гость исчез...

Георгий БЛЮМИН

ВРЕМЯ ЛЕТНИХ ОТПУСКОВ

Настало время летних отпусков. Кто отправится в лес или в горы, кто поедет на байдарке, а кто вдоволь насладится южным солнцем на черноморском пляже. У каждого свой вкус. Однако немало людей рассчитывают в свой отпуск подлечиться в санаториях, используя минеральные и другие целебные воды, лечебные грязи и прочие природные дары курортов нашей страны.

Куда лучше поехать? Когда в России появился первый курорт? И что это за наука — курортология? — нередко спрашивают наши читатели.

Эти вопросы привели нас в Центральный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии, к его директору доктору медицинских наук В. М. БОГОЛЮБОВУ.

— Василий Михайлович, в вашем институте я видела карту санаторно-курортных областей в нашей стране. Не только Крым, Кавказ и Прибалтика славятся санаториями, но их много и на Урале, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, на севере страны... Почему же большинство людей по-прежнему стремятся на Кавказ, в Кисловодск, Сочи и Гагру?

— Давайте разделим за это вину пополам между нами — врачами и вами — журналистами. Сколько раз мне приходилось читать, сколько видеть красочных фотографий Крыма, Кавказа и Прибалтики. А о таких отличных курортах, как Белокуриха и Барнаульский, Садгород, Кульдур, Медвежье, Ангара, Солониха, Усолье, Сольвычегодск на востоке страны, в Сибири и на севере, я что-то ни в «Огоньке», ни в прочих журналах и газетах почти ничего не читал. Между тем в одних из этих мест есть разнообразные минеральные воды, в других — железистые, в третьих — родон, лечебные грязи и во всех — красивейшая природа. Я назвал лишь несколько курортов, пришедших на ум. Природные лечебные грязи имеются более чем в сотне курортных мест, а что касается разнообразных минеральных вод, то они есть практически в любой части страны. Кстати скажу, что поиск минеральных, родоновых и железистых вод и лечебных грязей все время продолжается. При нашем институте существует целое производственное геологическое объединение, специально занимающееся этими вопросами.

Так что всем стремиться на уже известные курорты нет смысла. Тем более, что часто дальние переезды не идут на пользу отдыхающему. Ведь ему надо привыкать не только к другому климату, но и к сдвигам во времени, нарушающим привычные ритмы организма. В местных же санаториях практически не приходится адаптироваться, и в большинстве случаев лечение идет успешней.

И еще скажу: обследование перед направлением на курорт должно быть тщательным и углубленным, а не просто сводиться к заполнению граф санаторно-курортной карты. Ведь очень важно ехать в соответствующий санаторий, где имеются лечебные факторы, нужные именно этому больному, а не в «любой». Иначе вместо пользы отдых может принести даже вред.

Совершенно неразумно, когда отдыхающий стремится использовать, как говорится, «на все сто» лечебные процедуры, включая те, что ему совсем не нужны. Конечно, лечащий врач не назначит процедуру, если есть противопоказания, но иногда, подчиняясь давлению отдыхающего, может согласиться на те, которые явного вреда не принесут. Однако они не принесут и пользы, утомят больного, а в отдельных случаях могут и повредить, привести к ухудшению общего состояния. Так, например, минеральные ванны, мацеста, грязи обостряют процессы, идущие в организме, и могут вызвать болезни, которые, возможно, без них и не проявили бы себя.

— А когда и где в России появились первые курорты?

— При Петре Первом. Еще в 1714 году Иван Рябов, рабочий Кончезерского завода в Карелии, обнаружил близ нынешнего Петрозаводска чудесный источник — железистые минеральные воды. Их назвали «марциальными», по имени Марса — бога железа и войны. На этом источнике и возник первый курорт в России, здесь часто отдыхал и лечился сам Петр. А в 1717 году он издал указ сенату: «искать в нашем отечестве, а особливо в таких местах, где есть железные руды, ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней». По его же указу были составлены «Дохтурские правила, как при оных водах поступать». Без рекомендации доктора водами было пользоваться нельзя. Обращаю на это ваше внимание. Положение не изменилось и сейчас: сначала «дохтурский совет», потом — поездка в санаторий.

В том же 1717 году было открыто несколько теплых лечебных источников «в Черкесской земле», на Кавказе. Так что Петра Первого можно считать родоначальником курортологии в нашей стране.

— Что включает в себя наука курортология?

— Курортология — область медицинской науки, предметом которой является изучение свойств целебных природных физических факторов и разработка методов их применения как на курортах, так и в поликлиниках и городских водолечебницах. Под «физическими факторами» я имею в виду минеральные воды, лечебные грязи, благоприятный климат, красивую природу.

Наш институт объединяет два родственных раздела медицинской науки — курортологию и физиотерапию, то есть главные нелекарственные воздействия на организм. Мы изучаем влияние этих факторов на здоровый и больной организм, разрабатываем методики лечения, ведем поиск новых курортов, даем рекомендации для развития и охраны существующих курортов — словом, наряду с исследовательской и лечебной работой занимаемся научно-организационными вопросами санаторно-курортной помощи, являясь головным институтом подобного профиля не только в нашей стране, но и в социалистических странах Европы.

Сейчас мы обращаем внимание на санаторно-курортное лечение не только в связи с профилактикой целого ряда заболеваний. Все большее значение санатории и курорты начинают играть как реабилитационные центры. Дело в том, что раньше считалось, будто курортное лечение хорошо лишь при начальных стадиях заболевания либо при хронических болезнях. Научные исследования последних лет показали, что пребывание в санаториях после операций и острых заболеваний, после больницы содействует скорейшему и более прочному выздоровлению. Люди, лечившиеся после больницы в санаториях, не только скорее поправляются, но меньше болеют и в дальнейшем. Сочетание физических факторов с физиотерапией, механотерапией, лечебной физкультурой весьма благоприятно влияет на организм человека.

— Василий Михайлович, в последнее время много говорят о пользе бани. В печати было несколько информаций о ее различных усовершенствованиях, в частности о так называемой бане-«суховее». Как вы относитесь к этому?

— К баням отношусь вполне положительно. Баня улучшает обмен веществ, тренирует дыхание, сердце, выравнивает кровяное давление. Это прекрасный метод закаливания организма, снятия лишнего веса. Сейчас пошла мода на сауну, но скажу, что для лечения целого ряда недугов русская, влажная баня с березовым веником не хуже, особенно она хороша для повышения защитных функций организма.

Лечебная баня в Москве появилась в мае 1733 года. В ней было предписано «пользовать только наружные болезни и трудные операции без ведома и совета дохтурского не чинить».

И теперь, спустя столько лет, я тоже посоветую: прежде чем регулярно пользоваться парилкой — посоветуйтесь с врачом. Что касается различных усовершенствований бани, то здесь не ответишь категорически — да или нет. Одно скажу твердо: прежде чем говорить о внедрении этих «усовершенствований», надо исследовать, как влияют они на организм человека, доказать их рациональность.

Возьмем, например, баню-«суховей», которую вы упомянули. Основой ее является то, что в «суховее» имеется установка, обеспечивающая вихревое движение воздуха в парильне. В конструкцию ее входят также противопылевой и бактерицидный фильтры, термоионизатор, поглотитель углекислоты, ингалятор растворов лекарственных веществ, наконец, скафандр, чтобы голова была в определенных микроклиматических условиях. Наши клинико-физиологические исследования показали, что баня-«суховей» далеко не безобидна, как может показаться на первый взгляд, очень дорога и для массового применения неподходяща. Не говоря уже о том, что пребывание человека в бане в скафандре, ингаляторы медикаментов требуют включения в штат специально обученных техников и медицинских работников, что еще больше удорожит «суховей».

Само по себе турбулентное движение воздуха, особенно при принудительном движении, вызывает сильное напряжение сердечно-сосудистой системы, что ограничивает пользование баней-«суховеем» не только для больных, но и для здоровых людей. Одно время было модным устанавливать ионизаторы воздуха в рабочих помещениях. Сейчас появился ряд работ, доказывающих спорность целесообразности этого. Дело в том, что ионизированный воздух оказывает разное воздействие на людей, находящихся в состоянии покоя и работы. В парильне эта разница увеличивается.

Большие возражения имеются у нас и против ингалятора растворов медикаментов. Действие медикаментов на человека, находящегося в состоянии гипертермии и гипервентиляции, резко обострится, изменится, что может привести к непредвиденным тяжелым последствиям.

Теперь о скафандре. Он был бы оправдан, если бы пребывание в парильне длилось несколько часов, а не 7—10 минут, как это бывает на практике. Что же касается бактерицидных фильтров, то, на наш взгляд, они тоже не нужны, так как при температуре выше 70 градусов большая часть бактерий уничтожается. Парильня все-таки не операционная и не бокс для новорожденных.

— Вы сказали, что баня может избавить от лишнего веса. А лечение голодом применяется в вашем институте?

— Нет. Больных лечим диетой в комплексе с лечебной физкультурой и физиотерапией. Нам представляется, что это оказывает лучшее оздоровляющее действие и не грозит никакими осложнениями.

— Василий Михайлович, а что за макет стоит возле вашего кабинета?

— Под Москвой, в Перхушкове, в лесу, уже строится, так сказать, загородный филиал нашего института. Будут в нем и целебные минеральные ванны, и грязелечебница, и большой бассейн, и веранды для климатотерапии, и научные лаборатории. Здесь смогут проходить исследования и лечение до трехсот пятидесяти больных. Этот макет — скорое будущее нашего института.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИЗ

Владимир Парфенович с призом журнала «Огонек».

Фото А. Бочинина

Соревнования по гребле на байдарках и каноэ памяти олимпийской чемпионки Юлии Рябчинской каждый год собирают лучших гребцов. Впервые проведенные в 1973 году, в Житомире, на реке Тетерев, эти соревнования затем переместились на реку Москву и прочно заняли место в международном спортивном календаре. Приз Рябчинской, быстро завоевавший популярность, обладает одним интересным свойством: его обладатели, как правило, быстро выдвигаются в число лучших и завоевывают призы на многих крупных гонках. Так, ученица Антонины Серединой — Нина Гапова, завоевав приз на дистанции 500 метров, вскоре стала чемпионкой Монреальской Олимпиады, а затем вперед вышли спортсменки ГДР, прочно захватившие лидерство после 1976 года. Они с благодарностью вспоминают старты в Москве — и Г. Дитмар (1977 год), и Р. Эберль (1978 и 1981 годы), и Биргит Фишер, молодая байдарочница, завоевавшая приз в 1979 году, а затем ставшая олимпийской чемпионкой в Москве.

Счастливый приз! К нему на соревнованиях 1979 года присоединился еще и другой — его учредила редакция журнала «Огонек» для мужчин на дистанции 500 метров. В 1979 году этот приз завоевал молодой белорусский гребец Владимир Парфенович. Тогда этот рослый белокурый спортсмен был мало кому известен, а вскоре после мемориала Рябчинской мы услышали его имя: Парфенович завоевал две золотые медали на чемпионате мира — в байдарке-одиночке и в байдарке-двойке в содружестве с опытным гребцом Сергеем Чухраем, а затем на Московской Олимпиаде стал обладателем трех золотых медалей — на байдарке-одиночке на дистанции 500 метров и на байдарке-двойке с Сергеем Чухраем в гонках на 500 и 1000 метров.

И вот новая встреча с Владимиром Парфеновичем на мемориале Юлии Рябчинской, в котором приняли участие спортсмены 9 стран. И снова замечательный гребец завоевал приз журнала «Огонек» в байдарке-одиночке, а затем снова вышел на старт со своим новым товарищем на двойке Сергеем Суперата (Сергей Чухрай закончил свои выступления), и снова победа, хотя гребцы ГДР Хемпель и Фишер приложили все силы для того, чтобы добиться успеха, и проиграли на финише всего семь десятых секунды.

После вручения приза «Огонька» Владимиру Парфеновичу мы беседовали с ним.

— Я очень рад, что мне снова удалось завоевать приз журнала «Огонек»,— говорит Парфенович.— После того, как я получил этот приз в 1979 году, я ни разу не проиграл на своих дистанциях. Надеюсь, что и теперь приз будет для меня счастливым.

— На каких соревнованиях вы будете выступать в ближайшее время?

— Скоро возьму старт на гребных соревнованиях в ГДР, а в июле на первенстве мира в Англии,— говорит Владимир Парфенович.

В. ВИКТОРОВ

КРАСНОЯРОВСКАЯ ИГРУШКА

Александр КУЛЕШОВ

Резчиками всегда славилась российская земля, особенно лесной край Заволжье, родина многих самобытных художественных промыслов. Отсюда родом и знаменитые городецкие прялки, на донцах которых стремительно несутся всадники, прогуливаются добры молодцы да фасонистые щеголихи в пышных нарядах.

Из семьи потомственных древоделов и Тимофей Федорович Краснояров. Сколько помнит он себя, всегда его окружало дерево — и влажное, со смолистой слезой, только привезенное из леса, и медово-золотистое, отполированное временем — на стенах избы, и дымчато-седое, шероховатое от непогоды — на резных наличниках.

С детства приучился он его понимать: какое выбрать для донца или подставок для гребней и шпилек, какое на чашу пойдет, а из какого ладная игрушка выйдет.

Отец Тимофея Федоровича, известный мастер городецкой росписи, научил сына любить это ремесло: сначала доверял ему самое простое — делать белье, деревянные заготовки. Свой опыт старшие передавали во время работы, поправляли сразу при изготовлении изделия. Так постепенно вырабатывались острота взгляда, твердость руки, безошибочность подбора цветовой гаммы.

После Октябрьской революции организовалась Городецкая кустарная артель, куда входили мастерские по художественной обработке дерева. В них и проработал всю жизнь Тимофей Федорович. Был столяром, краснодеревщиком, токарем. А сейчас, уже выйдя на пенсию, стал все делать сам — от осинового чурбачка-баклуши до окраски.

Игрушки у него выходят самые разные, ни одна не повторяется. Его излюбленные кони то стоят смирно, готовые вот-вот пуститься вскачь, то нетерпеливо бьют копытом, то взметнутся в яростном галопе, то плавно кружатся на карусели. А боковины ящичков, на которых движутся, танцуют фигурки, непременно украсит цветком, добавит диковинные листочки, завиточки, и перед тобой — волшебный, сказочный ковер.

Традиционные городецкие формы переплетаются в его творчестве с мотивами, почерпнутыми из окружающей жизни. Раскрашивание, пожалуй, самый любимый им момент. После «малевания» — нанесения красок начинает «оживку», проводит четкие линии, которые придают игрушке законченный вид, уточняет характерные детали, прочерчивает глаза, рот, и изображение получается то печальное, то озорное.

Основными цветами городецких изделий были желтый, черный, зеленый, синий, красный и белила. Их смешение или разбеление давало различные оттенки. Конечно, в настоящее время палитра у мастеров значительно шире, да и клеевые краски сменились масляными. Но Тимофей Федорович в основном остался верен традиционной гамме. Локальные насыщенные цвета не кажутся на его игрушках контрастными, не режут глаз благодаря тонко подобранным сочетаниям.

...Человек он мягкий, добрый. Улыбнется и словно осветит нежной радостью все вокруг. Жена его Павлина смолоду была бойка. И сейчас, сухонькая, легонькая, как перышко на красноярровских игрушках, идет вприпрыжку и приговаривает: «Павлина-то бегает прытко, прытко».

А как начнут оба что-нибудь рассказывать — хоть и самое обычное про свое житье-бытье, а заслушаешься. Не спеша, плавно говорят. «Весной здесь у балки деревья расцветают, и краше всех вон та яблоня. Все вокруг белым-бело, как белье. Сядем рядышком с Павлиной — я режу лошадку, она ошкуривает. Хорошо так, спокойно»... Источник неиссякаемого вдохновения Тимофея Федоровича — родные места, окружающие с детства пейзажи России.

Очень любит Тимофей Федорович птиц. Смастерил кормушку, разукрасил ее нарядной росписью. Подойдут студеные зимние дни, выйдет старый мастер на крылечко, пристроит под окошком нарядный домик, и слетятся со всех окрестностей разные пернатые. А сам с неизменным своим спутником — котом сядет на лавочку и любуется на неугомонных, занятых делом птах. Тихо зимой в деревне, только пичужки гомонят. Радостно, покойно на душе становится. Сидит Тимофей Федорович и думает неторопливо о своих делах — что в доме надо сделать, кому весточку послать, а кому игрушку обещал сработать. Посидит, на птичек полюбуется и пойдет в дом новую игрушку готовить.

Домик у них с Павлиной небольшой, но ладный. Тихим покоем, забытым деревенским уютом веет от стен с фотокарточками родных, от запаха свежего Павлининого пирога, от довольного мурлыканья кота. Тихо шуршит стружка, выгибаясь причудливыми витками из-под резца. Без рисунка, придумывая на ходу, делает Тимофей Федорович быстрых коней, кокетливых барынь, удалых молодцов. А то удумал новую игрушку — покрутишь за ручку, и парочка вприсядку танцевать пошла. Кокетливое перышко на шляпке так и развевается.

По субботам у них всегда с утра баня натоплена, и зовут: «Приезжайте к баньке-то, что же все бегом да бегом». После баньки чаек с пирогами, а на новую игрушку глянуть забегут деревенские ребятишки — и крутится расписная карусель, бегут, не догонят друг друга резвые кони...

МЕЙД ИН…

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Посреди ночи нежданно-негаданно прилетела на хвосте южного ветра легкомысленная оттепель. Страстно припала к богатырской груди седобородых сугробов, соблазнила, заласкала, и те не устояли, податливо осели, томно поплыли...

К утру километровый заводской двор погребла непролазная снежная трясина. И как назло именно в то утро случилось в директорской голове просветление: хватился, куда подевалась малогабаритная лазерная установка иноземного происхождения. Как водится, вызвал на роскошный свой ковер зама, главного инженера и главного технолога. Где, спрашивает их, обретается приезжий аппарат? Те — взоры долу. Хрустнула в директорских пальцах любимая паркеровская ручка: повелел учинить розыск и до полудня найти пропавший агрегат.

Помощнички цапнули за ворот командующего заводским снабжением Ефима Селезня: чтоб с двенадцатым ударом сгинувшая установка предстала пред грозные очи — хоть из-под земли, хоть со дна морского.

Тертый калач Ефим Селезень в панику не ударился и даже не пригорюнился. Неторопко распечатал «Марльборо», кинул в межзубье пахучую загрантабачину, надавил на гашетку селектора: «Начальника охраны попрошу подойти к воротам...»

— Все воюешь, старый... джентльмен! — приветствовал Селезень Кузьмича. Ну, не совсем, конечно, так приветствовал, не в точности, а по смыслу так.

— Сам ты... джентльмен,— вяло парировал стандартный выпад начальник охраны.— Чего кликал-то?

— Дело есть... К полудню велено раскопать контейнер с малогабаритным лазерным аппаратом. В этих вот... живописных Монбланах.— Селезень кивнул на богатырские сугробы.

— Мать моя матушка! Чего им там загорелось... разумникам?

— С горы вниз видней,— объяснил Селезень.— Прочес начнем прямо отсюда, держи лопату...

Тяжелый мокрый снег сопротивлялся проникновению в свои тайны с упорством хранителя золота, подло лип к широким деревянным лопатам и в полчаса так укатал лазероискателей, что навел их на мысль о неизбежном инфаркте.

— Ну его, лазер этот,— задыхаясь, прошептал Кузьмич.— По контейнерам этим и летом-то полазаешь — шею свернешь, а тут еще и в снегу утопнешь. А найти — один шут не найдешь.

— Надо найти — приказ есть приказ.

— Ты накладные смотрел?— с неожиданной деловитостью справился Кузьмич.— Когда лазер-то этот завезли?

— Позапрошлым летом, в июне.— Селезень мигом смекнул, что Кузьмич взял след.

— Что ж ты, шляпа?— не совсем так укорил его подчиненный.— Тут же еще четыре года назад механизмы складировали! Мы ж с тобой по «старичкам» ползаем, упокой, господи, их души железные!.. А позапрошлым-то летом э-звон где разную разность валивали — за сборочным... Двинули, что ль?..

Форсировав серую леденящую топь, ринулись на слежавшийся снежный пласт в штыковую — обоих бил заячий озноб. И сразу же дерево с гудом шибануло по дереву. Обработали двухметровую поверхность по вертикали. Похоже — контейнер. Прошлись по горизонтали. Точно — контейнер!

— Мейд ин...— прочитал Селезень полустертую стихиями надпись.— Тот лазер, помнится, тоже «мейд ин...» был. То ли свидн, то ли джапн...

— Чего-чего?— Кузьмич с маху вонзил лопату пред своими ногами и бросил на черенок скрещенные руки.— Какая еще такая джапн? У нас что, своих лазеров нет?! Да и х н е е, «мейдиновское», я и искать-то не стал. Мне на и х н е е с высокой колокольни!

— Было ихнее, теперь наше. Мы уплатили, они завернули. Так-то. Теперь вот пользуемся...

...За час откопали еще двадцать девять близнецов того, первого, контейнера. И дружно усомнились: «На кой леший столько малогабаритных лазерных установок?» На проезжем самосвале прикатили к заводоуправлению, Селезень кинулся к брюхатым пыльным папкам, зашуршал документами, сличая даты, артикулы и прочее... Потом победно откинулся на стуле:

— Это не лазеры, Кузьмич. Это поточная линия с программным управлением!

Кузьмич простуженно кашлянул, сапоги растерянно чавкнули натекшей с них же водой.

— Елки зеленые! Выходит, клад отыскали!

— То-то и оно, а ты выделывался,— пожурил Селезень деда.— Ладно, мчусь обрадовать руководство.

...К изумлению Селезня, директор выслушал доклад без аппетита. Брезгливым оком полоснул зама, главного инженера и главного технолога. Селезня же и этим не удостоил.

— Что вы предлагаете?

Зам и технолог интонацию уловили, а инженер не уловил:

— Предлагаю приступить к установке оборудования.

— Ну, послал господь помощничков!— Острый приступ внутренней боли исказил обаятельное чело директора.— Стало быть, честь завода вам не дорога. Разве не приходит вам в голову, что освоение поточной линии угробит нам все показатели? Минимум на год попадем в «хвостатики»... Какое распоряжение вы получили утром?

— Сыскать малогабаритную лазерную установку иноземного происхождения,— повинился зам низким опущением головы.

— Так будем искать или как?— точно топориком, рубанул по ней директор. Зам скосил глаза на главных спецов, те — на Селезня.

— Так точно — будем!— заверил Селезень.— Все хляби изопьем, а пропажу ту найдем.— Рифма вышла со страху.

— Шевелитесь, помощнички,— сморщился директор и привычно махнул ладошкой в сторону двойных дверей. После приказал секретарше соединить его с директором школы.

— Рад приветствовать вас, Богдан Федорович! С доброй вестью врываюсь в вашу обитель знаний: завтра утречком оборудуем вам физкабинет импортным чудом, как договаривались... Не стоит благодарности, мы как-никак шефы... А вы уж там проконтролируйте, чтобы балбесу моему, Генке, наскребли по физике «пятерочку». Да и по математике не помешает, десятый класс все-таки, а времена нынче — сами знаете... Кстати, поточная линия вам не нужна? Завалялась тут у меня одна... Хе-хе, шучу. Ну, до побачения!

...Селезень застал Кузьмича на том же месте.

— Поди, премию огреб? С тебя причитается...— Дед физиономистом не был.

— Поворачивай оглобли назад,— кисло распорядился командующий снабжением.— Велено лазер искать.

— А как же линия?

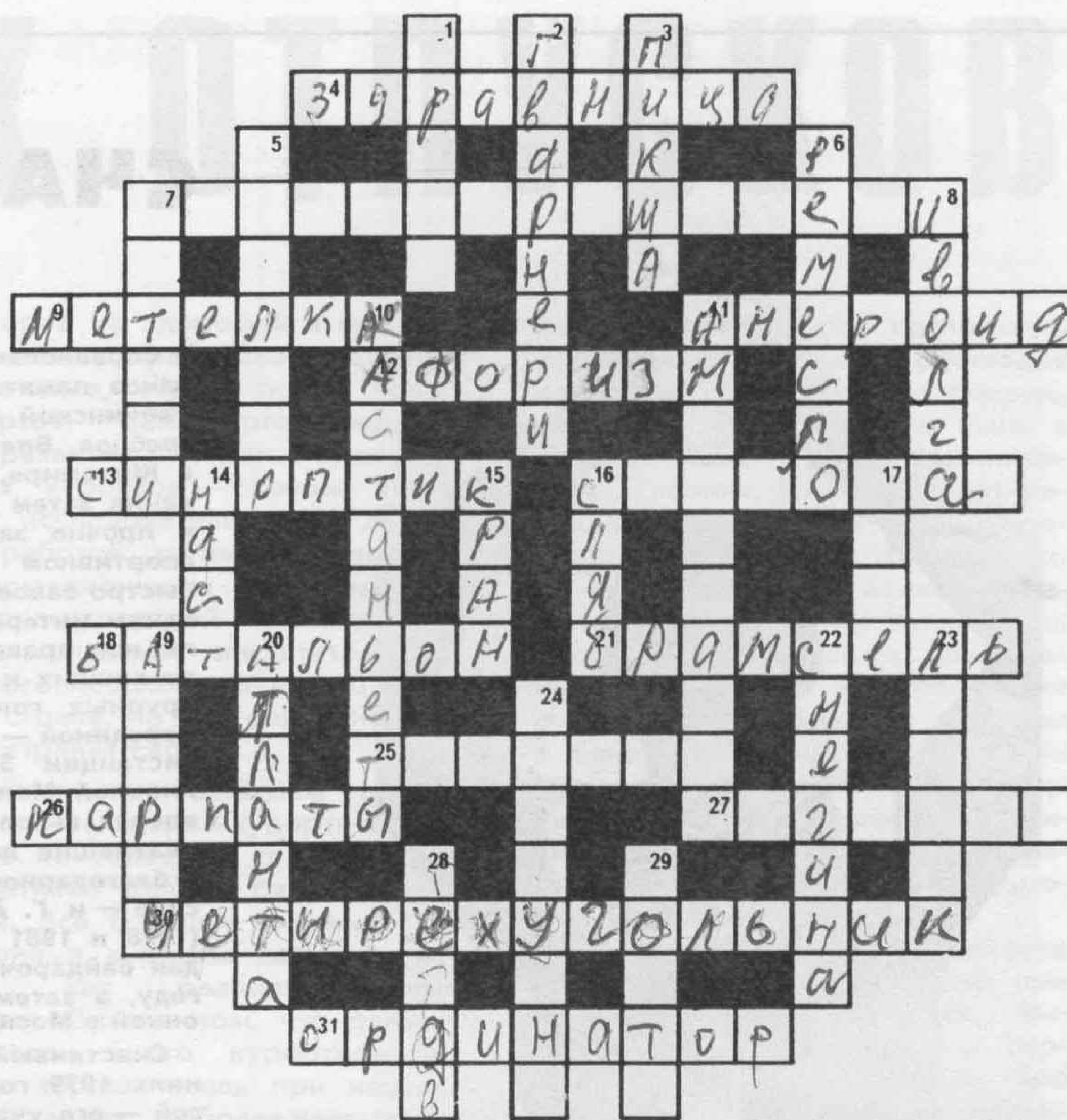
— Да на кой она — ихняя, «мейдиновская»?— В иронии Селезня энтузиазма не пробивалось.

— Так ведь мы уплатили, они завернули!

— С горы видней.

— Ясненько... Ну тогда бог с ней, с линией-то,— не совсем так заключил командующий охраной.— Очченно это интересно, когда с одного боку все кругом вроде как и твое, а с другого — вроде как и нет...

И они захлюпали к контейнерам — расширять фронт работ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Санаторий, дом отдыха. 7. Повесть Л. Н. Сейфуллиной. 9. Соцветие травянистых растений. 11. Металлический барометр. 12. Краткое изречение. 13. Метеоролог, специалист по прогнозам погоды. 16. Подножие колоннады в античной архитектуре. 18. Подразделение полка. 21. Верхний прямой парус на мачте судна. 25. Стихотворение В. В. Маяковского. 26. Горная система в Европе. 27. Старинный город в Чехословакии. 30. Геометрическая фигура. 31. Врач, одновременно с практикой занимающийся научными исследованиями.

По вертикали: 1. Труба, скважина для отвода грунтовых вод. 2. Семья итальянских мастеров смычковых инструментов XVII—XVIII веков. 3. Промысловая морская рыба семейства тресковых. 5. Действующее лицо оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 6. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 7. Эфирномасличный тропический полукустарник. 8. Лесная певчая птица. 10. Ударный музыкальный инструмент. 11. Трехсложная стопа в стихосложении. 14. Оледенелая корка снега. 15. Грузоподъемная машина. 16. Стальная заготовка в металлургическом производстве. 17. Русский архитектор XIX века. 19. Сербский писатель. 20. Административный центр штата в США. 22. Героиня поэмы С. А. Есенина. 23. Французский естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина. 24. Русский скульптор. 28. Советский космонавт. 29. Радиоактивный химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 1. Тургенев. 3. Энциклопедия. 7. Тарасова. 10. Грамм. 11. Экспромт. 13. Ротор. 15. Контур. 16. Октант. 17. Солнце. 19. Висмут. 23. Шрифт. 24. Ярмаровка. 25. «Кукла». 26. Парабола. 28 Аэродинамика. 29. Каренина.

По вертикали: 1. Тацит. 2. Выдра. 3. Экзамен. 4. Карась. 5. Протон. 6. Ярмарка. 8. Маяковский. 9. Статистика 10. Гиндукуш. 11. Эрудиция. 12. Токусима. 14. Рейсшина. 18. Литавра. 20. Мексика. 21. Разряд. 22. «Аврора». 26. Парик. 27. Анива.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зеби Мамаджанова — одна из лучших работниц красильно-отделочной фабрики Ленинабадского шелкового комбината. (См. в номере материал «Шелковая река».) Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В творчестве Тимофея Федоровича Красноярова воплощены лучшие традиции городецкой игрушки. (См. в номере материал «Красноярковская игрушка».) Фото А. Кулешова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.05.81. Подписано к печати 02.06.81. А 00382. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1285. Заказ № 621.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Бог войны Марс доволен...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

